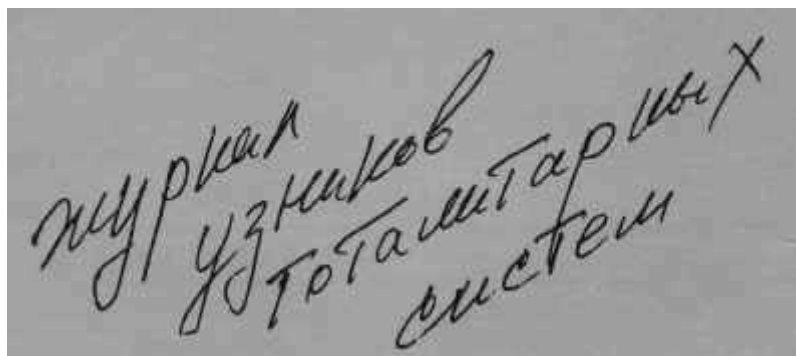

1/1993

Воля

Мы в России живем теперь на развалинах самого долговременного тоталитарного режима XX века. Живем в плену старых стереотипов мышления. Мы должны вырваться из него. Мы должны осознать, что делали с нами и что делалось в нас.

Грозит России новый тоталитаризм? Увы, это можно написать и без вопросительного знака. Разумеется, мы будем стремиться предотвратить такое развитие. Иначе тупое зло восторжествует в новом обличье, а наш журнал превратится в инструкцию «Как следует себя вести в первую минуту, когдаходишь в камеру».

Воля

Журнал узников тоталитарных систем

1/1993

Выходит 4 раза
в год

Содержание

От редакции	3
АННА БАРКОВА. Герои нашего времени	4
ЗАКИР ГАБАЙДУЛИН. Я Вам должен сказать	5
При свете дня (интервью с председателем Гражданского комитета «15 января» <i>Гансом Швенке</i>).	12
1-я международная конференция «Спротивление в ГУЛАГе» 19 — 21 мая 1992.	22
АНДРЕЙ ВОРОБЬЕВ. По обе стороны колючей проволоки.	27
ХЕНК ПЕЛЬЦЕР. Незавершенное прошлое.	30
ВАЦЛАВ ДВОРЖЕЦКИЙ. Пути больших этапов	34
НИКОЛАЙ АНТОНОВ. Из воспоминаний.	45
ИСААК ФИЛЬШТИНСКИЙ. Ян Рокотов.	54
НИНА ГАГЕН-ТОРН. «Темниковский заповедник»	57

ЖЕРМЕНА ТИЛЬОН. Равенсбрюк	60
ШАРЛОТТА ДЕЛЬБО. Рассвет. Командир.	64
АЛЛА МАКАРОВА. Норильское восстание.	68
АЛЕКСАНДР ДУГИН. Восстание в Особом Горном лагере.	109
Из письма С. З. БОМШТЕЙНА Г. С. КЛИМОВИЧУ.	122
ТАТЬЯНА ИСАЕВА. Воробей	125
О книгах издательства «Возвращение»	

Главный редактор С. С. Виленский

Редакционная коллегия:

И. П. Борисова

З. А. Веселая

Т. И. Исаева

Л. С. Новикова

Н. М. Пирумова

В. Кардин

Дж. Кроуфут

Н. А. Формозов

Художник Д. С. Мухин

Оформление Ю. А. Бродского

Технический редактор А. А. Кокорин

Корректор С. В. Цыганова

Сдано в набор 10.04.93. Подписано к печати 15.05.93. Формат бумаги 70x100/16. Бумага писчая № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 950 экз.

Издатель: Московское историко-литературное общество «Возвращение»
Москва, 103062, а/я 96

Отпечатано в типографии №

ISBN 5—7157—0039-6

© «Возвращение», 1993

От редакции

Дорогой читатель!

Это наш первый шаг к созданию журнала узников тоталитарных систем.

Это должен быть журнал, обращенный и к новому поколению. Наша цель — опираясь на пережитое, осмыслить сегодняшний день. Несмотря на все бедствия и убожество быта, Россия полна талантов. В ней созрели духовные и политические силы. Мы предлагаем трибуну пока еще неизвестным людям. Таков, собственно говоря, принцип общества «Возвращение» как издателя.

Мы в России живем теперь на развалинах самого долговременного тоталитарного режима XX века. Живем в плену старых стереотипов мышления. Мы должны вырваться из него. Мы должны осознать, что делали с нами и что делалось в нас.

Грозит России новый тоталитаризм? Увы, это можно написать и без вопросительного знака. Разумеется, мы будем стремиться предотвратить такое развитие. Иначе тупое зло восторжествует в новом обличье, а наш журнал превратится в инструкцию «Как следует себя вести в первую минуту, когдаходишь в камеру».

Анна Баркова

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Героям нашего времени
Не двадцать, не тридцать лет.
Тем не выдержать нашего бремени,
Нет!

Мы герои, веку ровесники,
Совпадают у нас шаги.
Мы и жертвы, и провозвестники,
И союзники, и враги.

Ворожили мы вместе с Блоком,
Занимались высоким трудом.
Золотистый хранили локон
И ходили в публичный дом.

Разрывали с народом узы
И к народу шли в должники.
Надевали толстовские блузы,
Вслед за Горьким брели в босяки.

Мы испробовали нагайки
Староверских казацких полков
И тюремные грызли пайки
У расчетливых большевиков.

Трепетали, завидя ромбы
И петлиц малиновый цвет,
От немецкой прятались бомбы,
На допросах твердили «нет».

Мы всё видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины, злой и униженной,
Злые дочери и сыны.

Я Вам должен сказать...

У А. И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ», в главе «Менять судьбу» о побегах из лагерей есть небольшой рассказ об одном из них, совершенном в Краслаге:

«В 1951 в том же Краслаге около десяти большесрочников конвоировались четырьмя стрелками охраны. Внезапно зэки напали на конвой, отняли автоматы, переоделись в их форму (но стрелков пощадили! — угнетённые чаще великодушны, чем угнетатели) и четверо, с понтом конвоируя, повели своих товарищей к узкоколейке. Там стоял порожняк, приготовленный под лес. Мнимый конвой поравнялся с паровозом, ссадил паровозную бригаду, и (кто-то из бегущих был машинист) — полным ходом повел состав к станции Решёты, к главной сибирской магистрали. Но им предстояло проехать около семидесяти километров. За это вцемя о них уже дали знать (начиная с пощажённых стрелков), несколько раз им пришлось отстреливаться на ходу от групп охраны, а в нескольких километрах от Решёт перед ними успели заминировать путь, и расположился батальон охраны. Все беглецы в неравном бою погибли». (Солженицын А. И., «Архипелаг ГУЛАГ», т. 2, с. 369, М., Советский писатель — Новый мир, 1989.)

На самом деле происходило это несколько иначе.

«Я вам должен сказать, я слушал из Америки больше двух лет тому назад. Американский диктор читал вот это самое, что пишет Александр Исаевич Солженицын... Я знаю, что побегов было много в те годы и разные, но такой как наш был единственный... чтобы все знали, что Солженицын описал не правильно, о том что мы ехали по узкоколейке, а колея была широкая. А самое главное он написал, что при побеге нас всех десятерых постреляли. Вот что мне не понравилось, что он раньше времени меня похоронил, да еще окромя меня остались еще пятеро...» — писал Закир Зинатулович Габайдулин Н. А. Формозову*.

Мы публикуем эти воспоминания как документальное свидетельство без какой-либо редакторской правки.

В 1948 году я был арестован за прогул от работы и отправлен в тюрьму. Где-то через месяц меня вызвали на суд. И там мне объявили, что я обвиняюсь по Указу от 1947 года, и должен понести наказание за прогул, как за саботаж.

И так мне прокурор вынес — 7 лет лишения свободы. Дали мне последнее слово. Я сказал всему составу суда: «вы враги народа и недобитые ежовцы». После чего мне суд вынес 10 лет и пять лет поражения в правах с отбытием в строго режимных лагерях. Итак, моя жизнь покатила и поехала «по **воронкам** и **стольпинским вагонам**».

Первое время я не мог понять, что творится в юридических законах:

* «Сопrotивление в ГУЛАГе». М., Возвращение, 1992, май, с. 171.

абсолютно ни за что судят людей. Сначала я думал, что меня только одного осудили по Указу за прогул. А когда я увидел в тюрьме: таких как я сотни человек, здесь окончательно понял, что это террор и вредительство.

Да, я должен Вам сказать, что у меня ненависти было хоть отбавляй, притом я был настырным. За свое самолюбие я много страдал в лагерях, которые прошел, и всюду лагерная администрация колола мне глаза, как саботажнику. А надзиратели были хуже немецких полицаев, постоянно ходили с железными тростями. За одно неправильное слово били этими тростями, садили в карцер или в барак усиленного режима. Но сколько они меня не мордовали, я все равно перед ними на задних лапках не стоял и пощады не просил.

Сколько раз мне говорили товарищи, чтобы я воздерживался от несчастий, но я не мог себя сдержать. Почему и страдал больше других. Заключение понимали для чего создаются такие Указы: им нужна была дармовая рабочая сила, вот они по плану и делали чистку, сколько, куда нужно заключенных.

Понадобилось в Китойлаг на новую стройку 60 тысяч человек, они быстро свезли со всего Советского Союза. Что такое Китойлаг? Станция Китой в Иркутской области. В то время там стоял густой лес. В 1947 году нагнали заключенных, спилили лес, поставили юрты и бараки, огородили колючей проволокой и — пошли шпалы заключенных.

Таких зон сделали 25 и почти в каждой было по две с половиной тысячи. Начали строить секретный комбинат и одновременно строить город Ангарск.

А согнали сюда заключенных: уголовников и политических, и даже женщин. Оцепление сделали больше этого комбината. В каждую смену со всех зон выводили на этот комбинат около двадцати тысяч заключенных. Другие строили для вольных жилые кварталы. Одним словом, работа кипела, комбинат рос.

Теперь я опишу на почве чего был бунт на этом комбинате. Это было в 1953 году. В то время в зонах было много заключенных — чеченцев и ингушей. Они за деньги заняли в зоне все «вакантные» должности. Например, продавцов магазинов... нарядчиков, комендантов, и так далее. Конечно заелись и стали злоупотреблять в лице русских и других наций. Но, конечно, люди не могли терпеть такого беспредела. И решили, постановили — их убить на строительстве этого комбината по утреннему гудку.

И вот в один день это осуществилось. Придя на комбинат, лагерники у вольных механизаторов забрали машины, трактора, бульдозеры. Вооружились ломами, кайлами, железной арматурой и поехали к тем бригадам, где те работали, и стали их убивать.

В этом боище погибло около ста семидесяти человек, и к этому еще солдаты постреляли в запретной зоне тех, кто из них успел убежать. Насколько я знаю некоторых чеченцев бульдозерами свалили в глубокие траншеи и заваливали бетоном или раствором.

На расследование этого бунта, как я помню, приезжали из Москвы член Политбюро Полянский и генеральный прокурор Руденко, для выяснения причин бунта. Выяснили и сказали, чтобы несколько человек взяли на себя

это дело, ибо без наказания не может остаться это дело. Конечно, такие люди нашлись, тем которым нечего было терять, то есть у кого был срок по 25 лет.

Сколько они отсидели сверх своего срока, сколько им добавили? На этом все закончилось. Одним словом сама администрация сними кашу варила, и их же очернила, короче всех убитых списали, как бывших предателей родины, ибо у них, у большинства, были политические статьи за предательство в Отечественной войне.

...Теперь опишу Краслаг. В 1949 году меня этапировали в Краслаг. Почему называется Краслаг? Я Вам должен сказать: это Красноярский край, станция Решёты. В этих Решётах было само управление лагерей, зон было около, в то время, 15-и. В основном — леса повальные. На одну из них пришел (называется она Верхняя Поканаевка) ОЛП № 9 строгого режима.

Контингент лагерников был в зоне разных: были и воры, и политические и головорезы. Зона делилась на три группировки. На воровскую, на сучью и на мужицкую. Но мужики это вечные рабы. А воры и суки считали себя благородными. Но между ворами и суками постоянно была смертельная вражда, зачастую были трупы. Здесь в основном шла травля друг друга с помощью лагерной администрации, чтобы шло уничтожение самими себя. Ибо в то время администрация смеялась: якобы где-то они вычитали из истории Ленина, что он сказал о том, что преступный мир искоренит сам себя. Так вот администрация и действовала.

Зачастую и мужики страдали от этой мясорубки. В зоне был страшный произвол со стороны лагерной администрации: заключенных сильно избивали, спали на голых нарах, на ночь бараки замыкали, кормили очень плохо. Люди умирали от истощения. На работу водили далеко. Тогда в основном лес вывозили на лошадях по лежневке, труд был каторжный. Сколько людей вымерло об этом знает один медведь, так называли там прокурора.

И вот меня упрятали в барак усиленного режима. В камере нас сидело где-то человек 25. И вот в один прекрасный день открылась дверь нашей камеры. Показался у порога начальник режима. Он обратился к нам: «Кто желает на работу?» Мы спросили: «Могила копать?» Он сказал: «Силосную яму скрывать». Мы согласились выйти.

На другое утро нас действительно вывели на силосную яму. Вышло нас 10 человек. Конвоировали нас два солдата. Поработали мы первый день, второй — стали потихоньку в доверие входить, ибо они нас просили разжечь им костер, мы разжигали. А другие заготавливали дрова для них, и для себя. Вроде бы помаленьку вошли к ним в доверие.

Вот здесь-то мы между собой решили их обезоружить и бежать. У нас было много ненависти к солдатам этого взвода, ибо когда нас выводили из зоны на работу, или на лесоповал или на шпалорезку с большой партией, что они с нами вытворяли! Народ был истощен, еле-еле двигались. Солдаты всю партию, человек двести, клали в грязь и в воду, травили собаками, чтобы те нас драли. И все это делалось по указанию командира взвода. Зачастую нас клали без причины, из прихоти. Что мы пережили в годы страшного произвола, я не желаю это своему врагу.

И все это было, это не преукрашка. Я пишу это только кратко. Хотя нас

и считали врагами народа, но они были сами хуже варваров. И жаловаться было некому.

Вот я опишу всех десять человек, что правильно написал в своей книге Александр Исаевич. То есть я тороплюсь описать, ибо не надеюсь на свое здоровье, чтобы Вы могли знать всех.

Это:

1) Габайдулин Закир Зинатулович, статья 58-14.

2) Алиматов Шер Мухамедович, статья 58.

3) Волков Николай Петрович, статья 58 (уйгур).

4) Виноградов Алексей, статья — ? (Приморье).

5) Урозаев, статья — 59? 58. Срок — 25 лет.

Вот этих четверых нет в живых.

6) Чикин Петр — уголовник (Алтайский край).

7) Королев Петр — уголовник (Алтайский край).

8) Барзилов Владимир, статья — ? Большой срок — 25 лет (Из Ростова-на-Дону).

9) Устинов Иван, статья — 7. 8, срок — 6 лет (Средняя Азия).

10) Миронов Николай, статья — 10, 7. 8 (Небит Даг).

Пишу о своем побеге.

Вышли мы на работу и четвертый день, и окончательно решили действовать. И вот опять насобирали дров, а вернее разного хлама. Стали им разжигать костер. В это время солдаты от нас стояли в двух метрах, ослабленные в ожидании тепла. Вот в это время мы на них набросились, подскочили остальные наши товарищи. Отняли у них карабины, их было двое. Мы забрали два карабина, на каждый карабин по два магазина патронов. Сняли с них полушубки, шапки со звездами, а их одели в свои бушлаты и шапки. После чего отвели их в кустарник от силосной ямы метров за 500, связали их. А сами пошли по железной дороге по направлению к станции Сосновка, или как еще называли Лесозавод. Нам нужно было пройти около 5-и километров.

Пришли мы на эту станцию. Смотрим: стоит паровоз с двумя груженными вагонами лесом-долготьем в направлении Решёт. Куда нам и нужно было ехать. Наш мнимый конвой договорился с машинистом довести нас до станции Ревучий на этих платформах. Машинист согласился и мы поехали, сначала он не подозревал, что мы беглецы. Проехали мы километров 30, но нас остановили на станции Копай Горка, рядом находилась женская зона. Подбежали к нам старший лейтенант и несколько женщин в военной форме. Здесь офицер приказал нашему конвою следовать за ним. Тогда Алиматов застрелил его с расстояния пяти метров, а женщин не стали стрелять.

Машинист все это видел, после чего мы управление паровозом взяли в свои руки и ехали так, как нам нужно было. В топку паровоза уголь бросали сами.

Проехали мы еще километров десять, тут нас изрядно обстреляли из пулеметов и автоматов из засады. Тогда же убили нашего товарища — Виноградова А. Машиниста ранили в ногу, но он нам говорил какое колесико

нужно крутить. Мы уже этот паровоз вели произвольно. Подъезжая к станции Ревучий, нас еще пуще обстреляли уже с двух сторон. Здесь я был ранен в левую руку. Был ранен и Чикин в ногу, а Королеву оторвало пулей указательный палец. Тогда же Волкову пуля попала выше локтя, ему раздробило кость, впоследствии ему ампутировали руку.

Паровоз весь изрешетили пулями, вода из тандера вытекла. И наш паровоз на подъеме застыл. Здесь мы были вынуждены с него сойти, да и боялись, что он может взорваться без воды, ибо топка топилась.

Это было 4 марта 1951 года.

Хоть и начало весны, но снег лежал большой, где-то сантиметров на тридцать. Мы отошли от железнодорожного полотна в кустарники, но уже кругом стояли солдаты вооруженные автоматами и карабинами. Они применили в нашу сторону огонь. Мы здесь залегли, выбрав удобные позиции для себя, и применили ответный огонь. Солдатам жить хотелось больше чем нам, они тоже попрятались. Смотрим: инструктор-собаковод направляется в нашу сторону, в руке пистолет, а собака у него на длинном поводу. Здесь, конечно, вначале мы застрелили этого собаковода, а потом собаку. Смотрим, второй собаковод крадется. Этого не смогли убить, но собаку застрелили. Когда солдаты поднялись в полный рост, а их было много, около четырех десятков, мы убили еще двух. Вроде бы стрельба прекратилась на некоторое время. Оказывается в это время приехали из Решёт на дрезине начальник управления — полковник, начальник следственного отдела, тоже полковник и командир дивизиона.

Они дали указание солдатам в нас не стрелять. После чего командир дивизиона на расстоянии стал нам кричать, чтобы мы сдавались. «Никто в вас стрелять не будет,— кричит он.— Есть у нас указание Москвы, вас взять живьем».

Мы между собой переговорили, что нам делать, ибо у нас в то время другого выхода не было (нас все равно бы постреляли, перевес был на их стороне) и мы решили сдаться.

Командир кричит: «Карабины отбрасывайте в сторону и идите ко мне!» Мы так и сделали, карабины отбросили и пошли.

Вот здесь нас солдаты взяли в кольцо и конвоировали до самой дрезины. Там нас усадили на нее и увезли в Решёты, в лагерный следственный изолятор. Медицина оказала нам помощь. Сделали нам перевязки, а Волкова на операционный стол, где ему ампутировали руку почти до самого плеча.

И вот начались наши мытарства по следственному отделу. Стали нам фабриковать дело: что мы хотели бежать за границу. Мы их фабрикацию не стали подписывать. Нас били, пугали каждый раз, но все равно мы не подписали.

Так нас теребили целых полгода. За это время наши дела отправляли в Москву два раза для применения статей суда военного трибунала. К нам применили четыре статьи (самые страшные): 58-14 — групповой побег; 58-11 — саботаж; 58-8 — террор; 59-3 пункт 16 — истребление людей.

После этого нас отправили из Решёт в Канскую тюрьму Красноярского края. Нам еще до суда пришлось сидеть в этой тюрьме полгода.

Приехал Военный трибунал Новосибирского округа — тройка. На суде мы узнали о том: что наш одноделец — Урозаев покончил жизнь самоубий-

ством (повесился) за три дня до суда. Так как мы сидели по одиночкам, то и не могли видеть друг друга и знать о других.

Итак начался суд. Судили нас прямо в тюрьме, в Красном уголке. Применили к двоим, как организаторам, статью 58 пункт 8 (террор), которая в то время означала — высшая мера наказания. Другие статьи не гласили высшей меры, так как в те годы расстрел был отменен.

Алиметову и Волкову присудили — террор, суд приговорил к расстрелу, без обжалования.

Нам остальным суд вынес по 25 лет строгого режима лагерей, первые пять лет — тюремный режим.

Месяца через три после суда меня этапировали в Ригу для отбытия тюремного заключения. Я ровно год просидел, затем меня отправили в Брест-Литовскую тюрьму для дальнейшего отбывания наказания. Опять через год меня отправили в Ставрополь. Еще через год отправили во Владимирскую тюрьму, а последний год тюремного заключения отбывал в Табольской тюрьме.

После тюрьмы меня этапировали опять в тот же Краслаг только не в 9 ОЛП, а на 12-й, рядом в восьми километрах. Но 12 зона с таким же режимом, что и 9 ОЛП.

Все тот же производ, вся та же мясорубка и смерти ежедневно.

Через 9 месяцев меня этапировали в Китойлаг вторично. Пробыл я там около двух лет, затем меня перевели в Омские лагеря. После Омска перевели в Приморье, в Уссурийск. Одним словом, покатали меня досыта.

В общей сложности я прошел много тюрем, постоянно шел транзитом. Только в одной Москве прошел через Краснопресненскую тюрьму четыре раза. Был также в тюрьмах в Сызрани, Куйбышеве, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Армавире, Уфе, Челябинске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке. Только не был я в Магаданской тюрьме, а по всему Советскому Союзу прошел почти половину тюрем.

Но правда транзитчиков больше трех дней в одном месте не держали, отправляли дальше. За пройденный мною путь сколько я видел унижений, слышал оскорблений со стороны тюремных надзирателей — это я знаю один.

...Если человек работает в системе тюрем и лагерей, то он разлагается больше, чем отпетые преступники. А ведь большинство из них работают по 25 лет и больше, после такого стажа их место должно быть только в дурдоме. Эти укротители делаются хуже хищных зверей, они способны на мародерство и на рукоприкладство. Можно написать больше. Но я думаю, другие узники продолжат об этом за меня.

А я опять вернусь в Краслаг, только в другую зону.

Есть такая станция, называется она — Шубный, там стоит ОЛП № 12, также лесоповальная зона строгого режима. В этой зоне еще одна зона отгорожена пятиметровым забором. В ней есть барак усиленного режима, все в решетках, заключенные содержатся под замком.

В бараке содержались две враждующие между собой группировки, одни назывались ворами, а другие — суками. В апреле 1951 года был спровоцирован ложный бунт, будто суки режут воров. Спровоцировал надзиратель (проник в зону и сказал об этом).

После чего вся зона хлынула в этот барак, забор свалили. Тогда солдаты открыли пулеметный огонь по людям, было убито 64 человека и много ранено. При этом этот забор не должен был простреливаться. Почему так поступили и по чьему указанию? Вся зона знала того надзирателя, который спровоцировал на ложный бунт, но он остался без наказания. Обо всем этом знала лагерная администрация и потому за погибших нужно было судить многих из них. Но из числа заключенных нашли крайних и пустили по делу, как организаторов бунта.

Эти парни, обвиняемые, на следствии говорили всю правду: от кого и кем было передано о ложном сигнале, что в БУРе идет резня, и якобы суки режут воров. Значит у провокатора был умысел в прямом смысле стравить одних с другими. Провокация была осуществлена для массовой бойни заключенных.

В те годы все законы были в их руках, что хотели то и делали. Между ними была круговая порука.

Насколько я знаю, в бунте погибли шесть моих земляков, фамилии двоих я помню: Чередов и Сингалеев. В камере следственного изолятора со мной сидели за бунт. Они все рассказали: кто их натравил, но следственным органам не выгодно было возбуждать дело против своих сослуживцев. Следственному отделу выгодно было, наоборот, пустить по делу (саботаж) группу заключенных. За такие дела они даже шли на повышение. Я знаю, что к этим заключенным применили статью 58 пункт 11 (прямой саботаж). В то время — до двадцати пяти лет.

Их осудил специальный лагерный суд. В то время был и такой суд. Это равносильно тройкам, которые были в ежовские годы.

В те годы даже управление лагерей имело свои следственные изоляторы. Постоянно они были битком забиты убийцами для возрождения мясорубки. Вся травля делалась со стороны лагерной администрации и всего надзор-состава. Люди были до предела обозлены, а потому ни с чем не считались. Кого убить и за что? (Лишь бы уехать с этого пекла). А в то время во всех управлениях лагерей творилось одно и то же. Видимо поступила секретная директива из Москвы: больше обозлить заключенных, для того чтобы они сами себя уничтожали. Да я должен сказать, что др 1955 года было уничтожены не сотни, а многие тысячи тысяч, это во всем ГУЛАГе, ибо все это я видел своими глазами не в одном управлении, а везде, где я был.

Да это еще по сей день убийства в лагерях не сокращаются, ибо создали там не терпимую обстановку. Люди в заключении делают такие преступления не от хорошей жизни.

А к властям вроде бы не доходит.

Власти все знают и понимают, но не хотят предотвратить. Так преступность растет не по дням, а по часам и это теперь уже не секрет.

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

С 15 по 22 февраля в Москве находился депутат Ратуши Берлина Ганс Швенке. Наш корреспондент Михаил Беркович взял у него интервью.

— **Господин Швенке, на конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» вас называли человеком, который «сделал из штази музей». Вы всегда были в оппозиции коммунистическому режиму ГДР?**

— Нет. Более того, большую часть сознательной жизни я был членом СЕПГ, в которую вступил четырнадцати лет в 1948 году, за год до образования ГДР. Я вырос в семье антифашистов: мои родители входили в группу сопротивления нацизму, были выданы агентами гестапо, и мой отец был казнен за полгода до конца войны. Естественно, что я считал социализм альтернативой фашизму, войне и социальной несправедливости. Постепенно, по мере бюрократизации СЕПГ и превращения ее в организацию, привлекательную для карьеристов и рвущихся к власти людей, моя верность идеалам сделала меня человеком, неудобным для партбюрократов. Я подвергался партийным взысканиям, был исключен из университета и в 1981 году после длительной борьбы вышел из партии и сразу же оказался на обочине общества. Когда ГДР в 1989 — 90 гг. вступила в «эпоху преобразований», для меня уже было ясно, что реально существующий социализм не может быть реформирован.

Что же касается слов, сказанных обо мне, то они, разумеется, преувеличивают мои личные заслуги. Я был одним из членов Оперативной группы при форуме «Круглый стол», контролировавшей процесс ликвидации штази (немецкая аббревиатура Министерства государственной безопасности. — *Прим. ред.*). Благодаря нашей настойчивости мы добились своих целей еще в рамках социалистической Германии.

— **Расскажите об этом подробнее.**

— Еще в ноябре 1989 г. правительством Модрова было принято решение о ликвидации МГБ. Однако возникшее на его месте Ведомство по национальной безопасности (ВНБ) не только продолжало антинародную деятельность своего предшественника, но и активно занималось уничтожением его архивов — сведения об этом поступали из всех окружных и районных центров. В них стихийно стали возникать гражданские комитеты, выступавшие с требованиями обеспечить общественности доступ в здания госбезопасности и опечатать хранилища документов. Лицемерно заверяя граждан в поддержке их требований, руководство страны на деле секретными решениями санкционировало дальнейшее уничтожение материалов.

Проблема становилась слишком серьезной, и 3 января 1990 г. форум

«Круглый стол» образовал собственную рабочую группу по вопросам безопасности с тем, чтобы поставить ликвидацию штази под общественный контроль. Довольно быстро раскусив правительственную тактику проволок и обманов, рабочая группа напрямую обратилась к гражданам Берлина, призывая их прийти в назначенное время к штаб-квартире штази на улице Норманнштрассе с камнями, кирпичами, щебенкой, цементом, досками и т.п. Конечно же, никто не собирался ни громить здания, ни закидывать их обитателей камнями: члены рабочей группы — сторонники ненасильственных действий. А камни и кирпичи нужны были для возведения вокруг штази сплошной стены, дабы хоть таким способом прекратить ее существование. Как видите, опыт строительства Берлинской стены не пропал даром! Впрочем, любому, кто видел территорию, занимаемую комплексом зданий госбезопасности (это десятки корпусов, растянувшихся на два квартала), очевидна символичность такой акции; разумеется, мы не собирались в очередной раз уродовать наш город, но нужно было как-то привлечь внимание всех граждан к тому, что машина политического сыска и репрессий продолжает работать без помех — невзирая на все обещания «коммунистов-реформаторов».

Проведение акции назначили на 15 января — обычный рабочий день, понедельник, начало трудовой недели. К 17 часам площадь заполнилась народом. Интересно, что многие привезли с собой не только транспаранты, плакаты, но и стройматериалы, даже мешки с цементом — столь велико было желание и в самом деле замуровать этот источник ненависти и страха! По различным оценкам, всего пришло примерно 100 тысяч человек. После непродолжительного ожидания стали возникать стихийные митинги, бывшие репрессированные требовали показать их дела; напряжение нарастало очень быстро, однако из зданий к толпе никто не выходил. Вдруг — именно вдруг, без переговоров, без предупреждения — ворота на Русештрассе распахнулись, и вся возбужденная толпа ворвалась внутрь. Митингующие, никак и никем не организованные, заполнили лестницы, коридоры, растекались по бесчисленным комнатам. Возникла реальная угроза сохранности документов, тем более что были все основания полагать, что среди митинговавших находятся и тайные агенты, которые попытаются уничтожить компрометирующие их материалы (не потому ли так легко и открылись ворота?). Необходимо было срочно перевести стихийный разгул торжествующих победителей в русло дисциплины и организации, иначе потери были бы невозполнимыми. Члены рабочей группы взяли руководство в свои руки. На всех входах-выходах расставили добровольцев, следящих за тем, чтобы никто не мог вынести из здания никаких документов; также было организовано дежурство внутри здания.

Можно сказать, что вследствие бескровного захвата штаб-квартиры штази произошла фактическая парализация ее деятельности. Первое время сотрудники штази еще приходили на работу, ничего не делая на протяжении всего рабочего дня; однако после того, как они были изобличены в уничтожении материалов, их перестали пускать в здание. Члены же комитета вместе со своими добровольными помощниками находились там круглосуточно, день за днем. Первое время, когда работы было очень много, а ее организация еще была далека от идеала, нас было чуть более ста человек; постепенно это число уменьшилось до шестидесяти. Так возник комитет «Норманнштрассе», в котором по различным направлениям работало 6 групп. Дел было так много, что большинству пришлось оставить прежние места работы: кто взял очередной отпуск, кто оформил отпуск за свой счет, а кто и просто уволился.

— Чем же вы занимались кроме дежурства в зданиях на Норманнштрассе?

— Расширенные полномочия, полученные рабочей группой «Безопасность» на очередном заседании «Круглого стола», дали право ее членам не только контролировать работу правительственной комиссии по ликвидации штazi, но и привлекать к этой работе специалистов по собственному усмотрению. Так была образована так называемая Оперативная группа, в которую входил и ваш покорный слуга. Основной задачей было разобраться в структуре этого монстра, деятельность которого все годы его существования была окутана тайной. Только официальных работников насчитывалось примерно 84 тысячи, а численность внештатных сотрудников — попросту говоря, доносчиков — по некоторым оценкам, превышала 500 тысяч человек! Кроме того, существовал особый 6-тысячный корпус офицеров специального назначения — людей, работавших на ключевых должностях в экономике и политике. Штazi распоряжалась более чем 3000 объектов: от явочных квартир для проведения встреч с сексотами до целых пансионатов, где переутомившиеся «бойцы невидимого фронта» поправляли свое здоровье; от бункеров и товарных складов до конспиративных командных пунктов. Общая стоимость имущества штazi оценивается в 60 миллиардов марок ФРГ!

Мы действовали как своеобразная «пожарная команда»: сразу после выявления очередного объекта (иногда и по сигналам от населения) сотрудники Опергруппы выезжали на место и, при участии прокуратуры, опечатывали его, поскольку формально все эти объекты были бесхозными. Впоследствии эти объекты передавались в ведение городских или районных властей. Нередко такая передача воспринималась последними как истинно «царский» подарок, так как за все годы «народной власти» ничего подобного они не имели.

Поначалу в этих розысках мы прибегали к помощи бывших сотрудников штazi, однако вскоре убедились, что они ставят целью не облегчить нашу работу, а, наоборот, максимально ее затруднить. Доходило до анекдота: в то время, как мы выясняли местонахождение очередной явки, «консультанты», осведомленные о ходе наших расследований, преспокойно выезжали на место и уничтожали все материалы! Понятно, что как только все это раскрылось, мы перестали пользоваться их «услугами». Но самым главным для нас было расследование финансовых операций штazi: необходимо было выявить все счета, которые штazi использовала для своей деятельности; кроме того, было известно, что именно через каналы штazi верхушка компартии переводила за границу награбленные у народа средства. Однако эта задача оказалась самой трудновыполнимой. Образованный правительством госкомитет по ликвидации МГБ/ВНБ занимался не столько ликвидацией этого ведомства, сколько его спасением — и этому были не в силах помешать даже входившие в него наряду с министерскими чиновниками члены группы «Безопасность». Делалось все возможное, чтобы затруднить нашу работу; когда же выяснилось, что мы постепенно все равно распутываем клубок финансовых хитросплетений, членов комитета стали лишать полномочий. Имелись серьезные основания предполагать, что происходит тайное уничтожение документов. И это невзирая на то, что с марта у власти стояло первое за все время существования ГДР свободно выбранное правительство — правительство христианских демократов, возглавляемое Лотаром де Мезьером.

Почему они так торопились — было в общем-то понятно: объединение

двух Германий становилось вопросом буквально нескольких месяцев и тем, кто нами тогда еще правил, это было яснее, чем простым гражданам, так что в оставшееся время надо было успеть скрыть все следы совершенных преступлений. То, что дело обстояло именно так, подтверждает непрекращающаяся до сих пор цепь разоблачений, вынуждающих сходить со сцены многих уважаемых политиков. Дальше медлить было невозможно. Для того чтобы переломить ситуацию, нужно было вновь прибегнуть к неординарным действиям. Мы решились на них в сентябре, когда нам точно стало известно, что из здания штаб-квартиры штази тайно выносятся мешки с бумагами.

4 сентября, воспользовавшись тем, что у двух членов Опергруппы (одним из них был я) еще имелись действующие пропуска, 15 мужчин и 8 женщин «ворвались» в корпус № 7. Заняв одну из комнат, мы заявили, что не уйдем оттуда до тех пор, пока не получим твердых гарантий насчет сохранности архива и последующего его рассекречивания. Мы требовали серьезной корректировки соглашения об объединении Германии относительно будущего архивов и сотрудников штази, а также добивались незамедлительных кадровых перестановок (например, увольнения министра внутренних дел, роспуска комиссии по ликвидации МГБ/ВНБ).

Снова правительство начало увильживать, оттягивая решение, снова пошли бесконечные переговоры, обсуждения, согласования; предпринимались также попытки скомпрометировать участников захвата, обвинить их в нарушениях закона. И тогда, спустя неделю после занятия здания, «захватчики» объявили бессрочную голодовку. Население с необыкновенным энтузиазмом выступило в нашу поддержку: ежедневно шли теле- и радиопередачи о нашем положении (с нами постоянно поддерживала радиосвязь дежурившая у корпуса группа), газеты опубликовали наши требования, каждый вечер у стен штаб-квартиры проходили многотысячные митинги, также широко освещавшиеся средствами массовой информации. Среди корреспондентов были не только наши, «осси», но и «весси» («осси» — граждане Восточной Германии, «весси» — Западной.—*Прим. ред.*).

День шел за днем, состояние голодающих ухудшалось. Дело приобрело чрезвычайно скандальную окраску, грозя пошатнуть и без того уже не очень устойчивый авторитет правительства де Мезьера. И оно было вынуждено уступить. Для переговоров с нами приехали сама председатель Народной палаты П. Бергманн и представитель правительства ГДР на переговорах об объединении Г. Краузе. В результате, после более чем двухнедельной голодовки, часть требований «захватчиков» вошла в закон об объединении Германии.

Для меня это время дорого и тем, что я приобрел друзей, вместе с которыми мы продолжаем расследование деятельности штази. Что же касается самих событий, о которых я рассказал, то более подробное и беспристрастное их изложение вы найдете в книге Анне Ворст «Конец одной секретной службы» (в настоящее время издательство «Возвращение» готовит выход книги А. Ворст. — *Прим. ред.*).

— Теперь я понимаю происхождение вашей репутации. А что, действительно в здании МГБ сейчас музей?

— Именно так! Сегодня там Музей штази, и, кстати, его директор — один из тех, кто держал голодовку в августе. У него и по сей день такой вид, будто он держит ее до сих пор!

— Все, что вы рассказали, чрезвычайно интересно не только для историка, но и как опыт борьбы с политической охранкой.

— Действительно, впервые удалось ликвидировать репрессивный аппарат, да еще в рамках режима, его породившего! Даже гестапо после второй мировой войны удалось сохранить отдельные свои структуры, людей, материалы в неприкосновенности. Однако напрямую скопировать наш опыт вряд ли возможно — ведь наши условия были исключительными. К тому же многие сотрудники штази были уверены, что и после объединения Германии (а неизбежность этого, как я уже говорил, была для них яснее, чем для остальных, менее информированных людей) они смогут и далее трудиться «по специальности». Поэтому противодействие с их стороны ограничивалось, в основном, уничтожением следов собственной деятельности. У вас в стране ситуация иная.

— Но процессы, происходящие в обществе под воздействием бесконтрольной деятельности спецслужб, в общем-то однотипны. Страх, двоедушие, разобщенность людей — только самые очевидные результаты этой деятельности.

— В моем докладе «Тайные службы как инструмент власти», с которым я выступил на только что проходившей в Москве международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», я затронул и эту проблему.

Из доклада «Тайные службы как инструмент власти»:

...Министерство госбезопасности ГДР создало невиданную сеть слежки за своими собственными гражданами, масштаб которой был вскрыт только несколько недель тому назад, через 3 года после ликвидации СЕПГ и госбезопасности. Для контроля над каждым взрослым человеком и целенаправленного наблюдения ... содержалось ведомство, называемое Центральным регистром жителей. ... Здесь можно было с помощью персонального кода... получить все сведения о любом взрослом жителе, если ему приходилось где-то предъявлять удостоверение личности... И если только появлялось малейшее подозрение на так называемую враждебно-негативную деятельность или на «запрещенные» контакты, Министерство государственной безопасности начинало целенаправленное наблюдение. Это была, пожалуй, самая совершенная *-и* в этом смысле самая изощренная тоталитарная система.

На поведение людей внутри страны деятельность спецслужб оказывает губительное влияние, а именно в той мере, насколько тайные службы становятся властными факторами в стране. Рано или поздно каждый понимает, что любое оппозиционное высказывание регистрируется и в какой-либо форме является наказуемым. Самое легкое наказание — запрет на государственную службу — в условиях тоталитарных систем означает изгнание из общества. Самые серьезные последствия — это интернирование, изоляция и смертная казнь. Наш век имеет массу примеров таких судеб... Через концентрационные и трудовые лагеря прошли миллионы людей. Многие не пережили мучений, еще большее количество вернулось психически и физически сломленными людьми. Духовными инвалидами стали миллионы и миллионы, которые, подавляя недовольство, публично выражали свою лояльность, хотя

в душе ненавидели правителей. Шизофрения как массовое явление, вырождение целых народов — это результат неограниченной власти секретных служб. Секретная служба и демократия — это несовместимо, одно исключает другое!

— **Ваши** впечатления от конференции?

— На конференции было немало запоминающихся докладов. Однако в целом, на мой взгляд, конференция не выполнила своей основной задачи — не занималась разбором структуры и методов работы КГБ. Никто не внес никаких предложений о том, как следует поступить с КГБ. Нужно ли его распустить или же реформировать? И если реформировать — то как? Ответы на эти вопросы отсутствовали до самого конца конференции. Вместо диалога получилась конфронтация. Бросается в глаза разобщенность вашего правозащитного движения. Мне кажется, что правозащитники должны избегать того, чтобы ими манипулировал КГБ, — только так можно найти конструктивное решение вопроса, как быть с КГБ.

Я лично считаю, что в перспективе надо распустить все спецслужбы, ибо они бесполезны и опасны.

— **Расскажите о деятельности возглавляемого вами Гражданского комитета «15 января».**

— В декабре 1990 г., спустя 2 месяца после объединения Германии, представители более чем пятидесяти гражданских комитетов обратились ко всем своим бывшим членам с призывом продолжать контролировать процесс ликвидации штازی. В качестве основных направлений исследований были названы:

- работа и методы МГБ;
- переплетение МГБ — СЕПГ — госаппарата — партий и Народного фронта;
- связь МГБ с экономикой;
- структура МГБ.

Для реализации эти планы было предложено:

1. Учредить центры документации, собирающие соответствующую информацию по этим направлениям, а также воспоминания, свидетельства и т.д.;
2. Информировать общественность о ходе ликвидации МГБ и о судьбе наследства штازی;
3. Публиковать итоги работы.

Такие комитеты стали возникать во всех крупных городах Восточной Германии. Наш, берлинский, был образован 12 февраля 1991. В нем насчитывается 40 человек, из них 14 — штатные, оплачиваемые сотрудники.

Основой нашей деятельности являются разыскания, исследование и предание гласности документов, освещающих функционирование штازی, ее реальную роль в ГДР. Мы занимаемся раскрытием методов и структур этой всемогущей секретной службы правящей партии и исследованием менталитета, правовых представлений и общественных механизмов, которые благоприятствуют возникновению тоталитарных режимов в недрах демократического гражданского общества. У нашего комитета весьма высокий моральный авторитет даже на фоне других правозащитных организаций, к нам прислушиваются, наши материалы публикуют. Таким образом, в демократических государствах осуществляется воздействие на об-

публичное мнение, а через него — на институты власти. Кроме того, мы сами издаем журнал «Хорьх унд пок» (в переводе — «Подсматривай и подслушивай». — *Прим. ред.*). Эта работа субсидируется магистратом в рамках специальной двухлетней программы. Что же касается организационной, «бюрократической» стороны дела, то мы еженедельно проводим собрания, на которых происходит изучение собранных документов, предполагаемых законопроектов с выработкой собственных предложений, обсуждение планов деятельности общества.

— Пока что вы ничего не сказали о международном аспекте деятельности вашего комитета.

— Мы очень заинтересованы в обмене мыслями и опытом с представителями России и других стран, также имевших несчастье находиться под гнетом собственных диктатур. По сей день не уничтожена опасность возникновения новых тоталитарных систем, только теперь на смену классовым догмам приходят клерикальные или националистические лозунги. Опять начинается восхваление новых диктатур (у вас это, кажется, мягко называется «тоской по сильной руке») в качестве спасения от хаоса и кризиса — как будто в этом столетии недостаточно было лагерей массового уничтожения, недостаточно было преследовавшихся по классовым, идейным или расовым признакам, недостаточно убитых или замученных. Для борьбы с этой угрозой нам необходимо сотрудничество и взаимодействие.

Нашим контактам с обществом «Возвращение» положила начало международная конференция «Спротивление в ГУЛАГе», проходившая в мае 1992 года. Нас покорила атмосфера товарищества и взаимопонимания, присущая именно этой конференции. Деятельность вашего небольшого общества произвела на нас сильное впечатление, мы нашли, что у нас много общего, и осенью 1992 года в Берлине подписали «Соглашение в совместных проектах» наших обществ.

«Соглашение о совместных проектах»

1. Пансионат для правозащитников и жертв тоталитарных систем, включая проект поселения в этой местности российских немцев и организацию детского дома.
2. Совместное товарищество для издания литературы по темам «Спротивление тоталитарным режимам» и «Защита прав человека и гражданина»...
3. Публикация списка немцев, ставших жертвами сталинского произвола в бывшем Советском Союзе.
4. Передвижная выставка о советских лагерях и о Спротивлении в ГУЛАГе...
5. Участие «Гражданского комитета» в конференции общества «Возвращение» в мае 1993 года и содействие в образовании Центрального совета жертв тоталитарных систем (название рабочее) с целью совместного представления общих интересов...

Очень важен пункт о создании международного Дома узников тоталитарных систем, где бывшие политзаключенные из разных стран, обладающие уникальным жизненным опытом и духовной закалкой, могли бы работать над совместными проектами, историческими исследованиями, мемуарами. Эта идея целиком исходит от вашего общества, и мы ее всячески

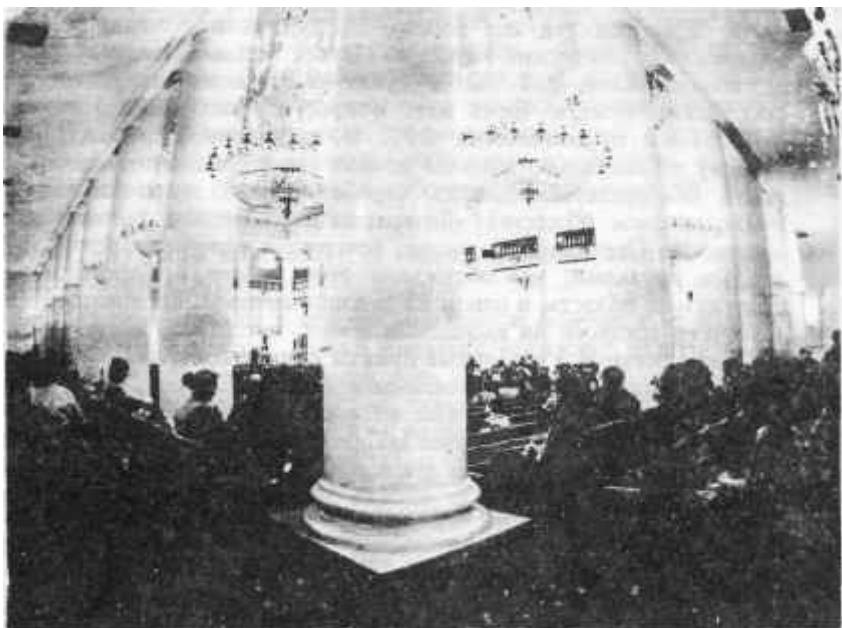
поддерживаем. Интересен связанный с этим план организации детского дома. Если удастся все хорошо продумать и реализовать на деле, то взаимосвязь поколений может оказаться весьма благотворной.

Немаловажен для нас и пункт о создании компактного поселения российских немцев (речь идет о крестьянских семьях) — с финансовой поддержкой правительства ФРГ. Я, собственно, специально приехал в Москву за несколько дней до начала конференции, чтобы иметь возможность непосредственно здесь поработать над этим проектом. Вместе с председателем общества «Возвращение» Семеном Виленским к членом правления Светланой Бартельс, которых я теперь искренно могу назвать своими друзьями, мы обсуждали этот проект в Госкомнаце, ездили в Калужскую область, в одном из районов которой, предположительно, будет получено согласие на выделение земли, и т.д.

Выполняются и остальные пункты нашего соглашения. К сегодняшнему дню две книги уже подготовлены к печати. Благодаря обществу «Возвращение» мы получили первые из расстрельных списков немцев, убитых НКВД в 1937 — 38 гг. и тайно захороненных в районе Бутово под Москвой.

На предстоящую в мае этого года 2-ю международную конференцию «Сопротивление в ГУЛАГе» должна приехать большая и представительная делегация из Германии.

— Мы обязательно будем информировать читателей о результатах нашего сотрудничества. Благодарим вас за то, что вы нашли возможность выделить в своем плотном графике время для этого интервью.

Колонный зал Дома союзов. 19 мая 1992 г.
Открытие конференции.

1-я международная конференция «Сопrotивление в ГУЛАГе» 19 — 21 мая 1992

Впервые идея собрать участников сопротивления в ГУЛАГе была высказана председателем историко-литературного общества «Возвращение» Семеном Виленским 30 октября 1991 на митинге в Москве, посвященном Дню политзаключенного. Выступая на Лубянской площади, у Соловецкого камня, он сказал:

«Чтобы обрести гражданское достоинство, немислимое без исторической памяти, новым поколениям необходимо знать судьбы тех, кто провидел гибельные для России последствия большевистского переворота, знать о неравной борьбе с тоталитарным обществом, на которую отважились одиночки, знать о восстаниях заключенных, сотрясавших ГУЛАГ. Некоторые из руководителей и активных участников этих восстаний еще здравствуют. К стыду нашему, сегодня они безвестны и одиноки. Московское историко-литературное общество «Возвращение», объединяющее бывших узников ГУЛАГа, авторов воспоминаний, готово провести в Москве встречу участников лагерных восстаний. Это люди разных национальностей из многих республик и из-за рубежа. Мы пригласим узников фашистских концлагерей, участников европейского Сопrotивления и тех, кто, рискуя жизнью, спасал обреченных на уничтожение...»

В то время этот план многим казался неосуществимым. Для восстановления имен людей, участвовавших в лагерном сопротивлении, требовались архивные исследования, а история войны властей с народом была под замком. К тому же на подготовку конференции оставалось всего несколько месяцев. В поступившем накануне конференции письме Международного Общества прав человека (Франкфурт-на-Майне) утверждалось, что «установить взаимопонимание между людьми, столь различными по своим судьбам и по политическим взглядам (т.е. между узниками ГУЛАГа и узниками фашистских концлагерей, участниками европейского Сопrotивления. —Прим. ред.), будет практически непосильной задачей». (Принятое на конференции решение о необходимости постоянных контактов и совместных действий бывших узников советских и гитлеровских лагерей, а также о ежегодном проведении подобных встреч показало ошибочность подобных утверждений.)

Первоначально были известны имена только двух десятков активных участников забастовок и восстаний в ГУЛАГе (архив Н. Формозова). Они сообщили адреса своих товарищей, а те — новые адреса. Таким образом, удалось отыскать еще около 200 участников этих событий, живущих ныне как на территории бывшего СССР, так и в странах Европы, в Америке, Израиле, Японии. Откликнулись дети и внуки заключенных, погибших при подавлении восстаний либо не доживших до наших дней.

Присутствовали на конференции и потомки тех, кто мужественно держался на следствии и, несмотря на истязания и чудовищные меры психологического воздействия, отверг все лживые обвинения.

Конференция «Сопrotивление в ГУЛАГе» открылась 19 мая 1992 года в Москве в Колонном зале Дома союзов. Минутой молчания собравшиеся почтили память жертв тоталитарных режимов. В этом зале встретились после многих лет старые лагерные товарищи, люди разных национальностей. Здесь были узники советских и гитлеровских лагерей, сумевшие отстоять свое человеческое достоинство. Здесь был праздник. И всемирно известный скрипач Виктор Пикайзен, и победитель конкурса Чайковского Боря Березовский пришли на эту встречу, узнав о ней накануне. И музыка, и срывающиеся от волнения голоса Евгена Грицьяка, Жана-Рене Шовена, Андрея Воробьева, Кястутиса Лакицкаса... И певцы Львовской оперы, и сурово-торжественный хор русского духовного пения «Пересвет»... Литовский хор ссыльных, приехавший на один день ради этой встречи, пел не только на сцене, но и при выходе: в вестибюле, на улице...

В последующие дни работа конференции включала в себя заседания по секциям:

- История сопротивления в ГУЛАГе;
- Преодоление большевизма глазами политзаключенного;
- Проблемы ненасилия;
- Статус участников Сопrotивления в бывшем СССР и на Западе;
- Творчество в ГУЛАГе.

В работе конференции главенствовали две темы: преодоление большевизма и статус участников Сопrotивления в бывшем СССР. Эти темы в значительной мере оказались взаимосвязанными.

На конференции рассматривалось предложение об образовании в СНГ межгосударственного фонда, из которого бывшие заключенные и их семьи подугли бы компенсационные выплаты. Этот фонд должен быть образован из отчислений от доходов тех предприятий, которые созданы подневольным трудом заключенных.

На конференции обсуждалась проблема публикации воспоминаний, исторических исследований и художественных произведений, посвященных борьбе с тоталитаризмом и его наследием.

Многие имена активных борцов с советским тоталитаризмом впервые прозвучали на этой конференции. Со временем они займут достойное место в правдивой истории России XX столетия. К сожалению, прокуратура РФ отказала организаторам конференции в возможности ознакомиться с делами участников лагерных восстаний в Норильске, Воркуте. Общество «Возвращение» намерено добиваться полного открытия этих архивов. Многие факты массового и индивидуального сопротивления в ГУЛАГе остаются неизвестными и по сию пору. В выпущенном накануне конференции сборнике «Сопrotивление в ГУЛАГе» обнародована лишь малая часть их.

Работники отдела реабилитации по Москве и Московской области МБ России предоставили, с согласия родственников осужденных, для сборника «Сопrotивление в ГУЛАГе» следственные дела. На основании полученных документов стал ясен механизм массового сокрытия преступлений режима в пору так называемой «хрущевской оттепели».

Благодаря ряду ставших доступными совершенно секретных документов, стекавшихся в Москву из разных точек империи ГУЛАГа, удалось установить динамику численности заключенных в СССР по годам, выяснить особо преследуемые политические и национальные группы.

В принятых резолюциях участники конференции взяли за основу идею о самоценности человеческой жизни, уважении прав, достоинства личности, то есть все те принципы, которые они отстаивали в нечеловеческих условиях заключения.

Конференцией «Сопротивление в ГУЛАГе» было принято решение о необходимости проведения ежегодных международных встреч узников советских и нацистских лагерей, участников европейского Сопротивления. Одновременно было решено наладить постоянное деловое сотрудничество.

На конференции были приняты обращения к Верховному Совету и Президенту Российской Федерации, к Президентам Украины и Казахстана.

Последний день конференции совпал с днем рождения академика А.Д.Сахарова. Вечером 21 мая все участники конференции были приглашены в Большой зал Консерватории на концерт памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Оркестр под управлением Михаила Плетнева исполнил Девятую симфонию Бетховена. Весь сбор от этого концерта Сахаровский комитет решил передать организаторам конференции.

Работа конференции освещалась присутствовавшими на ней представителями прессы, радио, телевидения. Среди них были корреспонденты газет «Известия», «Куранты», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Русская мысль» (Франция), «Тагесцайтунг», «Берлинер цайтунг», радио- и тележурналисты из России, Германии, Франции, США.

Основные расходы, связанные с проведением конференции, взяло на себя общество «Возвращение», а живущим на территории бывшего СССР при необходимости была оплачена дорога. Большую помощь организаторам конференции оказали зампреда Моссовета Сергей Станкевич, Министерство здравоохранения России, ректор Московского гуманитарного университета Юрий Афанасьев, Сахаровский комитет, Московская филармония, хоровое общество Московской области, посольство Литвы, а также сами участники конференции — французы и голландцы. Конференция стала возможной благодаря бескорыстному труду наших добровольных помощников, среди которых немало детей и внуков не доживших до наших дней узников ГУЛАГа.

Л.Н.

Обращение
к Верховному Совету и Президенту Российской Федерации
участников московской международной конференции
«Сопротивление в ГУЛАГе»

Участники конференции «Сопротивление в ГУЛАГе» — узники советских и гитлеровских концлагерей, участники европейского Сопротивления, члены их семей — требуют проведения Верховным Советом России при участии Президента открытых слушаний о характере и результатах деятельности органов ВКП(б) — КПСС в период 1917 — 1991 годов.

Считаем необходимым рассмотреть на этих слушаниях материалы и заключения авторитетных историков и юристов и заслушать свидетелей о том, какие именно функции — «инициатора», «руководителя», «исполнителя», «оппозиционера» — выполняли центральные и местные органы ВКП(б) — КПСС в следующих, особенно важных для народов бывшего СССР, вопросах:

1) массовое физическое уничтожение и бесчеловечное обращение с людьми в системе ГУЛАГа и при раскулачивании, репрессировании целых народов;

2) разрушение укладов труда и жизни граждан, массовое уничтожение и ограбление их собственности...;

3) подавление национальной независимости народов СССР во имя имперских целей;

4) военная агрессия СССР против ряда государств, материальная и военная помощь СССР недемократическим режимам в зарубежных странах;

5) сверхэксплуатация и истощение природных ресурсов, милитаризация всей экономики СССР;

6) ложь и преступное манипулирование властей СССР со знанием населения;

7) уничтожение в России и других республиках бывшего СССР гражданских свобод, демократических, политических и правовых институтов, преследование религий и верующих, организация всеобъемлющего контроля за жизнью людей, отстранение беспартийного большинства граждан от всех институтов управления.

Мы требуем, чтобы ВС и Президент РФ рассмотрели и соответствующим государственным актом установили меру ответственности центральных и местных органов ВКП(б) — КПСС и идеологии большевизма в преступлениях против человечности.

Москва, 22 мая 1992 года

Колыма. 1992 год

ПО ОБЕ СТОРОНЫ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

На протяжении советской истории тюрьма оставалась государством в государстве. Размеры «внутреннего» государства росли, в нем упрочались свои порядки и нравы, в той или иной степени отражавшие порядки и нравы, господствующие в стране, в обществе. Непроступные стены, проволочная ограда, сторожевые вышки отделяли «вольных» граждан от тех, кто находился в заключении. Эта вполне осязаемая граница вместе с тем была и условной, лагерь существовал по обе ее стороны. Террор господствовал там и тут.

«Большая зона» исследуется сегодня вдоль и поперек, «малая» по-прежнему представляется чем-то периферийным и, как правило, не анализируется. Кто-то в этом безусловно заинтересован, а демократическая общественность поныне не обладает достаточной зрелостью, целеустремленностью, чтобы проникнуть за тюремную ограду и открыть мир, простирающийся за ней.

Наша тюрьма имеет свой жаргон, построенный на отрицании прямого смысла общепринятых слов, на противопоставлении национальному языку языка изуродованного, доступного только посвященным. Тюрьма обладает своим неписаным, но строго соблюдаемым «уголовным кодексом», отступления от которого караются либо избиением, либо смертью.

Тюрьма — почти обязательная ступень развития особо опасных преступников. Именно она мелких несовершеннолетних хулиганов делает закоренелыми бандитами.

Обычно все начинается сложностями в семье, где растет мальчик или девочка с непрым характером или замедленностью в развитии. Второгодничество (еще одно специфическое уродство нашей жизни), насмешки младших одноклассников и кулачные ответы на них, доказательство преимущества силы перед умом и знанием. Следующая ступень — колония для несовершеннолетних преступников, общий с бандитами этап, безнаказанность изнасилований, ограблений, убийств. Соучастие, внушение необратимости обретенного пути.

Человек пересек границу двух миров, возврата нет.

А кто во всем этом виноват? Обитатели тюрьмы, ее охрана или свободные люди, готовые упрятать за решетку любого идущего против течения?

Самый распространенный недуг — отклонения в психической деятельности, которые народ справедливо называет «душевным заболеванием». Нередко душевные болезни сопровождаются внешними отклонениями в развитии человека, поскольку большинство таких болезней врожденного происхождения.

Сумасшедший и душевнобольной... На первый взгляд одно и то же. На самом деле люди с болезненно обостренным восприятием не могут оставаться равнодушными там, где другие в состоянии смолчать. Это они — люди с тонкой душой, шли за веру на казнь, это они подымали восстание в лагерях, объявляли голодовки, протестуя против несправедливого суда.

Но отклонения могут проявляться иначе, и тогда в знак протеста прибавают свою мошонку к нарам в страшной Владимирской тюрьме, едят стеклянные стаканы, бросаются на колючую проволоку, зная, что она под током.

Где граница между безумием — сумасшествием и душевной тонкостью, невозможностью выдержать нравственный и физический беспредел? Границу эту пытаются проводить Уголовный кодекс, суд, следствие. Но всегда ли справедливость доступна суду? А если суд к тому же находится под давлением и контролем государственного аппарата?

Что бросается в глаза человеку, вошедшему в камеру? Большое число заключенных с очевидными отклонениями в психике. А сколько психиатров в этой тюрьме? Ни одного. Что в состоянии сделать тюрьма с больными людьми, которые, конечно, признаются вменяемыми (они действительно вменяемы, но в трудных случаях ведут себя не как все)?

На протяжении десятилетий в советской тюрьме шло хорошо организованное противопоставление уголовных и политических заключенных, смешение этических норм, попрание здравого смысла. Власть держала сторону уголовных, превращаемых в своеобразную аристократию лагерей и тюрем. Сотрудничество с уголовниками разлагало охрану, администрацию и неотвратимо вело к сращиванию системы правления с уголовным миром.

Все это особенно вылезло на поверхность в период затяжной агонии брежневского режима и после смерти героя Малой земли.

Кое-кому прямо из правительственных кресел пришлось отправиться за решетку. Но в обычной тюрьме такие сидеть не могут, уголовники подобную публику в свой мир не примут и быстро отправят в мир иной. Понадобились специальные лагеря.

Кто же они — представители нового, «перестроечного набора»? Вероятно, взяточники, организаторы подпольного производства, мастера международной торговли, присваивающие крупные «посреднические» суммы.

В больном обществе, где на самом верху безнаказанно восседали еще более крупные взяточники, где специальными постановлениями запрещалось не то что разоблачать, даже замечать преступления правящей верхушки, уголовщина становилась нормой поведения, и деятельные, но всем жизненным укладом разлагавшиеся натуры при смене власти оказались не у государственного корыта, а за тюремной оградой...

Со всей беспощадностью встает вопрос: допустимо ли дальше существование советской тюрьмы, каторжных лагерей, где из малолетних осужденников растят матерых преступников, где безо всякого приговора убивают неугодных властям заключенных, где господствует противочеловеческая мораль, где уродуют души заключенных и надзирателей, где больных с туберкулезом легких в 50 раз больше, чем на воле, а лагеря становятся одним из главных источников распространения этого заболевания? Нет тут двух ответов. Такая тюрьма должна быть объявлена вне закона. Ей нет прощения, нет оправдания.

Преступники были и будут. Их нужно изолировать от общества. Для своей безопасности общество всегда содержало армию, полицию, места заключения, больницы.

Подлежат уничтожению не тюрьмы сами по себе, а тюрьмы и лагеря, созданные для мести, для унижения людей.

Давно известно, что месть *лежит* в основе бесконечной цепи преступлений. Мечь освящена Ветхим Заветом. Но для того и зародилось новое начало в человеческой культуре, называемое «Новой эрой — Христианской эрой*», чтобы, в частности, люди поняли: нельзя мстить, нельзя побивать камнями за раскрытый грех, который, если он сохраняется в тайне, даже

и не осуждается. Именно с моралью Христианской эры связано отрицание права силы над разумом, права власти распоряжаться чужой жизнью.

Речь не идет о необходимости вновь призвать церковь к управлению государством. Отделение церкви от государства нужно прежде всего церкви, служителей которой могучая государственная власть поломала, приспособила к доносительству, к освящению войн и насилия. Уж кто-кто, а Советская власть церковь от себя не отделяла, держала на коротком поводке. Нашей бы церкви немного спокойной жизни для собственного возрождения. Не надо побуждать ее к преподаванию Закона Божия в школе, не надо тащить батюшку с крестом и кадилом на политические торжества. Богу — богово.

Сегодня важно одно: мы признаем мораль нашей эры — Христианскую мораль, или — нет? Если признаем, то можно строить правовое государство с теми законами, которые понятны всему человечеству. Если не признаем, считаем, что цель оправдывает средства, что сила это и есть власть, что может быть политика без этики, то значит тюремная мораль, мораль уголовного мира, победила. В таком случае трудно предсказать, до каких степеней развала докатится страна...

Автор этих заметок выступал в Колонном зале Дома союзов на открытии прошлогодней конференции «Спротивление в ГУЛАГе». Но выяснилось, что текст выступления, возможно, и сносный для слуха, не годен для печатного слова. Поэтому и написано то, что написано. А поскольку автор имеет отношение к здравоохранению, то, выражая здесь исключительно личную точку зрения, он видит следующие ключевые пункты тюремной реформы.

Выбросить из головы мысль о сведении счетов с тюремными служащими, с администрацией.

Максимально широко освещать жизнь тюрем, их проблемы, пути и методы растления человека.

Медицинскую службу в тюрьмах и лагерях передать в ведение Минздрава, сохранив все привилегии тюремных медиков.

В соответствии с Указом Президента от 26.09.92 г. ввести в тюрьмах единые для страны санитарные нормы. Распространить на больных заключенных медицинские нормативы, обязательные для всех жителей страны. В медицинских журналах систематически публиковать сведения о здоровье узников, на съездах врачей неукоснительно заслушивать доклады тюремных врачей.

Уничтожить в лагерях подневольный труд. Предпринять первые шаги по строительству принципиально новых тюрем (есть вполне пригодные западные образцы, руководящим работникам МВД они известны).

Главная задача — ликвидировать уголовный коллектив, зависимость слабых от сильных, уничтожить почву для преступного посева.

И, наконец, о смертной казни.

Поскольку именно в нашей стране казнили миллионы ни в чем не повинных людей, поскольку именно у нас расстрел мнимого преступника стал надежной формой сокрытия преступника истинного, наше уголовное право не может претендовать на смертную казнь, так как число невинно казненных во много раз превышает число казненных настоящих преступников. О моральной стороне дела, о сомнительном праве государства лишать жизни человека, нарушая заповедь «не убий», об узаконенном порождении профессиональных палачей («исполнителей») разговор впереди.

Д-р Хенк Пельцер*

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ПРОШЛОЕ

Основываясь на обследованиях людей — жертв фашистского террора, я бы хотел на этой конференции привлечь внимание к физио- и психологическим последствиям травматических испытаний, перенесенных теми, кто активно противостоял тоталитарному режиму.

Как известно, наша маленькая страна была стабильной и достаточно процветающей парламентской демократией, когда она была захвачена немецкими войсками в мае 1940 г.

Поначалу политика Германии не отпугивала голландцев от 3-го рейха грубыми мерами, но, когда начались преследования еврейской общины, население страны отреагировало растущим чувством ужаса. Это вылилось в стихийную всеобщую забастовку в феврале 1941 г., которая была потоплена в крови. Начиная с 1943 г., молодых людей стали депортировать в Германию в качестве рабочей силы.

Спротивление, в котором *активно* участвовало только около 5% голландцев, принимало различные формы. Из-за высокой плотности населения и открытости природного ландшафта Нидерландов вооруженное сопротивление было практически невозможным. Вооруженные отряды использовались только в специальных случаях, например, при нападении на немецкие тюрьмы для освобождения товарищей по Сопротивлению.

После ареста членов Сопротивления их обычно жестоко допрашивали, пытали и либо казнили, либо отправляли в концентрационные лагеря, где многие из них умерли. Но под непрерывным напряжением, в постоянном страхе за свою жизнь в эти годы жили *все*.

После окончания второй мировой войны на протяжении многих лет врачи-терапевты и психиатры не обнаруживали последствий пережитого непрерывного страха и напряжения. Более того, то большинство населения Голландии, которое, вопреки собственному сильному неприятию деятельности нацистов, оставалось молчаливым и безучастным в течение всей немецкой оккупации, встречало любую информацию о вкладе ветеранов Сопротивления в их освобождение с двоякими чувствами и зачастую с раздражением. Очевидно, большинству людей не нравилось напоминание об их собственной несмелости и пассивной покорности врагу! В результате большинство ветеранов Сопротивления приучились скрывать свои эмоции, ощущая себя отброшенными и изолированными. Как было установлено

* Хенк Пельцер — врач из Голландии, в годы немецкой оккупации участник Сопротивления.

недавними медицинскими, психологическими и социологическими исследованиями нынешнего состояния ветеранов Сопротивления в Нидерландах, у них усилились чувства сомнения, вины и стыда за то, что они не до конца выполнили свой долг.

В настоящем исследовании, проведенном в 1985 г., т.е. спустя 40 лет после окончания второй мировой войны, было опрошено 147 ветеранов Сопротивления. 75 из них удалось избежать ареста, остальные 72 человека подверглись заключению в концентрационных лагерях. Ныне пожилые люди, ветераны Сопротивления поначалу неохотно соглашались на интервью, поскольку они опасались пробудить ужасные и мучительные воспоминания. Но после начала разговора им уже было трудно остановиться...

Выводы.

Некоторые ветераны достаточно хорошо устроены и могут наслаждаться жизнью, но другие пребывают в плохом психологическом состоянии. Большинство из последней группы на протяжении *десятилетий* могли функционировать вроде бы вполне нормально в социальной и профессиональной сфере. Однако в течение этих лет им приходилось подавлять их болезненные эмоции и воспоминания с помощью тяжелой работы, не позволяя себе ни отдыха, ни покоя. Оглядываясь назад, многие из них считают себя эмоционально ущербными, неспособными получать удовольствие от радостей жизни. Но уже к пятидесяти годам у многих развились более открытые признаки психологического недомогания.

Очевидно, что большинство ветеранов Сопротивления потрясены пережитыми испытаниями. Многие прошли через разочарования и времена циничны. Они мучаются тревогами, депрессиями, болезненными воспоминаниями, ночными кошмарами и бессонницей. Очень часты жалобы на так называемое жизненное истощение, т.е. абсолютное ощущение хронической усталости и утраты энергии. С психиатрической точки зрения все эти психические недомогания и симптомы находятся в рамках одного диагноза, который лишь недавно был определен как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР — PTSD).

Нынешний уровень распространения ПТСР среди оставшихся в живых ветеранов голландского Сопротивления является крайне высоким, особенно с учетом того факта, что после войны прошло уже 45 лет. 53% страдают от ПТСР в полной мере, у 23% — частично ослабленная форма заболевания, и только 4% никогда не имели никаких симптомов ПТСР.

Интервью с ветеранами Сопротивления также показали, что абсолютно все они чувствуют, что их жизнь была полностью изменена войной. Обычно люди твердо уверены в причинно-следственных связях, т.е. что некий обдуманый поступок должен иметь соответствующие последствия, положительные или отрицательные. Эта *логичность* делает жизнь приемлемой и доступной для понимания и позволяет надеяться на лучшее и испытывать чувство доверия к будущему. Людям также необходимо иметь внутреннее убеждение относительно торжества справедливости, они также должны быть способны испытывать хоть некоторое доверие к другим людям и к миру, в котором мы живем. Многие ветераны Сопротивления, однако, сообщают об изменениях в их внутренних убеждениях. Невообразимые ужасы, такие, как заключение в концентрационных лагеря, жестокие допросы и пытки или непрерывное существование в страхе смерти, безвозвратно разрушили веру в мир как в то место, где могут существовать справедливость и гуманизм. Жизнь для них отныне уже не представляет собой последовательность более или менее логичных событий, на которые они способны влиять собственными решениями и поступками, но опасным

предприятием с непредсказуемыми испытаниями и бедствиями. Многих это может привести в состояние беспомощности и отчаяния, которое, на наш взгляд, является важным фактором в развитии посттравматического стрессового расстройства.

Понятие «мир» для нынешних ветеранов Сопротивления имеет особое значение, особый смысл. Незавершенное прошлое может играть конструктивную роль в их жизни, делая их сильнее и помогая бороться против фашизма, расизма и попрания человеческих прав. Действительно, многие из них играли важную роль в интеллектуальной, социальной и политической жизни послевоенного голландского общества. Однако, с другой стороны, проявив себя в Сопротивлении во время нацистской оккупации, они чувствуют себя отодвинутыми в сторону и превращенными в пассивных свидетелей. Это породило ощущение разочарования и измены тем идеалам, за которые они боролись и которые потребовали жизни многих их товарищей. Многие из этих мужественных мужчин и женщин ушли в себя, ища убежища в подавлении своих чувств, воспоминаний и позволяя зарубцеваться слишком болезненным шрамам в памяти.

Травматический опыт не обязательно калечит свои жертвы. В самом деле, многие ветераны показали незаурядную силу и мастерство в формировании собственных судеб, но военный опыт временами играет важнейшую роль в их последующей жизни.

Даже у тех ветеранов, которые не подверглись большому воздействию пост-травматических недомоганий, очевидны изменения в переживаниях и действиях. Они не могут не задавать себе вопросов типа: «Что случилось с солидарностью и дружбой, которые мы обрели в Сопротивлении?» Или: «Было ли правильно то, что мы делали, и не следует ли нам сожалеть о том, ради чего мы подвергались насилию и ради чего мы рисковали?» Они колеблются, надо ли было присоединяться к Сопротивлению, сталкиваясь с горьким контрастом между идеалами свободы и справедливости, которые поддерживали их в мрачные годы нацистской оккупации, и миром, который ворвался в их жизнь после того времени! Миром, в котором осмеяны столь многие их мечтания.

К счастью, человек имеет поразительные резервы для психологического восстановления. В частности, социальная поддержка в виде сочувствия и внимания со стороны других людей, их уважение к перенесшим испытания, создание возможности для выражения их чувств, как положительных, так и отрицательных, без предубеждения, могут помочь возродиться заново, достичь порою лучшего, чем прежде, состояния даже людям с невообразимо глубокими и тяжелыми психологическими травмами. И это именно то, чего до сих пор не имеют многие ветераны голландского Сопротивления. Хотя они и являются самыми настоящими героями, их никогда должным образом не ценили, никто открыто не восхищался их бесстрашием; вместо этого их игнорировали и им не дали никакого специального статуса.

...В заключение я хочу выразить свою сердечную благодарность председателю общества «Возвращение» Семену Виленскому и его сотрудникам за подготовку этой замечательной конференции и надеюсь, что в будущем международное сотрудничество, рожденное этой встречей, будет поддерживать всех людей, которые страдали от тоталитарных притеснений и боролись против тирании. Мы все обязаны тем, кто заплатил своим героизмом эту высокую цену.

Вацлав Янович Дворжецкий

Вацлав Янович Дворжецкий

По телевизору шёл семисерийный фильм «Белые одежды» по роману Дудинцева. Роль гонимого профессора-генетика Хейфица исполнял Вацлав Дворжецкий. Еще длилась очередная серия, когда из Нижнего Новгорода пришло известие о последовавшей в ночь с 10 на 11 апреля смерти Вацлава Яновича.

Он родился в 1910 году в Киеве в дворянской семье, учился в техническом вузе и театральной студии. В 1929 году Дворжецкий был арестован по делу ГОЛ — молодежной организации, называвшей себя «Группой освобождения личности». 10 лет лагерей: Соловки, Вайгач, Тулома, Беломорско-Балтийский канал... Был Дворжецкий и шахтером, и лесорубом, и строителем. Светлым проблеском его подневольной жизни били месяцы, когда ему удавалось работать в театре — по его выражению, в крепостном.

Выйдя на свободу в 1937 году, Дворжецкий долго метался по стране в поисках места, где смог бы жить и работать. Наконец ему удалось поступить в Омский ТЮЗ. Он женился, родился сын Владислав...

В первые же месяцы войны Вацлав Янович снова был арестован и провел в лагере еще 5 лет.

Дворжецкий работал в театрах многих городов России, с 1958 года — ведущий артист Горьковского академического театра драмы, начиная с 60-х годов снимался в десятках кино- и телефильмов.

В конце 50-х годов он был реабилитирован, но только по второму сроку: дела осужденных до 1934 года тогда не пересматривались.

Лишь в 1991 году В. Я. Дворжецкий получил документ о полной реабилитации одновременно с Указом Президента Ельцина о присвоении ему звания народного артиста России,

Пути больших этапов*

ТРАССА

Весна! Апрель 1931 года. Лес. Дикий, густой еловый лес. Тайбола — так называли этот лес. Это где-то между Кировской областью и Коми. Мало там людей. Изредка по речкам Чишме, Лузе, Малане, Летке встречаются бедные деревеньки. Болота, мхи, ели, валежник. Подготовка к строительству железной дороги Пинега — Сыктывкар. Трасса. Просека вырубается.

А погода — чудо! Тает, тепло, рыхлый снег местами в пояс. Огромные мохнатые ели широкими лапами стоят на болоте. Корни-то у них растут в ширину, не как у сосны «морковкой». Когда падает такой великан, выворачивается пласт величиной с трехэтажный дом. Повсюду торчат такие дома — валежник.

И вот рубится просека в сторону Сыктывкара. Пинега уже позади, верст сто. Там уже корчевка. Там, на десятом, двенадцатом пункте уже

бараки построены, а тут, на пятнадцатом, — лес, просека. Ни барака, ни поселка. Палатка на краю для охраны и склада. Людей немного, тысячи полторы. Большинство — крестьяне средних лет, из раскулаченных. И урки. Интеллигенции не видно, а уголовники в самоохране или командуют. Есть и прораб, и начальник колонны.

Просека завалена деревьями, кострищами, бревнами. Одни валят ель, другие разделяют, третьи растаскивают и укладывают в штабеля бревна, иные жгут ветки и разрубают вывороченные корки. Большинство — в обмундировании третьего срока: телогрейка, бушлат, ватные штаны, серая шапка-ушанка, на ногах изредка валенки, а то ботинки и лапти с обмотками, голицы-варежки, кушаки-веревки. Вот они, ударники индустриализации! Пилят, рубят, копошатся, ругаются, шутят! А куда денешься? Дома родного или вовсе нет, или где-то за десять тысяч километров. А жить надо! Надо выжить, надо двигаться, у костра подсушиться, отдохнуть маленько и опять: «Давай! Давай!»

Ночью спать тут же, на лапнике, на лапнике у костра. Дымятся портянки, подсыхают валенки... А еды — хлеба, чаю горячего — нетути! Изредка хлеб привезут с десятого рабпункта — вот тебе и радость!

А так — соображай сам: дают тебе кружку муки и кружку пшена. Котелок есть? Снега вокруг навалом, и костер есть. Какого тебе еще рожна? Тюрю делай из муки и воды, а пшено доварилось, не доварилось — ничего! В желудке доварится.

Многие, конечно, мучаются желудком, у многих травмы, ушибы или ранения: все же пила, топор. Вначале лекпом и санитар делали перевязки и даже увозили в больницу на десятый рабпункт.

А потом пришел приказ: не оказывать помощь «саморубам». Бывали и такие. Не выдерживает, тыпнет топором по пальцу, его в больницу, там кормят, отдохнуть можно. Ну и началось. Чуть ли не ежедневно — то один, то другой: то ногу, то руку. Разоблачали таких «вредителей» свои же, «сознательные» товарищи. Перестали их лечить и даже прибавляли срок по статье «за саботаж». Ничего! Выживали. Один нечаянно сильно ранил кисть. Портянкой заматал, одной рукой работал, костры жег. Долго гнила ладонь, все пальцы постепенно отвалились. Зажила култышка! Лекпом хотел ему перевязку сделать — на общие работы попал (товарищи выдали).

Все всё друг у друга воруют! Кружку из рук выпустил — попрощайся: привязывать нужно. Остаток пищи прячь на ночь в штаны. А то спишь как убитый, тебя обыщут и отберут.

Топоры и пилы на ночь сдавать надо в склад. Это еще мука! Мокрый весь, еле на ногах держишься, а тут стой в длинной очереди. Сдашь топор — получишь кружку муки и кружку пшена. Такую небольшую алюминиевую кружку, граммов на 200. И забирай скорее свой «сухой паек» во что хочешь. Если посуды нет, хоть в шапку. Бывало, и баланду в шапку получали, а ложки нет — хлебай так!

Ложка, особенно деревянная, — большая сила! Были такие, что наживались: по пять ложек имели, давали напрокат. А что делать? Выжить — это главное!

А посуды не хватает. Иной хозяин котелка или чайника зарабатывает на этом, даром не даст, выторговывать надо, ждать, терпеть. Ничего! Живой! Не болеешь! И не простужаешься!

Были и побегии: охраны мало, лес. Разные побегии были, чаще неудачные: куда? Но были и страшные... Крепкий мужик сговаривается с другим бежать вместе. Прячут топор. Ночью уходят. На четвертые сутки мужик напарника убивает (тот уже не может двигаться, все равно погибать, так хоть я вы-

живу). И питается им в течение двух недель. Предварительно разделявает его. Когда поймали мужика на станции Луза, у него нашли оставшийся кусок. Вот какие побег!

А бывает — не поймают!

Удивительные бывают побег! Один уголовник зимой, босиком («колеса» — ботинки несчастливые!) через две зоны: из изолятора в лагерь и из лагеря через просеку в лес бежал. Стреляли! Ведь через колючую проволоку перебраться надо! Он первый раз одеяло, а потом бушлат набрасывал. Бежал, падал, бежал и ушел! Через месяц в изолятор с воли прибыл вор и передал от него привет. В Москве, говорит, две палатки взял.

А трасса продолжалась! Многие оставались навечно среди пней и проталин, прибывали подкрепления, двигались вперед. Дошли до поселка Лойма на речке Луза. Оттуда двигался встречный поток — 16-й и 17-й рабпункты. Уже бараки построены, уже баня есть, уже баланду и пайку выдают. Тут и пофилонить, и покантоваться. И контора есть, и блатных полно. Не тех блатных, что «паханы», «свои», «люди» (хотя и этих хватает), а тех блатных из «фрайеров», которые в хлеборезке, на кухне, в кладовой, в каптерке, в санчасти, в бане, в дневальных! Это — целый мир! Высшее общество! И бушлаты у них первого срока, и рожи мало на «эзков» похожи. Эти и на поверке не стоят, и едят отдельно, и бесконвойный выход из зоны на поселок имеют, откуда, конечно, доставляют и выпивку и табак. У такого бесконвойного все можно достать. Народ этот по служебным статьям сидит, их на общие работы не посылают. На общих — «контрики», по 58-й которые: вредители, кулаки, шпионы, сектанты разные, в общем, все враги народа и «чучмеки» — не русские, муллы (значит, баи, басмачи) и прочие, ну и рецидивисты, конечно, хотя они не работают. Они или отказчики (и сидят по карцерам), или кантуются на месте работы, или «больные».

На трассе воров брали в помощники охраны. Охраны мало, собак нет (собаки только в лагере и то немного и плохие), а мелкие уголовники чувствуют себя в лагере как дома: и в доверии и «кабарчат» — воруят вволю.

Итак, лагерь! Есть и женский барак, и карцер, и КВЧ (культурно-воспитательная часть), и опер — третья часть.

Чуть свет — развод и ежедневно выход на трассу, на корчевку. А оттуда вечером пять километров нести в лагерь чурку (если один) или бревно (если вдвоем), как доказательство, что дал норму. За то дают помимо пайки пирожок! С капустой! Хорошо! Только вот ноги опухли так, что в коленках не сгибаются, и веревки на обмотках впились в тело, а тут чурка на плече. И отставать нельзя, в строю «по четыре».

Когда солнце заходит, ничего не видно, ну совсем ничего, смешно даже! Старайся не спотыкаться, упадешь — не поднимут... Но ведь не у всех же «куриная слепота»! Парню 21 год исполнится только в августе. Здоровый, боксом занимался, гимнастикой волевой по системе Прошека и Анохина, и вдруг — «слепота» и ноги опухли! Вот незадача!

Ну что руки подпухают, понятно — все-таки корчевка, веревками коряги на свал вытаскивать трудновато. Бывало, вечером ложку никак в руке не удержать, падает. Приходится баланду из миски через край хлебать. Хорошо хоть миски теперь выдали, и ложки, и место на нарах есть, правда, на третьей полке, но ничего, зато над головой мокрые портянки не висят. Правда, воздух не тот, но терпимо, зато на трассе воздух отличный, дыши сколько влезет!

Май! Красота! Прошлогодною бруснику можно жевать». Только вот нет никого рядом. Один. Тысячи людей. Каждый — *один*. Ничего. Думать можно. Уже два года, еще восемь впереди. Выжить надо! Дом за десять тысяч километров!

Господи! Хоть бы солнышко медленней опускалось!.. Опять тащить бревно в зону.

— Стройся по четыре!..

МЕДВЕЖКА

Карелия. Город Медвежьегорск. 1933 год. Здесь управление ББК НКВД — Беломорско-Балтийского комбината Народного комиссариата внутренних дел. Центральная усадьба. Город сам по себе маленький, а «усадьба» — это огромная территория, застроенная конторами, складами, мастерскими, бараками, кухнями, каптерками, банями, особняками начальства. И здесь же здание ТЕАТРА.

Настоящий, большой, удобный театр! Великолепно оборудована сцена, зал, фойе, закулисные службы — всё! И труппа настоящая, большая, профессиональная: директор, главный режиссер, администраторы, режиссеры, актеры, певцы, артисты балета, музыканты, художники — все заключенные. И зрители — заключенные. Правда, два первых ряда отгорожены — для вольнонаемных и две ложи боковые — для начальства.

В лагере никакой охраны, никакого конвоя. «Свободная» образцовая центральная усадьба и... строгий режим.

Актеры живут вместе, им выделен барак. Актрисы отдельно — в женской зоне. Порядок образцовый. За любое нарушение режима — или карцер, или перевод на общие работы. Движение по территории запрещено. Можно в организованном порядке направляться на работу — в театр и обратно. Питались в бараке. Комендант назначал дневальных, которые вместе со сменными дежурными приносили в котлах еду и тут же раздавали ее. И утром, и днем, и вечером. И хлеб дежурные приносили — «пайки». Потом в столовой ИТР было выделено место и время для «кормления» артистов. На общую «поверку» строиться не выходили — дежурный по лагерю ежедневно, утром, сам заходил в барак и всех пересчитывал. Общаться с «вольняшками» запрещено. Контакты с заключенными других барачков разрешались только по служебной необходимости под ответственность бригадира (режиссера) с разрешения коменданта. Забора или проволочной зоны не было. Охрана и контроль за выполнением режима мало заметны, но организованы исключительно четко.

Были и группы барачков в закрытых зонах с вахтами и охраной. В баню ходили организованно, по графику. Отдел снабжения помогал театру с организацией спектаклей. Главное начальство («министерство культуры») было в КВО (культурно-воспитательный отдел), его представитель всегда присутствовал на репетициях, а также представитель «третьей части» — кто-нибудь из оперуполномоченных НКВД.

В бараке для актеров помещалось до ста человек. Здесь жили и работники редакции газеты «Перековка». Среди них были исключительно интересные люди: литераторы, философы, ученые. Особенно запомнился художник Гельмерсен Василий Васильевич — бывший библиотекарь царя, маленький, худенький старичок лет 90, всегда улыбающийся, приветливый, остроумный, энергичный. Он когда-то был почетным членом разных зарубежных академий, магистр, доктор-филолог, свободно владел многими иностранными языками, потрясающе знал историю всех времен и

народов, мог часами наизусть цитировать главы из Библии, декламировал Державина, Пушкина, Блока и еще вырезал ножницами из черной бумаги стилизованные силуэты из «Евгения Онегина»: Татьяна, Ольга, Ленский...

Он находился в лагерях с 1920 года... Был на Соловках.

Привлекать кого-нибудь в театр можно было только с разрешения коменданта лагеря, по ходатайству режиссера и инспектора КВО. Спектакли ставились на высоком уровне. Декорации строились отличные, костюмы шились настоящие, добротные, по эскизам художника. Освещение, как в любом столичном театре, под руководством специалистов высокого класса. И все остальные атрибуты — звонки, гонг, занавес, увертюры и пр., и пр. — все настоящее, как в «вольном» театре.

Строгий директор театра, Кахидзе, жил отдельно, в бараке ИТР и питался в столовой. Связь с начальством: репертуар, снабжение, «командировки», состав труппы, поощрения, взыскания — все в руках директора. Он мог отправить любого актера в бригаду на общие работы, мог ходатайствовать о разрешении на свидание с родными, разрешить отправить лишнее письмо на волю (позволялось не более одного письма в два месяца), обратиться по поводу снижения наказания или досрочного освобождения работника театра. (Естественно, это касалось только осужденных по бытовым и служебным статьям. К 58-й статье никогда никаких льгот не применялось.)

Были исключительные случаи, когда сам начальник управления ББК Раппопорт лично, демонстративно, при многих свидетелях, давал указания снизить срок заключения какому-нибудь ведущему специалисту. Какие были окончательные результаты — неизвестно, но впечатление это производило на всех окружающих очень сильное. А что касается «социально близкого элемента», воров и проституток, то Раппопорт очень часто приказывал освободить «ударника труда», ударницу «Великой Стройки» как «исправившихся досрочно». Об этом сразу же выпускались «молнии», «аншлаги», а газеты «Перековка» и «Заполярная перековка» помещали портреты передовиков, которые вчера сознательным ударным трудом заслужили свободу! Родина простила их! Пусть все берут с них пример! Труд — дело чести!

И в театре на концерте (а концерты были часто) тоже воспевали это событие. На строительной же площадке инструкторы КВО устраивали митинги. Выступали «освобожденные» и по бумажке читали «пламенные речи», вроде: «Я всю свою жизнь воровал, из тюрем не вылезал, и вот спасибо Советской власти, спасибо товарищу Сталину, которые научили меня честно трудиться и стать полезным человеком. Я решил остаться в своей родной бригаде еще на месяц, чтобы доказать всем гадам, врагам народа, что никакие их вредительства не помешают нам, рабочему классу, успешно выполнить план и закончить великую стройку коммунизма — наш родной Беломорканал! Я призываю всех не терять бдительности и разоблачать вредителей, которые и здесь притаились и хотят сорвать наши планы. Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует наш начальник стройки, товарищ Раппопорт!»

Недалеко от театра находился двухэтажный дом — «гостиница». Там останавливались приезжие, и туда приводили заключенных на час, на сутки, на неделю — как разрешит начальство. К артисту оперетты Армфельду приезжал на свидание из Ленинграда Юрьев Юрий Михайлович, знаменитый актер Александринки. Он пробыл целую неделю. В барак актеров ему приходиться не разрешалось. Армфельда ежедневно уводили на свидание. Кажется, и спектакли Юрьев не посещал. Все знали, что

он здесь, но никому не удалось с ним повидаться, а Рахманов, Сворожич и Литвинов были с Юрьевым хорошо знакомы.

И Алексей Григорьевич Алексеев, художественный руководитель, тоже хорошо знал Юрия Михайловича. Алексеев жил вместе со всеми в общем бараке, питался тоже вместе со всеми, но часто получал посылки из Москвы, выделялся и одеждой, и поведением. Не был «общедоступным», не допускал амикошности, сквернословив, пошлятины и грубости. Это был интеллигентный, деликатный, умный и талантливый режиссер. Обычно «жители актерского барака» мало разговаривали о статье и сроке. Известно было, что ни воров, ни убийц среди актеров нет. Была 58-я и срок 10 лет. Все судимы «особым совещанием», все в одинаковом положении, а оттенки личного дела — «формуляра», «пункты» не имеют значения. Пункт 6 — шпионаж, 8 — террор, 10 — агитация, 11 — организация, 12 — недонесение. Известно, что ничего этого не было, и никого это не удивляло. Была еще просто 58-я — «разложение армии и флота». Это было комично, так как относилось к физиологическим свойствам или биологическим аномалиям, а точнее, к гомосексуалистам. В театре эти люди ничем не отличались от остальных, только, пожалуй, терпели больше от случайных ухмылок и бестактных намеков.

Часто выезжали с концертами на отдаленные участки. Отправлялись поездом в Беломорск, Сегеж, Сосновец и даже Кемь, хотя там уже не канал, а перевалочная база, лесобаза. В поезде ехали без конвоя, в сопровождении «опера».

По всей линии железной дороги — тайная охрана. Вылавливали беглецов. Эков видно издалека: стриженные, худые, воняют серой. В поезде контроль и проверка от Мурманска до Петрозаводска непрерывно — не прошмыгнешь, а в сторону, в любую, — сплошь лагерь, куда деваться? Урки уходили. Их ловили, били, возвращали. Если же уходил осужденный по 58-й — расстреливали, а «портрет» вывешивали (предостережение!). А тем, кто рядом с бежавшими на нарах лежал, — карцер, изолятор, следствие, срок за «содействие», «недонесение». Боялись. Друг за другом следили... Из бригады убежал — вся бригада в карцер. Ответственность! Порядок!

Горький приехал, Алексей Максимович. В этот день баланда была без гнилой капусты и постели в бараках прибрали. А он и не ходил никуда. На митинге, на строительстве выступил тут же, у последнего шлюза, у Павенецкого залива. Плакал. От умиления...

Говорил о великом энтузиазме, о преобразовании природы, о капиталистическом окружении, о социалистическом соревновании, о том, что труд облагораживает.

Актеры декламировали «Буревестника», и все кричали: «Слава Сталину!»

Не приходил Горький даже в театр: говорили, что уехал в Апатиты или на Соловки... А в театре для него подготовили специальную программу с отрывками из спектаклей «Мать» и «Егор Булычев», с «Песней о Соколе», но потом эта программа шла и без Горького. Во вступлении говорилось: «Посвящается великому пролетарскому писателю», и всегда полный зрительный зал орал: «Ура Горькому!»

Хороший был зритель — непосредственный, жадный, голодный до зрелищ, разнообразный и ненасытный. Надо было видеть это «вавилонское столпотворение»! Многие вообще впервые в театре. Все советские республики, союзные и автономные. Все возрасты. Все статьи Уголовного кодекса.

Спектакли «крепостного театра» на Медвежке были всегда праздником и для зрителя, и для актеров.

Театр этот был еще как бы «придворным театром». Очень часто приезжали «гости». Много начальства из ГУЛАГа, правительство, комиссии разные, корреспонденты и даже иностранцы бывали.

Начальство ББК демонстрировало все «достопримечательности», в том числе главную — театр. Для представительства актеров одевали соответствующе, и все выглядело «ком иль фо». Репетировали «Интервенцию» и «Разлом», играли «Бронепоезд 14-69» и «Перековку» и др., кроме того, концерты симфонического оркестра, вокал и дивертисмент.

В марте 1934 года из состава труппы была сформирована «культбригада» во главе с бывшим режиссером МХАТ-2 Игорем Адандером для отправки на новую стройку ББК — Туломскую гидроэлектростанцию. Так начался новый театр, театр на Туломе, «ТуТэкс», как его в шутку называли актеры: «Тулумская театральная экспедиция».

ТУЛОМА

В мае 1934 года из Медвежки была отправлена на Тулому группа актеров для будущего Туломского театра.

Тулома — это река на Кольском полуострове, недалеко от Мурманска — станция Кола, поселок — Мурмажи. Стройка в сорока километрах от поселка, дороги нет.

Первое впечатление — много людей. Очень много! Сотни тысяч. Строят бараки, живут в больших палатках, расставленных всюду. Солдатские, походные кухни, вагончики для прорабов, начальников, только что выстроенный новый большой дом для начальника лагеря. Все это на изрытой, вздыбленной почве из валунов и пней, в огромном ущелье среди скал и редких сосен, у холодной, быстрой реки. Строится лагерь.

Первое лето целиком прошло на строительстве жилья. Работали все. Но требовались выступления культбригады для «поднятия духа». Было кое-что из готового репертуара: чтение, баян, пение, гитара, а кое-что нужно было срочно готовить «на местном материале». Для подготовки давали сначала один день в неделю, потом — два дня. Писали и репетировали в палатке, материалом снабжал инспектор КВЧ. Выступали на открытом воздухе, на временно построенной эстраде, если погода позволяла.

Лето. Заполярье. Светло долго.

К зиме уже перебрались в барак и клуб был готов, но холодно было ужасно.

Зрители сидят в бушлатах, в шапках, топают ногами — греются. Пар от сотен дыханий и дым от плохой печки поднимаются к потолку, туман в зрительном зале: слабые лампочки светят робко, как в бане. На сцене света никакого: горят какие-то лампы, но все равно ничего не видно. Давали водевиль. Актриса в открытом платье отморозила соски (нарывы потом были). Температура на сцене до двадцати градусов мороза (на улице — 35° и вьюга). А завтра на работу — в котлован, скалу ковырять, тачки возить.

Мороз, вьюга, полярная ночь, костры для освещения и обогрева. Грузить, возить — еще терпимо, двигаешься, согреться можно, а вот бурение — очень трудно. Сидишь на корточках, держишь в руках бур-долото (это длинный такой метровый стальной прут, шестигранный, как лом, заточенный на конце), держишь в рукавицах, конечно, вертикально так, а партнер ударяет большой кувалдой по этому буру; ты поворачиваешь, а он ударяет. Руки

цепенеют. Потом ты вычерпываешь специальной «ложечкой» из дырки пыль и опять бей дальше, пока дырка не станет глубиной полметра. Так делали «бурки» в скале, чтобы потом туда заряжать аммонал и взрывать. Весь грузят в тачки и увозят камни, большие разбивают кувалдой, а потом смены взрывают заготовленные за день «бурки». Назавтра опять все сначала.

Глубокий котлован для «водосброса» делали два года. А потом стало трудно вывозить отвалы. Тачка тяжелая, мостки узкие, в одну доску, скользко, соскочит тачка, перевернется — и ты за ней... А тут «норма». Учетчик все отмечает: если норма не выполнена, пайку полную не получишь. У актеров «норма» — полнормы. И работали только три, а то и два дня в неделю (вот радость-то!).

Рабочих очень много в котловане — муравейник! На третий год случился обвал. Несколько тысяч людей под обломками остались, полгода потом откапывали, вынимали по кускам. Объясняли зэкам так: «Вредители! Везде вредители!» И еще: «Великие дела без жертв не обходятся!»

Расстреляли главного инженера. Пригнали новый этап. Работы продолжились.

Большинство заключенных были нерусские: узбеки, таджики, каракалпаки, очень много басмачей. Впрочем, всех нерусских считали басмачами почему-то... Урки, как всегда, работали плохо, крестьяне, как всегда, работали хорошо. Зона была далеко за лесом, и туда подходить не разрешалось — стреляли.

Первый год, пока не было клуба, вывозили культбригаду на соседние лагпункты, «на гастроли». Однажды были в Кеми. Туда только что привезли эшелон «плодоедок» с Украины. Дикие, полупомешанные женщины разных возрастов, худые или распухшие, мрачные, молчаливые. Рассказывали, что были такие — съедали своих детей... И якобы рассуждали так: «Или мы все померем, или я выживу и опять рожу...» Много их привезли.

Там, в Кеми, тогда же из культбригады пропал гитарист. Через два часа нашли его в женском бараке... Его изнасиловали. В больнице пролежал две недели там же, в Кеми.

И на Туломе «чудеса» творились. То девку обнаружат повешенную на ветке за ноги, юбка завязана на голове, а там песку и щепок набито. То парень на чердаке голый, живот вырезан, тряпками набит, завонялся. В карты урки проигрывали, «наказывали», даже квартиру начальника лагеря однажды проиграли. Никакая охрана не помогла — ночью квартиру обокрали. И проститутки «работали», никакой комендатуре не угнаться, никакой карцер не помогал. Одна девка как-то готовилась на волю, решила «подработать», устроилась в туалете на окраине зоны. Брала пятьдесят копеек или пачку махорки. Когда ее забрали — уже было десять пачек махорки и 15 рублей денег.

А матерщина! Постоянное, повседневное сквернословие... Грязная ругань была нормальным лагерным языком. Блатной жаргон, манеры — страшная зараза для всех заключенных. Атмосфера лагеря засасывала *esexl* Трудно было сохранить себя. Повседневное длительное общение с уголовниками, преступниками, отбросами общества непреодолимо откладывало отпечаток и на людей хорошо воспитанных, образованных, интеллигентных.

Театр воистину вел непрерывный бой с этим уродством за культуру, за красоту! Невероятно трудно было сохранить этот «оазис». А еще труднее сделать театр целенаправленным и боевитым. С одной стороны — сложно найти общий язык со зрителями, чтобы быть понятыми и принятыми, а с

другой — непрерывный и тщательный контроль КВЧ и оперуполномоченного, который стремился выдерживать театр в «определенном русле». Нужно учитывать и контингент: примерно 10% уголовников-рецидивистов — самая влиятельная и разлагающая прослойка, 10% интеллигенции — самая разобщенная и подавленная часть и 80% «работяг» — неграмотных крестьян и «нацменов». Да и в самой труппе театра только 15 актеров и интеллигентных людей, остальные — тоже уголовники.

Не всегда удавалось преодолевать привычки, манеры, «сложности» речи у наших самодеятельных артистов. Однажды в «Хирургии» Чехова исполнитель роли врача «оговорился», вызвав восторженную реакцию зрителей. Вырывая зуб у дьячка, он должен был сказать: «Это тебе, брат, не на клиросе читать!» А актер громко и темпераментно воскликнул: «Это тебе, блядь, не на крылосе читать!» Гром аплодисментов! Матросы в массовке «Разлома» яростно матерились! Было очень органично...

Ходить по лагерю вечером было опасно. После спектаклей мы провозжали актрис вместе с комендантом. И... все же не уберегли нашу Юлю! Была такая чудесная, восемнадцатилетняя, нежная, красивая студентка из Ленинграда. Родителей, «врагов народа», расстреляли, а ее сослали в лагерь — ни статьи, ни срока, вроде вольновысланная, вроде заключенная. Мы взяли ее к себе. Без вещей прибыла, в легком пальтишке, шляпка, туфельки, перчатки, сумочка. Юлия Яцевич. Два года была она с нами. Репетировала, играла роли, но никак не могла избавиться от потрясения, не могла привыкнуть к обстановке. На общие работы ее не посылали. Мы всячески ограждали и берегли ее. Не уберегли... Ее изнасиловали десять сволочей — проиграли в карты. Ночью из женской зоны с кляпом во рту вытащили во двор (другие женщины все видели, боялись поднять тревогу)! Утром обнаружили ее без сознания, за штабелями бревен... В больнице через неделю она повесилась. Косынкой за спинку кровати. На «свалку» вывезли. Мы и не видели ее... Милая Юлия.

Вот в такой обстановке ставились спектакли. В клубе стало теплее, хотя зрители по-прежнему сидели в зале одетые. Освещение хорошее наладили. Декорации строили настоящие. Прибавилось много талантливых людей — музыканты, художники, литераторы, актеры.

Примерно раз в два месяца выпускали новый спектакль*.

Много помогал театру начальник строительства ГЭС — Сутырин Владимир Андреевич.

Надо признать, Сутырин был личностью исключительной. Партийный работник с дореволюционным стажем, в гражданскую войну командовал дивизией, позже одно время возглавлял РАПП. Писатель, поэт, драматург, личный друг Киришона и Афиногенова, он был направлен в органы НКВД на «стройки пятилетки». Можно себе представить, как он относился к театру. Он всегда присутствовал на сдаче спектаклей вместе с полномоченным НКВД и начальником КВЧ, а иногда появлялся и на репетициях. Всегда чувствовалась его поддержка, его шефство (хотя лично к

* Вот репертуар театра на строительстве Туломской ГЭС с апреля 1934 г. по июнь 1937 г.:

«Дон Кихот», «Время, вперед!», «Чужой ребенок», «Чудесный сплав», «Тулумсармейцы», «Афродита», «Адвокат Натлен», «Князь Мстислав Удалой», «Платон Кречет», «Без вины виноватые», «Слава», «Васса Железнова», «Разлом», «Трактирщица» и др.

Водевили: «Зигзаги любви», «Когда появляется девушка», «Бравый солдат Швейк», «Тайный друг», «Вицмундир», «Ведьма», «Зеленая шляпка», «Персидская сирень», «Хирургия», «ГТО».

И еще десятки концертных программ: песни, танцы, чтение, сценки, скетчи, конферанс, построенный на местных актуальных темах.

нему обращаться было запрещено, только с заявлением через начальника КВЧ)*.

... Ставили спектакли один раз в неделю, иногда два раза, а концерты и отдельные выступления в бараках были почти ежедневно.

В лагере существовала «система соревнования и ударничества». Победителям выдавались премии — продуктовая «передача» или новое «вещдovольствие» — ботинки, гимнастерка, бушлат. И культбригаде выпадали награждения и поощрения. Выдавали «грамоты», «книжки ударника», заносили фамилию на «красную доску», помещали портрет на доске передовиков, в газете «Заполярная перековка». Все, как на воле!

В декабре 1935 года погиб Игорь Сергеевич Аландер, руководитель театра. Покончил жизнь самоубийством — бросился в «водосброс». Было ему тогда 32 года. Талантливый, умный, красивый, чудесный человек! Все любили его. В Москве у него была семья — жена и сын. Вроде вначале были письма, а потом большой перерыв. Наконец он якобы получил известие, что жена от него отказалась, развелась, вышла замуж и переименовала фамилию сына. Это все открылось потом, после его гибели, и было недостоверно, основано на слухах. Для театра это был тяжелый урон.

Главным режиссером стал Горлов Николай Иванович. Он был вольноноссылным, но жил со всеми, тут же, в лагере, только в другом бараке. Он был профессиональным режиссером и актером. Поставил несколько удачных спектаклей, актеры его уважали, но Аландер остался в сердцах навсегда.

А тут еще горе постигло: всем, кто сидел по 58-й статье, прибавили срок — сняли зачеты. Это был, как объяснили, ответ на выпады «классовых врагов» после убийства Кирова в декабре 1934 года. Тогда, ни много, ни мало, по два года прибавили: Дворжецкому, Волынскому, Пелецкому. Некоторым прибавили по году, кое-кому по полтора.

В тот тревожный период, когда близится конец срока, когда готовишься к *воле*, каждый день тянется, как год, каждый час и каждая минута занята мыслями о том, что будет. Как будет? Куда ехать? Что дома?

Когда рисуешь в воображении своем картины будущей долгожданной свободной жизни, ночи не спишь, день торопишь — вдруг вызывают к оперуполномоченному. Бегом, с радостным чувством... готов обнять весь мир!

— Здравствуйте!

— Распишитесь.

...1980 год. Сын мой, Евгений, — в Щукинском училище на третьем курсе. А на втором курсе училась Ниночка, прелестная, умная девушка. Она жила у своей бабушки у метро «Аэропорт», а Женя у своей — на «Колхозной».

Ниночка пригласила Женю познакомиться со своей бабушкой и... с дедушкой. Дедушка (лет под 90), милый, приветливый, занимал жениха, пока бабушка с невестой готовили чай. Среди реликвий и сувениров показал и альбом с фотографиями, записями, цифрами, датами. «Тулома»!

На одной из фотографий Женя узнал своего отца, вернее, фото, которое видел дома в альбоме «Тулома»: лагерь, строительство Беломорско-Балтийского комбината. А дедушка невесты — начальник лагеря Сутырин Владимир Андреевич.

Прошло пятьдесят лет, и з/к Дворжецкий стал родственником своего «надзирателя». Чудеса!

Владимир Андреевич недавно умер, а сын его «подопечного» живет теперь в его квартире со своей очаровательной женой и чудесной дочуркой Анютой.

Воистину «тесен мир»!

— Где? Тут? — расписался. Что это?

— Прочтите...

...решением комиссии НКВД... снять зачеты... пересмотреть сроки заключения... Апреля 1937 года...

— Ничего не понял!

Понял.

Сердце ледяное: еще два года.

— Проходите. Следующий!..

Вот так. Шесть лет прошло. Работал, ждал, надеялся. На Вайгаче два года адского труда все же оплачены тремя годами зачетов. И тут в Заполярье были зачеты — день за полтора. Где же все эти вымученные, выношенные, высчитанные дни, месяцы, годы? Еще *два года!* Постой... но не четыре же, значит, что-то все же осталось?! Вот какие мысли, вот какие чувства... А что делать? Надо идти работать. И поменьше рассуждать и обсуждать. Кто-нибудь «стукнет» — и остальные зачеты снимут.

Хорошо, что театр есть. Я САМ ХОЧУ ОСТАТЬСЯ В ЭТОМ ТЕАТРЕ, в кругу своих хороших друзей. И хорошо еще, что не хуже, что не на общих, тяжелых работах, что можно заниматься любимым делом и искусством помогать людям остаться людьми, сохранить или обрести достоинство, не оступеть окончательно, не превратиться в скотину! Ну, это ли не счастье! Это святая миссия! Не надо изменять делу, к которому призван СУДЬБОЙ! Надо работать!

Из воспоминаний

ЛАГЕРЬ

Родился я в 1911 году в семье крестьянина, в селе Черный Верх Арсеньевского района Тульской области.

На год революции хозяйство дедушки считалось по нашей местности крепким. Две лошади, две коровы, приличная постройка. Одиннадцать душ семьи.

В 1921 году вернулись с фронта по ранению мой отец и его брат. С их приходом в доме начался разлад. А еще через год произошел раздел хозяйства. Из одной семьи стало четыре. Кому досталась лошадь, не досталась корова, и наоборот. Отцу выделили амбар для жилья, подамбарник — под сенцы и закуту для коровы и двух овец, которых он получил по разделу.

В 1924 году отцу выдали безвозмездную ссуду на покупку лошади. И мы стали середняками.

К тому времени я уже самостоятельно пахал, боронил, ночами пас лошадей. Отец в свободные дни ездил в Белев, в Одоев подрабатывать на избу. Он у нас был рукодельник: и печник-каменщик, и столяр-плотник, и жестянщик-кровельщик. Не был только кузнецом, верно, потому, что не было кузни. Позднее отец уезжал на подработки в Москву. Дома бывал только полтора — два месяца в рабочую пору. А я тянул и за него и за себя. Я был слабеньким, заморенным пареньком и уставал до изнеможения. Вечерами плакал, кричал, что завтра не буду работать. Но едва показывалось солнце, я снова брался за дело, к великой радости матери.

— Дурачок, ведь изба-то тебе останется, не кому-нибудь, — ласково говорила она.

К двадцать девятому году семья наша увеличилась до шести человек. В этом же году мы купили у пассивного коммуниста, бежавшего от коллекти-

визации, просторную избу. И сразу попали в кулаки.

По селу пустили слух: как только Антонов вступит в колхоз, дом у него отберут под колхозную контору, а его с семьей переселят в церковную сторожку. Отец грохнул по столу кулаком:

— Сожгу, но не отдам!

— Что ты говоришь-то, подумай, — запричитала мать, — тебя посадят и Колю затянут. Взрослый стал. А я с тремя девчонками куда денусь? Нам и сторожки церковной не дадут.

В колхоз отец не вступил. Нас обложили налогом, — да таким что если бы отец продал хозяйство, то и с половиной налога не рассчитался бы. Описали все имущество, вплоть до ложек, и назначили на выселение. А в одну из темных ночей мы уехали в Москву. Отец нашел работу на стройке и поселился там же с семьей в бараке. Меня прописали знакомые. В комнату к ним я заходил редко, спал в прихожей на раскладушке.

Я устроился на фабрику «Гагат», где делали из цветных пластмассовых пластинок расчески, гребешки и всякую мелочь. С утра я развозил в тележке к токарным станкам полуфабрикат, а в конце дня увозил на склад готовые изделия. Эта работа мне, привыкшему к тяжелому труду, казалась игрой.

Прошло два-три года я понял, что надо учиться. И решил поступить на рабфак. Но в это время влюбился, а вскоре женился. Отец жены выделил нам уголок в своей квартире, и мы зажили. Теперь я еще больше почувствовал необходимость учиться. И в тридцать пятом поступил на вечерний рабфак при Плановом институте имени Кржижановского.

А в апреле 1937 года меня арестовали.

В камере Бутырской тюрьмы, куда

я попал, было полно людей. Староста записал фамилию, имя, отчество и указал мне место под сплошными дощатыми нарами, прямо на полу. Соседи мои потеснились. Они были молчаливы. Я тоже не навязывался с разговорами. Через два дня меня вызвал следователь Смирнов. Он записал подробно мои анкетные данные и отправил в камеру.

Я задумался.

— О чем говорил с тобой следователь? — шепотом спросил меня сосед, Сергей Ковалев. Он тоже учился на рабфаке, но при Плехановском институте.

Я рассказал.

— Теперь жди очную ставку с доносчиком.

— На меня доносчиков не может быть. Я никому ничего такого не говорил.

— Вот как! На каждого, кто тут сидит, есть свой доносчик.

Недели через три меня вызвали второй раз. Вернувшись, я заполз на свое место под нары, ткнулся лицом вниз и притих. Ковалев не лез с вопросами. На другой день я рассказал ему об очной ставке. Донесла на меня Чагина Анна. Мы вместе учились на рабфаке и сидели на занятиях рядом с первого и по последний день.

— Сколько же ей лет?

— Около сорока. Мать двоих детей. Муж — начальник какого-то строительства. Оба коммунисты.

— Как ты думаешь, за что она погубила тебя, искалечила судьбу твоей жены с грудным ребенком?

— Не знаю. Мы дружили. Я часто помогал ей в учебе.

— Такие подлости без причины не делают. Она запретное что-нибудь тебе говорила?

— Рассказывала, как на Украине в тридцать втором году умирали от голода. В некоторых местах даже хоронить некому было. Пятеро ее родственников умерли. *«Судить за это надо!»* — сказала она.

— О! Теперь все ясно! Боясь, что ты посадишь ее, она посадила тебя.

Через двадцать один день после очной ставки я расписался за восемь лет лагерей. Меня перевели в бывшую тюремную церковь, приспособленную под пересыльный корпус, где мы прошли санобработку. А ночью перевезли куда-то к железной дороге и погрузили в товарные вагоны.

В Мариинске наш состав загнали на запасной путь и отцепили несколько вагонов. В полдень, когда нещадно пекло солнце, к нашему вагону подъехали два грузовика с высокими решетками на бортах. Вызывая по формулярам, нас посадили в машины.

Вскоре выехали на накатанную дорогу. Много людей работало в поле. Конные жнейки ползили одна за другой. Где-то в лощине натужно гудел трактор. Подъехали к деревне. Дома добротные, высокие, с большими окнами. *«Тут хоть каждый дом раскулачивай»*, — подумал я, вспомнив свою убогую деревушку. Оставив в деревне пушистый хвост седой пыли, машины выскочили на простор. И снова необъятные поля. Наконец, появились плантации турнепса и картофеля.

— Слава Тебе, Господи! В сельхозлагерь попали, — сказал сидящий рядом со мной рыжебородый мужчина.

Подъехали к лагерю. Плотный забор высотой метра четыре из толстых плах, заостренных кверху. Под газовыми фонарями лежали пустые кадки, заменявшие сторожевым собакам будки. У ворот разгрузились.

«Городок», так называли Новоивановский лагпункт, — четыре длинных тесовых барака, две такой же длины землянки и кухня. На крыше одной землянки сидели полуголые урки и резались в карты. Несколько человек стояли у ворот и с воровской жадностью прошупывали нас глазами.

Нарядчик, отделяя молодых от стариков, заметил мой немощный вид.

— Иди к старикам, — сказал он, — будешь у них бригадиром. Молодежь пойдет в другой барак.

Утром, чуть свет, ударили в буфер. Подъем. Перед разводом ко мне подошел старичок с белой бородкой.

— Бригадир, куда мне деть этот узел?

Я пощупал. Шуба с густым, плотным мехом, крытая прорезиненным полотном. «Ого! Изделие не русское»,— подумал я.

— Пойдемте к старосте. Может, он спрячет в кабинке.

— Не бойтесь. Я кабинку закрою на замок и накажу дневальному, чтоб строго смотрел,— пообещал староста Петр Федорович Колокольников.

Старичок Николай Петрович Успенский по дороге на развод рассказал, что двадцать пять лет проработал в Советском посольстве в Пекине. Сын его учится в Англии, в Оксфордском университете, и отказался вернуться в Россию. И теперь старик расплачивается за сына.

Ворота еще были закрыты. Но конвой ждал нас снаружи. Большинство охранников — тоже заключенные, но с малыми сроками и по легким бытовым статьям. Живут за зоной, расконвоированы.

Нас повели на вязку ячменя. Николай Петрович плохо вязал перевясла, отставал от других. Я пропускал его вперед, а сам довязывал оставленную им часть ряда.

Пока мы работали, в наш барак поступило пополнение. Стало тесно, шумно. А за три, четыре дня все бараки и одна землянка были заполнены до отказа, в основном, заключенными из Мариинского распределительного пункта. Во второй землянке находились бытовики.

Погода стояла хорошая. Начальство торопилось убрать поле до дождей. На вязку было поставлено человек триста.

В обед не хватило мисок. Ложек вообще не было. Баланду пили через край. Именно пили, ибо она была только мутной.

Старики мои уже измотались и едва шевелились. Это сразу заметил старший конвоир. Подскакав, стал на всех кричать — отстаем. Ударил прикладом меня — плохо руковожу бригадой. Пригрозил нашему охраннику.

Матюки, брань конвоя слышались далеко.

И вдруг выстрел. Высокий, плечистый бригадир Красновский, опираясь на грабли, опустился на колени и упал на бок: Раздирая удилами губы лошади, возле убитого крутился старший конвоир.

Всех заключенных положили вниз лицом. Кто-то выстрелил в воздух. Мы лежали, боясь шевельнуться. Галопом прискакали трое конвойных. Подъехала повозка. Убитого повезли в лагерь.

В «Городке» ко мне подошел Колокольников.

— По кому это стреляли?

— Старший конвоир убил Красновского.

— Красновского?! Он же отбыл срок и оставлен до особого распоряжения. Вот это дело!

Мы прошли несколько шагов.

— Думается мне, его убили умышленно,— прервал молчание Петр Федорович. — Сюда приехала его жена. Распустила язык. Пригрозила. Вряд ли и она доехала до Москвы.

На другой день нашу бригаду занарядили копать картошку. Все обрадовались. Появилась надежда, что сможем печь картошку и досыта наедаться. Но едва мы подогли ботву, конвойный раскидал ее, огонь затоптал.

Привезли обед. Многие мелко порезанную картошку добавляли в баланду. Я глянул на Успенского.

— Боже упаси! Схватишь дизентерию, погибнешь.

Я предупредил бригаду. Но люди не выдерживали голода, ели сырую картошку, как яблоки. И погибали от дизентерии.

Наступили осенние дождливые дни. Мое легкое пальтишко, служившее мне и матрацем, и одеялом, и подушкой, за полгода так вытерлось по голым ногам, что ветер, дождевую воду пропускало без задержки.

Вчастью сыпал мокрый снег. На наших летних одежонках он быстро таял, доходил до тела ледяным холодом. В грязи костенели пальцы. Много

картофеля оставалось в земле. Конвойные злились. Били ногами, прикладами тех, у кого оставалась невыбранная картошка.

Старик Сигалаев настолько переязб, что пальцы его не разгибались. Картошку он собирал только ту, что лежала сверху. Конвойный несколько раз бил его. Когда подошел в очередной раз, Сигалаев выпрямился, поднял руки.

— Господи! — воскликнул он. — Пошли на землю геенну огненную, чтоб покарать извергов человечества. — И, скрестив руки на груди, проговорил: — Убей меня, пес. Избавь от мук.

— Отойди в сторону и жди, — буркнул конвоир.

Сигалаев сразу ослаб, согнулся, сунул руки в драные рукава. По дороге в «Городок» я поддерживал его, успокаивал, как мог.

Утром во время подъема обнаружили, что Сигалаев повесился. На скамье, вбитой в столб, держась за который, мы залезали на нары.

Погода ухудшалась. Начальство торопилось убрать и картофель, и турнепс, поэтому в поле выгоняли всех до одного.

Но когда начался снегопад и задули сильные ветры, несколько человек «забастовали» и не пошли на развод. За это нас на сутки посадили в карцер. Ночью оттуда забрали Николая Петровича Успенского.

Ударили настоящие морозы, закрутила пурга. Из нашего барака на работу больше не выводили.

Наступила зима — холодная, голодная. Первая моя лагерная зима. Впереди — восемь лет.

ВОЛЯ

1

30 сентября 1943 года я был освобожден из лагеря по активровке.

С первых дней войны и без того плохое питание стало еще хуже. Нам неделями не давали хлеба — поло-

женные двести граммов. Взамен мы получали пол-литра жидкой затирухи или черпак мелкой, с голубиное яйцо, вареной картошки. Старики и больные мерли как мухи. С марта 1943 года начали освобождать по активровке пеллагриков, цинготников и вообще истощенных, но только тех, кто уже отбыл более двух третей срока.

Был освобожден и я. Ехать мне было некуда. Родители жили на оккупированной территории. Сестры эвакуировались в Красноводск. Адреса их я не знал.

У кабинета начальника в очереди со мной стоял крепкий коренастый парень — Иван Болдырев, бытовик, отбывший срок. Мы разговорились. Я сказал ему, что мне не к кому и некуда ехать.

— Давай, паря, со мной! В деревню. Там мать одна. Поживешь у нас на первый случай.

Я сразу согласился.

Жил он в деревне Сорокино Краснотуранского района Красноярского края.

...Молодой лейтенант внимательно посмотрел на меня, пошевелил мое «дело».

— Куда едем?

Я сказал, что еду с Болдыревым.

— Можно, — согласился лейтенант.

Нас довезли до Мариинска. Сопровождающий взял нам билеты и пожелал доброго пути.

Мы с Иваном сели на поезд Новосибирск — Красноярск, в последний вагон, который в Ачинске отцепляли, и дальше он шел до Абакана.

В вагоне было тесно, дымно от самосада, душно.

До Ивановой деревни от Абакана — еще сто километров по Енисею. А пароход от Минусинска до Красноярска через Сорокино ходил раз в неделю. Чтобы не опоздать на него, нам пришлось до пристани бежать. Иван поддерживал меня, тянул вперед. Я задыхался. Едва успели ступить на трап.

...Было уже темно, когда мы по-

дошли к дому Ивана. Избенка старенькая, деревянная. Два оконца. Рамы слабенькие, крестом. На тонких столбиках — покосившееся крыльцо. Крытая хата тростником. Хозяйской походкой Иван взшел на крыльцо, кашлянул и громко постучал.

— Кто? — спросила мать. Иван ответил.

Она молча отодвинула задвижку. Мы вошли в узкие сенцы. В хате полумрак. Горела коптилка. Пол земляной. Давно не беленная печка. Стол, лавки старенькие, покосившиеся, как и крыльцо.

— Вот мы и дома,— сказал Иван. Мать всхлипнула и, вытирая концом платка глаза, пошла к печке. — Ну, ма, ведь пришел же,— раздеваясь, проговорил Иван.

Марфа, так звали мать Ивана, взяла с загнетки маленький чугунок с картошкой, приготовленной на завтра, поставила в печку, обложив его мелко наломанным хворостом, подожгла от коптилки. Сухие ветки весело загорелись.

— Нового-то что у вас? — спросил Иван.

— Хватает новостей. Только успевай слезы утирать. Дружок твой погиб, Сергей Самсонов, Неделя как пришла похоронка.

И Марфа начала рассказывать, сколько получили похоронок, кто вернулся с фронта по ранению, от кого нет писем с начала войны. Иван угрюмо слушал, глядя на разгоревшийся хворост. Булькала вода в чугунке.

Я молча сидел на краю коника, у самой двери. И вспомнился мне покойный Сигалаев, сокамерник мой. Отчаявшись, он просил Бога послать на землю геенну огненную. Вот и пришла эта геенна — война, сталинские лагеря, тюрьмы... Миллионами гибнет безвинный народ. Не на тех замахнулась геенна, и гибнет не тот, кому нужно гибнуть, думал я.

Марфа ткнула ножом в картошку, вытащила чугунок и слила подсоленную воду в маленькую кастрюльку. Для завтрашнего супа. За столом Мар-

фа обижалась на неурожай по всей Хакасии. А что и удалось собрать, пошло государству.

Утром я решил идти в Краснотуранск — получить паспорт и искать работу. Иван и Марфа проводили меня молча. А когда вернулся, встретили неприветливо. Марфа налила мне в миску немного холодного и жидкого супа. А наутро посоветовали искать ночлег в Краснотуранске.

За день я обегал все учреждения, но везде получал отказы. А в райкоме, райисполкоме, райпотребсоюзе, райзо, райфо смотрели на меня враждебно.

Бродя по улицам, я увидел вывеску «Дом колхозника. Районная гостиница». У коновязи стояли запряженные лошади. С крыльца бодро сошел молодой мужчина. Он вытащил из кармана кусок хлеба, здоровенную горбушку — с полкило, не меньше, — и хотел отдать ее лошади.

— Стойте, товарищ!

Я подбежал к нему, ухватил за рукав.

— Отдайте этот хлеб мне.

Он обернулся. Я торопливо начал объяснять, что целый день ничего не ел, что я из лагеря.

— Работать надо было, а не воровать.

— Я не вор. Я никого не обидел,— залепетал я.

— А за что тебя посадили, такого честного?

— Я... я сын кулака...

— А-а, понятно.

И на лице его появилось сочувствие. Он протянул мне хлеб, а из другого кармана вытащил завернутый в газету небольшой кусок сала.

Я готов был целовать эту щедрую руку. Он вроде догадался об этом и спрятал руку за спину.

— Иди в дежурку и спокойно поешь. Воды захочешь — там дадут.

Я пошел в дом. Мне захотелось узнать, кто этот добрый человек. Из окна было видно, как он садился в тележку. Мне сказали, что это Дуби-

нин, председатель колхоза «Заря коммунизма».

Пристроившись в уголке, я съел все, что мне дал Дубинин. Съел и пожалел, что не оставил на другой раз. Не вытерпел, настолько был голоден.

От еды я сомлел и быстро уснул. Когда меня разбудили, было уже темно. Дежурная решила, что я жду подводу, и заметила, что время позднее и за мной вряд ли сегодня заедут. Я «согласился» с ней и попросил разрешения остаться на ночь. Она указала мне место — на широкой скамейке.

Утром я снова отправился искать работу. Обошел несколько улиц и, конечно, ничего не нашел. Увидел еще одну коновязь и несколько лошадей в упряжи. Оказалось, что в доме столовая. Я вошел. Там уже было несколько человек. Я сел за необустроенный стол.

— Перейдите за чистый, я здесь уберу,— сказала официантка, думая, что я заказал обед.

Краснея, я попросил ее оставить мне недоеденный суп. Вздохнув, она пододвинула мне миску. Поглядела, как я жадно глотаю эти объедки, набрала еще почти полную миску и тихонько спросила:

— Паспорт у вас есть?

Я показал ей паспорт и как мог объяснил, кто я. Она ушла.

Но столовая не дом для приезжих, и мне вскоре пришлось убраться оттуда;

Надвигалась глубокая осень. Я постепенно «таял». По улицам уже не ходил, а еле-еле плелся. Голова кружилась. В столовой мне все меньше перепало объедков. В «гостинице» исчезла скамья, служившая мне койкой. Я почувствовал, что жизни моей приходит конец.

Однажды вечером я брел в Дом колхозника. В окне милиции светился огонек. Я открыл дверь. На меня дохнуло теплом.

— Что случилось? — спросил дежурный.

— Ничего не случилось,— отве-

тил я.— Просто зашел на огонек, погреться.

Разговорились. И тут мне вспомнилось, как в царские времена босяки лето работали, а ближе к зиме совершали мелкую кражу, их сажали на полгода в тюрьму, весной выпускали, и они снова до осени жили не тужили.

— Скажите, товарищ дежурный,— обратился я к милиционеру,— приговаривают сейчас к заключению на полгода?

— Нет такого срока теперь. Самый маленький — три года. На меньшее не рассчитывай.

Мы еще поговорили немного, а вскоре я уснул. От слабости я теперь часто засыпал где придется.

Перед приходом начальства дежурный разбудил меня. Я пошел отыскивать нарсуд. Дождался адвоката, спросил его, какое нужно совершить преступление, чтобы получить срок шесть месяцев. Он понял меня и ответил напрямки:

— Украсть какую-нибудь мелочь без взлома.

И тут же заметил, что это мне не поможет.

— К вам применят статью 35 УК РСФСР — без определенного занятия и местожительства, а это — три года ИТЛ.

— Вы возьметесь меня защищать?

— Нет,— ответил он.— Бесплезно.

Что ж, рискнем, подумал я. В лагере меня как бытовика с малым сроком расконвоируют, и жизнь моя будет спасена.

Из нарсуда я побрел по дощатому тротуарчику, внимательно заглядывая в щели заборов, в приоткрытые калитки: не повесил ли кто во дворе сушить белье. Увлеченный этим, я едва не прошел мимо лошади, запряженной в легкую тележку и привязанной к забору. Обходя ее, увидел на тележке линейный солдатский плащ. «Вот они, мои шесть месяцев, без всяких взломов!» — мелькнуло в голове.

Кинув на плечо плащ, я медленно пошел вдоль забора.

— Стой! Положи на место! — раздался сзади голос.

Я остановился. Ко мне подбежал мужчина, сорвал с моего плеча плащ. Я закрыл лицо руками, ожидая удара. Но он слегка шлепнул меня плащом по голове и пошел обратно. Я не поверил, но шаги удалялись. Я обернулся, закричал:

— Постойте, товарищ! Погодите! — и поспешил вдогонку.

— Что еще?

— Отведите меня в милицию и заявите, что я украл с вашей тележки плащ. Спасите мне жизнь.

Он внимательно меня оглядел.

— Ты же только из лагеря. И просишься туда снова?

— Меня никто не берет на работу. Мне негде жить. У меня нет другого выхода.

— А ну-ка, пойдем со мной, — решительно сказал он и повел меня по дощатому настилу к крыльцу.

В доме полы крашенные, но давно. Двери филенчатые.

Я понял, что это начальник.

Зашли в чистую кухню. Навстречу нам вышла опрятная старушка.

— Мамаша, покорми этого человека. Поешь, — обратился он ко мне, — иди в Дом колхозника, загляни в столовую. Я сейчас заеду и поговорю там с кем нужно. А завтра часам к десяти приходи на улицу Луначарского, двенадцать. На втором этаже спросишь Белова. Тебе покажут мой кабинет.

Как я потом узнал, Белов был большой начальник — управляющий раймаслопромом.

Когда я пришел в Дом колхозника, моя скамья-койка стояла на месте, дежурная вежливо предложила мне отдохнуть на ней, даже днем. В столовой напоили меня остатками мутной бурды до отвала.

Назавтра Белов приветливо встретил меня, предложил сесть.

— Счетоводом пойдешь работать?

— С удовольствием.

— Ступай вниз, в бухгалтерию. Там тебе покажут рабочее место, выдадут аванс, и можешь обедать за пла-

ту. Квартиру помогут найти работники бухгалтерии. А с первого декабря я направляю тебя на курсы лаборантов маслозавода.

Я стал благодарить его.

— Не надо, не надо, — перебил он меня. — Ступай.

Пока я был на курсах, освободили от фашистов Калининскую область. Белов уехал домой восстанавливать молочную промышленность. Мне так и не удалось поблагодарить его, позвать на прощание руку.

После курсов я работал на Новосвининском маслозаводе лаборантом. Через два года меня как хорошего работника послали уже на курсы мастеров-маслоделов. Затем работал на Моисеевском маслозаводе мастером. А вскоре уехал в Хакасию, устроился мастером-маслоделом в Баградский раймаслопром.

Тем самым я «замел», как мне казалось, следы моего прошлого.

В декабре 1947 года я перебрался в Курскую область, обжился там, и через полгода сестра привезла мне моего сына Геннадия. Ему было уже двенадцать лет. Худенький, с веснушками на щеках... Бедный мой мальчик. Мы обнялись. Он прижался ко мне, всхлипнул и притих. А на его вихрастую голову капали мои слезы.

2

В 1964 году я вышел на пенсию по инвалидности и начал писать о тех страшных годах сталинских репрессий, которые мне довелось пережить в лагере.

Закончив повесть, я собрал воедино все страницы, пронумеровал и повез в Москву, в консультативный отдел при Союзе писателей. Там прочитали несколько страниц и рукопись мне вернули.

— Никто это печатать не будет, — строго сказала женщина, листавшая мою рукопись.

Это был удар.

На обратном пути возле скверика на Большой Грузинской я увидел мно-

го иностранных машин и милицию. Прочитав вывеску, понял, что здесь посольство ФРГ. «Вот куда я сдам свою повесть», — мелькнула у меня мысль.

Я сел поодаль на скамейку, где стояла нерусская машина, и терпеливо стал ждать. Вскоре подошел хозяин машины. После короткого разговора я получил от него телефон журналиста и тут же ему позвонил. Он сказал адрес, и я помчался на Кутузовский проспект.

Во дворе меня задержал милиционер. Так я оказался в милиции. Рукопись отобрали.

Часа через три вызвали к следователю. Он выслушал меня, составил протокол и приказал немедленно убираться из Москвы.

Это произошло в октябре 1972 года. Спустя почти год, уже летом, меня вызвали в Железнодорожный отдел Комитета госбезопасности Курской области. В кабинете сидели три человека. Начальник райотдела КГБ Давыдов, его секретарь и подполковник из областного Комитета безопасности. Фамилии не помню.

На столе «красовалась» моя изрядно потрепанная рукопись. На ней лежала справка из КГБ. В ней сообщалось, что я был осужден к восьми годам лишения свободы за высказывание террористических мыслей против товарища Сталина.

Это я тщательно скрывал, переехав из Сибири. В протоколе допроса говорилось, что я написал клеветническое сочинение и пытался передать его за рубеж.

Давыдов держался грубо, как следователь тридцатых годов.

Это был настоящий энкавэдэшник!

Спустя несколько дней, просматривая газету, я наткнулся на статью о Хельсинкском Заключительном Договоре. Там было сказано и о свободе общения с иностранцами, и об обмене искусством. А свою повесть я, конечно, считал искусством.

На следующий день я потребовал у Давыдова вернуть мне рукопись, но он отказал. По дороге домой я вспом-

нил, что все черновики еще в мае сунул в печку. Жена летом не топила. Все страницы оказались еще целы. В тот же день я выбрал нужные мне листы и отвез повесть в Курск перепечатать на машинке.

Через три месяца меня вызвала машинистка. Возле дома, где находилось «Бюро услуг», я увидел черную «Волгу» и сразу понял, эта «Волга» ждет меня. Когда я проходил мимо машины и по двору, меня незаметно фотографировали.

Я получил рукопись и вышел, уверенный, что меня повезут на «Волге», но ее уже не было.

Вскоре на собрании районного партактива выступил Давыдов. Он показал всем мои фотографии, назвал меня отщепенцем и кляузником. Сообщил, что я находился в заключении как враг народа. При этом Давыдов заметил, что держит меня под надзором и не позволит мне скатиться до изменника Родины. Пока я был только кляузником.

Партактивисты слушали, переглядывались. До меня долетал шепот: «...Подумать только... Какие люди еще есть у нас...»

С этого дня я попал в прокаженные.

Как пенсионер я иногда подрабатывал в райпотребсоюзе. Участвовал как общественник в комиссиях по инвентаризации, в ревизиях магазинов, складов и баз торговой сети.

После собрания меня никуда уже не приглашали.

Многие коммунисты, присутствовавшие на партактиве, хорошо знали меня. При встрече всегда здоровались, некоторые останавливались поговорить. После выступления Давыдова этому пришел конец. Все от меня отвернулось.

Работники КГБ и прокурор района Хаваев не спускали с меня глаз.

От своей цели передать рукопись за рубеж я не отказался. Ночью, тайком, я трижды ездил в Москву на Международную книжную ярмарку «продавать» свою повесть. И все три

раза меня постигала неудача, хотя я по несколько дней вертелся возле европейских павильонов. Но там дежурили переодетые работники КГБ. Когда мне выпадал случай остаться с иностранцами наедине, я прижимал папку к своему животу и тихонько постукивал по ней, давая понять, что у меня

рукопись. Они испуганно оглядывались по сторонам, отрицательно качали головами и отворачивались. Угнетенный неудачей, я каждый раз уезжал из Москвы больным.

Так и не удалось мне опубликовать свою повесть на Западе.

ЯН РОКОТОВ*

Когда в 1961 году я узнал из газетного фельетона о суде над Яном Рокотовым, выглядевшим под пером журналиста страшным злодеем, и о смертном приговоре, вынесенном ему за валютные спекуляции, я невольно вспомнил хрупкую фигурку в грязной, рваной телогрейке, представшую перед нами однажды в зимнюю пору в лагерном бараке. Разумеется, о прошлой горькой судьбе Рокотова в фельетоне ничего не говорилось.

Это был невысокого роста худенький юноша, казавшийся значительно моложе своих лет. За годы работы на лесоповале в режимной бригаде, где его систематически избивали за невыполнение нормы (которую, к слову сказать, редко кто выполнял), он на время утратил способность сознательно воспринимать действительность. Потеря памяти у Яна была столь велика, что, когда к нему подошел мой сосед по нарам, ленинградский инженер, Василий Степанович Дрокин, совсем незадолго до того находившийся с Яном на одном ОЛПе и работавший с ним в одной бригаде, Ян не сумел его вспомнить.

История Яна Рокотова поначалу мало чем отличалась от десятков тысяч подобных. Отец его, Тимофей Рокотов, в прошлом главный редактор журнала «Интернациональная литература», аналога нынешней «Иностранной литературы», еще до войны был арестован и расстрелян. В то время Ян был ребенком, а после войны он, студент юридического факультета, «дозрел» до того, чтобы на него обратили внимание, и был, в свою очередь, арестован. Во время ареста живой, энергичный и предприимчивый юноша сумел вылезти через маленькое окошко туалета на улицу и бежать. Если только рассказ Яна достоверен, сразу же после побега он явился в дом к следователю Шейнину, жена которого приходилась ему родственницей, и тот, ругая Яна последними словами, снабдил его деньгами и велел больше у него не появляться.

Много месяцев оперативники КГБ старались ликвидировать свой «прокол» и разыскать молодого беглеца, пока не нашли его где-то на юге страны. Ян получил восемь лет по 58-й статье, к которой ему добавили статью «за побег из места заключения», хотя в момент ареста он еще не был осужден и бежал из собственного дома. Вторая статья существенно ухудшила его положение в лагере. Вместе с бандитами и рецидивистами он был помещен в режимную бригаду, которую гоняли на лесоповал под специальным усиленным конвоем. Бригаду возглавлял некий Кацадзе, «ссучившийся» уголовник, мучивший и избивавший заключенных при попустительстве и даже сочувствии охраны.

К тому времени, когда Ян появился в нашем бараке, он отсидел уже значительную часть срока, с него были сняты режимные ограничения, и он был переведен в нашу зону. Молодые жизненные силы Яна взяли свое, и через несколько месяцев его психическое состояние полностью восстановилось. Он даже сумел как-то «приспособиться» к лагерным условиям, устроился работать на подсобную площадку и, когда, уже после смерти Сталина, дело его было пересмотрено, покидал лагерь с большим, набитым «имуществом» чемоданом, в новеньком, неизвестно где сшитом костюме.

— Освобождаюсь вчистую, с полной реабилитацией! — с торжеством прокричал он мне, стоя на вахте, уже за пределами зоны, и помахивая реابي-

* Из книги И. М. Фильштинского «Мы шагаем под конвоем. Зарисовки лагерника», выпускаемой историко-литературным обществом «Возвращение» в 1993 году.

литационной справкой.

— Сколько же тебе пришлось зря просидеть? — спросил я,

— Около семи,— ответил Ян уже другим, несколько упавшим голосом. Мой вопрос, видимо, заставил его спуститься с неба на землю и «спугнул» охватившую его было эйфорию.

Тюрьма и лагерь действуют на неустойчивые в моральном отношении натуры деморализующе, особенно если человек попадает в заключение молодым, с еще не сложившимися убеждениями и этическими нормами. Негативный опыт лагерной жизни среди воров, бандитов, убийц и насильников чаще всего способствует выработке «приблатненной» психологии и морали. Выйдя на волю, Ян восстановился на втором курсе института, но после своего лагерного опыта вписаться в рутинную жизнь советского студенчества и учиться, как прежде, уже не смог. Ему захотелось после страшных лагерных лет пожить «на всю катушку», а учеба в институте и грошовая стипендия давали слишком мало возможностей и «сладкой жизни» отнюдь не обеспечивали. Предприимчивый Ян искал путей для удовлетворения «возросших потребностей». Когда такие пути нашлись, Ян бросил институт и занялся подпольным промыслом. В этом ему помогли еще несколько человек из числа бывших заключенных нашего лагеря, которые в свое время также сидели по 58-й статье и были реабилитированы, но в лагере прониклись уголовным взглядом на мир и жизнь.

Я толком не знаю, в чем состоял «бизнес» Яна, но, по доходившим до меня слухам, суть дела заключалась в том, что Ян сумел войти в контакт с каким-то западногерманским банком. Внося в этот банк марки, приезжавшие в СССР иностранцы получали от Яна советские деньги по выгодному курсу, и, напротив, выезжавшие за границу советские люди, выдав Яну советские деньги, получали за границей соответствующую сумму в валюте. Одна моя бывшая солагерница шепотом рассказывала мне, что обороты Яна достигали многих десятков тысяч рублей. Ходили слухи о его легендарном богатстве, каких-то немыслимых кутежах в московских и ленинградских ресторанах и о любовных связях с красотками полууголовного и артистического миров.

Самое любопытное, что, вопреки слухам, Ян не производил в это время впечатление преуспевающего дельца. Я трижды случайно встречал Яна на улице, и он всегда казался мне скромным и небогато человеком.

Первая моя встреча с Яном произошла сразу же после моего освобождения. Ян тогда восстановился на факультете и жаловался, что не находит общего языка с сокурсниками, потому что старше их почти на десять лет, и что стипендии ему на жизнь не хватает.

Вторая наша встреча состоялась, видимо, в начале предпринимательской деятельности Яна. Он не хвастался особенно своими финансовыми возможностями, но из разговора я понял, что он ни в чем не нуждается.

— Я бросил институт,— сказал он,— поздно мне, старику, сидеть за одной партией с не знающими жизни юнцами. Наш институт ведь особенный, там полно детей разных шишек. На черта мне сдалась эта специальность юриста. Я и так про нашу юриспруденцию все знаю, испытал ее милости на собственной шкуре! Сидеть юрисконсультантом в конторе или адвокатствовать! Ну их к бесу!

Третья и самая удивительная встреча произошла у нас в Центральном универмаге. Это было незадолго до ареста Яна, когда я от солагерников слышал о его баснословном богатстве. Ян держал в руках небольшой сверток.

— Вот купил пару немецкого теплого белья, советую и вам это сделать. Белье хорошее,— сказал он.

Ничто не выдавало в нем «подпольного миллионера». Он был скромен и

немного грустен, возможно, предвидел свою судьбу. Он торопился куда-то на концерт, и мы быстро расстались.

Появление в газетах фельетонов о Яне было для меня полной неожиданностью. В них Ян рисовался как некая «демоническая» личность, крупный валютчик и спекулянт и даже неотразимый Дон Жуан, совратитель многих женщин, вроде «Синей бороды». Все это как-то сильно не вязалось с его обликом. Ходили слухи, что он стал жертвой какой-то интриги в борьбе различных отделов специальных служб, работники одного из которых, **занимавшиеся** расследованием крупных валютных спекуляций, пытались сделать карьеру на этом деле и умышленно раздували его масштабы. Так это или не так, я не знаю, но Ян, несомненно, оказался жертвой какой-то закулисной игры.

Может быть, при иных условиях недюжинная энергия Яна ушла бы не в «черный бизнес», а в общественно полезную деятельность. Из него вышел бы выдающийся экономист-практик, какой-либо преуспевающий банкир или менеджер крупного торгового предприятия. Но этого не случилось. Смертный приговор, вынесенный Яну в 1961 году по прямому приказанию Н. С. Хрущева, был вопиющим нарушением всяческих законов, человеческих и божеских, равно как и общепринятых норм юридической практики. На первом процессе Ян был осужден на пятнадцать лет заключения. Однако, несмотря на то, что закон не может иметь обратной силы, Хрущев не только распорядился внести соответствующее изменение в Уголовный кодекс, установив смертную казнь за валютную контрабанду, но и пересмотреть дело Рокотова, чтобы приговорить его к смертной казни.

Наш общий солагерник, ныне покойный журналист Э., присутствовал на вторичном процессе Рокотова. Он мне рассказывал, что Ян, понимавший, что ему не избежать смертного приговора, вел себя мужественно и даже дерзко, вступал в пререкания с судьей и прокурором и отвергал выдвигаемые против него обвинения.

— Они меня все равно расстреляют, они без казней не могут,— сказал он подошедшему во время перерыва к скамье подсудимых журналисту,— но хоть года два я пожил как человек, а не как «тварь дрожащая»!

Видно, Ян знал классику!

Валютные комбинации Яна были столь умело продуманы и настолько эффективны, что ходили слухи, будто в Западной Германии ему была присуждена премия за лучшую финансовую сделку последних десятилетий, а один из городов сделал его своим почетным гражданином. Если это даже легенда, то она сама по себе свидетельствует о той дани уважения, которое его финансовые способности вызывали в деловых кругах.

Во время процесса прокурор и судья умалчивали о том, что обвиняемый еще в ранней юности был безвинно репрессирован, просидел в тюрьме и в лагере около семи лет, после чего освобожден и реабилитирован в связи с отсутствием состава преступления. Об этом сообщил суду сам Рокотов, но ни судья, ни народные заседатели не пожелали обратить на это внимание. Карательные органы легко прощали себе свои преступления, ссылаясь на то, что незаконные аресты производились «во время культа личности», а они к этому вовсе непричастны. Никто не вспомнил о том, что государственная система, лишив его родителей и ни за что ни про что швырнув юношей в уголовный мир, несет изрядную долю ответственности за его преступления и судьбу.

А я и поныне частенько вспоминаю мое первое впечатление от Яна — худенькую фигурку стоявшего посреди барака, затравленного и исподлобья смотревшего вокруг себя маленького человека.

Нина Гаген-Торн

«ТЕМНИКОВСКИЙ ЗАПОВЕДНИК»*

Нина Ивановна Гаген-Торн (1900 — 1980) — этнограф, поэт и прозаик, одна из последних учениц Андрея Белого.

Арестовывалась дважды — в 1936 и 1948 гг. В общей сложности провела в лагерях двенадцать лет.

...Последний обыск на вахте. Гудок поезда. Часовой, вскинув винтовку на плечо, провел нас троих в вагон. Мы знали, что ехать недолго — до пересылки в Потьме. Там формируют этап.

Через час вагон остановился.

— А ну, давай вылезай!

Потьма. Та самая, куда мы приехали летом четыре с половиной года назад. Теперь все в снегу. Снег на колючей проволоке, крыши бараков — снежные шапки. Часовые в белых полушубках, в валенках.

Провели через вахту.

— Налево!

Деревянное здание, но вроде тюрьмы: коридор, а по обеим сторонам двери с висячими замками.

— Вот-те и вольные,— шепнула спутница,— из лагеря да обратно в тюрьму.

В камере народу, как на вокзале. Сидят на вещах. Вот несколько девушек, которых впустили только что перед нами.

— Из северных лагерей мы, чего везли? — удивляются они, ведь до конца срока у всех меньше двух месяцев.

— А в каких лагерях были? В общих, вместе с бытовиками? — спрашивает, закуривая, какая-то изможденная женщина.

— В общих, на лесоповале.

— Вот оттого и везли: из общих выпускают на волю, а тут спецлагеря, по окончании — ссылка. Значит, вам тоже в ссылку.

Девушки переглядываются и бледнеют:

— Но ведь не было в приговоре.

— Этого в приговоре не ставят. Просто везут этапом из лагерей на поселение. И крышка.

— Полно вам, Анна Ивановна,— говорит изможденной какая-то старушка, поправляя белый платочек.— Бог знает, как еще обернется, может, и минует их... Скажите лучше, деточки, вы где были-то?

— На Воркуте.

— А не слышали, случайно, про Громова, Колю Громова, сынок мой тоже на Воркуте срок скоро кончает... Может, встретили на каком этапе?

* Из книги Н. И. Гаген-Торн «Метоп», выпускаемой историко-литературным обществом «Возвращение» в 1993 году.

Все так бесконечно знакомо: расспросы, нары, чемоданная жизнь без завтра...

Я очень устала... От волнений, от ночи почти без сна. Отыскиваю свободные нары, подстилаю бушлат, покрываюсь одеялом, кладу рюкзак под голову... Засыпаю.

Во сне слышу женский голос:

— Est-ce qu' il y a quelqu' un qui parle francais?*

Вижу — стройная фигурка с волнистыми каштановыми волосами, темные глаза с пушистыми ресницами, типично французская ортогенность движений — парижанка из французского фильма. Вот так сон!

— A votre service, madame!" — говорю я, забавляясь неожиданным сном.

— Quel bonheur!*** — восклицает женщина, бросаясь ко мне.

И, протирая глаза, я понимаю, что это не сон. На самом деле мне протягивает руку молодая красивая женщина и начинает быстро, почти захлебываясь, говорить по-французски. Она счастлива, что, наконец, может поговорить, расспросить, что-то понять. Вот уже две недели ее везут этапом, она не знает куда, не понимает русского языка и не встретила никого, с кем могла бы поговорить.

— Как вы попали к нам из Парижа? — спрашиваю я, не сомневаясь, по акценту, что она парижанка.

Нет, она не французенка, грузинка. Но выросла в Париже. Арестовали ее в Тбилиси, и следствие шло по-грузински. После приговора вывезли из Грузии, она даже не знает куда.

— Где мы находимся? Что со мной будет дальше? — спрашивает она.

— Сейчас мы в Мордовии,— говорю я горько.

Она смотрит с ужасом:

— А дети? Неужели я не смогу узнать, где мои мальчики, что с ними?

— Узнаете. В лагерях вы встретите много женщин, говорящих по-французски, и грузинок. Я только что с 10-го лаготделения, там остались мои близкие друзья, две грузинки из Тбилиси.

Я называю фамилии.

Она оживает:

— Я слышала от отца эти фамилии. Он сам из Тбилиси.

— Хорошо, если попадете на 10-й. Но и на других лагпунктах есть. На 6-й, когда мы были там, пригнали четырех грузинских девушек. Потом их перебросили, кажется, на 16-й.

— Молодые грузинские девушки? За что же они сидят? — удивилась она.

— Попали в плен к немцам. Обвиняют, что, раз выжили — значит, работали на немцев.

Она не может понять.

— А вы, мадам, долго в лагерях? — спрашивает она.

Я рассказываю о себе и о лагерях. Шутливо рассказываю, стараясь не пугать. Передаю комические сценки. Мы смеемся.

Ударил отбой. Надо укладываться спать. Расстилаю свое ватное одеяло, приглашаю лечь рядом. Клопов мало, но она стыдливо почесывается. Шепотом, чтобы не мешать другим, мы продолжаем говорить. Она так

* Есть ли здесь кто-нибудь, кто говорит по-французски? (*франц.*)

** Ваш покорный слуга, мадам (*франц.*)

*** Какое счастье! (*франц.*)

Гинденбурга позволила Гитлеру стать законным хозяином Германии, нацисты ведут обыски у всех обнаруженных ими марксистов, но письма не находят: их опередил другой обыск... Несколько месяцев спустя Хайнц Нойман узнал, что оно находится в его досье в НКВД и что именно это письмо было причиной его отзыва.

Еще раз, и без всяких объяснений, Нойман получает распоряжение оставить все, отправиться в Швейцарию и ждать там новых распоряжений. Без работы, без паспорта, без денег... Ему запрещено пребывание в Швейцарии, во Франции, в Англии. В Германии — Гитлер, в Италии — Муссолини. Будучи честным и на все готовым коммунистом, Нойман, который распоряжался крупными суммами в Германии и Испании, ничего не скопил на черный день.

Помогла солидарность товарищей: друзья бесплатно предоставляют кров супругам, снабжают документами... Наступает день, когда швейцарская полиция все-таки опознает их, арестовывает Хайнца Ноймана, но отказывается выдать его Германии по требованию нацистов. После семи месяцев тюремного заключения Хайнца и Грету отправляют в сопровождении полицейских в Гавр и сажают на советский корабль. В мае 1935 года они прибывают в Москву.

Там им определяют место жительства, выдают «карточки для служащих», в течение двух лет они работают переводчиками. При этом постоянно находятся под милицейским наблюдением. В конце 1936 года Димитров, генеральный секретарь Коминтерна, вызывает Ноймана и приказывает ему написать книгу о VII Конгрессе Коминтерна и о своих собственных политических ошибках. Нойман отказывается. В ночь с 27 на 28 апреля 1937 года трое из НКВД арестовывают его. Напрасно Грета пытается сдержать слезы, уже на пороге Хайнц последний раз сжимает ее в объятиях: «Поплачь, есть о чем».

Без работы, без средств к существованию Грета продает свою одежду, затем книги Хайнца. Каждый день она отстаивает очередь к окошечку одной из тюрем. Наконец, в Лубянской тюрьме соглашаются принять деньги для передачи (это означало, что Нойман находится там). В декабре 1937 года в передаче денег отказывают, а 19 июня 1938 года Грету тоже арестовывают.

Она описала свою жизнь в советских тюрьмах и лагерях в книге «Ссылная в Сибири», которая была переведена на французский. Я нашла в ней некоторые цифры и фамилии, которые Грета сообщила мне в Равенсбрюке (я плохо запоминаю цифры и фамилии, поэтому при первой же возможности записываю их, а у Греты — отличная память).

Но уж что запомнилось из ее рассказа наверняка и без всякой посторонней помощи, так это хлебный паек, который все время тает, полуподвальный глинобитный барак, который нужно каждый день высвобождать из-под снега, авитаминоз, от которого слепнут заключенные со «штрафной пайкой». Иногда им разрешают подкормиться молодой травой в степи. Для этого надо перейти по шаткой доске поток. Нередко кто-нибудь из подслеповатых каторжников падает в воду, но это мало кого волнует; никто даже не пытается извлечь его оттуда. «Тем не менее, — говорила Грета, — падали туда не от пинка конвоира». — «Ну вот, видишь, — сравнивала я, — все же не так, как в Равенсбрюке, здесь бы пинка не избежать».

Запомнились еще рассказы про отъезд в санях и мчащихся галопом казахских лошаденках, про небо с бегущими по нему звездами, про вокзал в Караганде, настоящий поезд (трое заключенных и три охранника из

НКВД в двух пассажирских купе), дорога через бесконечные заснеженные равнины, радость встречи с первыми неказистыми деревьями, уходящие вывсы горы, океан обледенелых лесов и, наконец, Москва. Там в «необычной» тюрьме кучка немецких заключенных получает утром настоящий теплый чай, масло, сыр, два яйца, хлеб двух сортов, чистые простыни, одеяла, выстиранную одежду.

Когда они приобрели человеческий вид, их снова сажают в поезд, но на этот раз в «купе-одиночки»; надежная охрана; на остановках чай, бутерброды, консервы. Наконец поезд прибывает на вокзал, где им приказывают выйти. Они читают: «Брест-Литовск».

С Гретой там вышли двадцать восемь мужчин и две женщины. Особенно запомнилось то, что она рассказывала нам о молодом немецком рабочем, активном коммунисте. Нацисты грозили расправиться с ним, преодолев тысячи опасностей, он сумел пробраться в СССР. Теперь он отчаянно отбивался: «Товарищи, убейте меня, но не отдавайте им...»

«Товарищи» хладнокровно выволокли его на середину моста и там передали немецким солдатам, медленно следовавшим за офицером...

Взглянув украдкой на фуражку офицера, Грета впервые увидела кокарду с черепом и двумя скрещенными костями... Затем, после двух или трех тюрем, она оказалась в Равенсбрюке: с 1940 по 1945 годы.

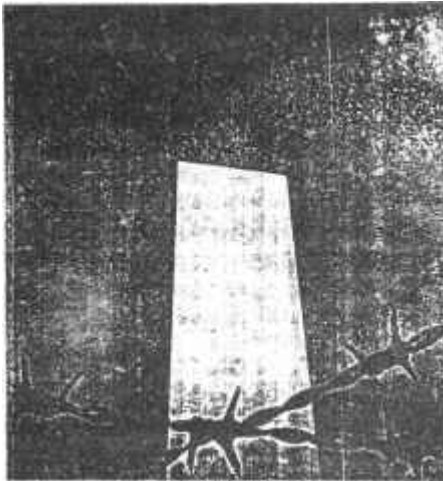
Перевод с французского Л. Гуревича

charlotte delbo

aucun de nous ne reviendra

Шарлотта Дельбо

РАССВЕТ

Болота. Болотистая равнина. Болота без конца. Замерзшая равнина без конца.

Мы думаем только о своих ногах. Когда идешь рядами, тебя преследует нечто вроде навязчивой идеи. Смотришь только на шагающие перед тобой ноги. Вот ступают ноги, ступают тяжело, ступают перед вами, вы их обходите, стараетесь не наступить на них, но вы их никогда не обгоните, эти ноги всегда ступают перед вашими. Даже во время ночных кошмаров ноги гипнотизируют вас так, что вы их видите перед собой, даже если вас по-

ставят в первый ряд, — эти шаркающие, спотыкающиеся, идущие вперед ноги. Идущие вперед с неравномерным стуком ноги, идущие беспорядочным шагом ноги. И если перед вами идет босая женщина, у которой украли обувь, эти босые ноги, ступающие по наледи и грязи, эти босые ноги — босые по снегу, измученные ноги, на которые вам и смотреть не

хочется, эти жалкие ноги, которые вы боитесь отдавить, — эти ноги болезненно мучат вас. Иногда с одной из ног спадает сабо, оно падает перед вами и мешает вам, как летняя муха. Вы не останавливаетесь перед этим сабо, когда другая наклоняется и подбирает его. Надо шагать. Вы шагаете. И оставляете позади отставшую, которая выброшена из рядов на обочину; она бежит, чтобы снова занять свое место, и не может разглядеть своих соседей, растворившихся среди других; тогда она смотрит на ноги, чтобы узнать подруг по башмакам. Вы шагаете. Вы шагаете по скользкой, как каток, дороге или по дороге, вязкой от грязи. По вязкой красной глине. Вы шагаете. Вы шагаете, ничего не видя, кроме шагающих перед вами ног. Вы шагаете. Вы шагаете по болотистой равнине. Болота — до горизонта. По бескрайней равнине, по оледенелой равнине. Вы шагаете.

Мы шагаем с самого рассвета.

Бывает и так, что влажный сырой холод пробирает до костей. Небо светлеет. Рассвет. Говорят, что это рассвет.

Мы дожидались рассвета, чтобы двинуться в путь. Каждый день мы дожидались рассвета, чтобы двинуться в путь. До рассвета выходить было нельзя, так как часовые должны были стрелять со сторожевых вышек по беглецам. Но никому и в голову не приходило бежать. Для этого нужно быть слепым. Нужно умело рассчитать свои силы и чувства. Никто и не думал бежать.

Рассвело. Нам было все равно, в какой из колонн шагать. Единственным желанием было не выпасть из строя, и мы крепко смыкали ряды.

Построились, теперь надо долго ждать. Тысячам женщин надо долго ждать, пока, выстроенные пятерками, они будут пересчитаны и смогут пройти. Пройти под взглядами всех этих Дикслер и Таубе, под жестким, безжалостным взглядом, ищущим незастегнутый воротник, оторванную пуговицу, неразборчивый номер. Перед контрольным баракom дежурная эсэсовка дотрагивалась указкой до первой женщины в каждом ряду и считала: *fiinfzehn, zwanzig...* — до одной или двух сотен, что зависело от величины бригады. Когда все проходили, сзади становились два эсэсовца с собаками на поводке. Так — монотонно — лагерь опорожнял свою ночную трубу.

Поворачивали направо или налево. Направо — к болотам. Налево — к предназначенным на слом домам и к вагонеткам — загружать и толкать. Я целыми неделями мечтала о том, чтобы повернуть направо, — тогда мы переходили ручей, и я могла зачерпнуть и попить воды. Многие недели меня мучила жажда. Чаще всего мы сворачивали к болотам.

Выходили на дорогу. Напряжение ослабевало. Можно было подать друг другу руку и помочь шагать, можно было поднять воротник, засунуть руки глубже в рукава. Колонна растягивалась по дороге.

Сегодня дорога замерзла и стала гладкой, как зеркало. Можно прокатиться. - Падаешь. Колонна шагает. Есть такие, которых надо почти нести на руках — так опухли ноги. А колонна шагает. Доходим до поворота, мы боимся его, так как теперь ветер дует в другую сторону. Теперь он бьет прямо в лицо, этот резкий, ледяной ветер. Близость болота чувствуется по туманам. Шагаем в тумане, ничего не видно. Да и нечего видеть. Бесконечные болота, равнина, укутанная туманом. Укутанная ледяной ватой равнина.

Мы все идем. Мы шагаем, приглядываясь к ногам. Мы шагаем с самого рассвета.

КОМАНДИР

Два белокурых мальчика с волосами цвета спелых колосьев, босоногие, без рубашек. Мальчуганам одиннадцать и семь лет. Братья. Оба блондины с голубыми глазами и загорелой кожей. Затылок темнее.

Старший распекает младшего. Малышу не по себе. Он произносит ворча:

— Нет. Нет, всегда ты.

— Конечно. Я большой.

— Нет. Это несправедливо. Когда же моя очередь?

И старший предлагает скрепя сердце, поскольку надо убедить младшего:

— Ладно, слушай. Еще раз сыграем как всегда, а потом поменяемся. И будем играть по очереди. Ладно?

Младший фыркает, отходит от стены, на которую он опирался, прищуривается из-за солнца и тащится к брату. Тот оживает: «Ну, так будем играть?» — и начинает входить в роль. Одновременно он следит, готов ли к игре братишка. А младший выжидает. Он еще не готов. Он ждет, когда начнет брат.

Старший готовится. Застегивает куртку, подтягивает ремень, сдвигает шпагу на бок и обеими руками поправляет фуражку на голове. Потом тихо протирает край фуражки и опускает на глаза козырек.

По мере того, как он одевает своего героя, все его черты суровеют. Губы поджимаются. Он вскидывает голову, как будто козырек мешает смотреть, выпрямляется, закладывает левую руку с раскрытой ладонью за спину, правой рукой наводит воображаемый бинокль и осматривает все вокруг.

Но что-то еще не так. Он чувствует, что что-то забыл. На минуту выходит из роли и ищет тросточку. Да, вот она, в траве, настоящая тросточка — гибкая ветка, которую берет всегда, — и он снова принимает свою позу и постукивает тросточкой по сапогам. Теперь он готов. Он оборачивается.

И сразу младший тоже входит в роль. Ему это удастся легче. Под взглядом брата он застывает, делает шаг вперед, замирает, щелкает каблуками — стук каблуков не слышен, так как ноги у него босые, — поднимает правую руку и без всякого выражения смотрит прямо перед собой. С видом превосходства брат отвечает ему кратким, почти незаметным приветствием. Младший опускает руку, еще раз щелкает несуществующими каблуками; старший начинает маршировать. Он держится прямо, вскидывает подбородок и двумя пальцами крутит свою трость, постукивая ею по ладошкам. Младший следует за ним на некоторой дистанции. Он шагает не так скованно. Это простой солдат.

Они проходят через сад с квадратами газона и окаймляющими газон цветами. Командир смотрит свысока, испытующим взглядом. Ординарец идет за ним, ни на что не глядя, с тупым видом. Он солдат.

Останавливается в глубине сада, у изгороди из роз. Командир впереди; сзади, в двух шагах от него, ординарец. Командир занимает свое место, вытягивает вперед полусогнутую в колене ногу, одну руку закладывает за спину, а другую, в которой сжимает хлыст, держит у бедра. Он возвышается над розами. Лицо его принимает злое выражение, он отры-

осужденных по статье 58-10, в том числе — осужденных повторно, уже в зоне, лагерным судом и Таймырским окрсудом за «антисоветские высказывания» (воспоминания Е.В.Павловского)¹¹, по ст. 58-14 — за «саботаж», иногда — за побег из лагеря, а чаще просто за отказ от непосильного физического труда, ст. 59-2 и 58-11—по доносам стукачей якобы за «создание контрреволюционных повстанческих организаций в лагере», готовивших «антисоветский переворот, восстание» (воспоминания В.Г.Воробьева)¹². Надуманные процессы по ложным доносам создавали иллюзию энергичной работы оперативно-чекистских отделов в лагерях и позволяли фабриковать дела многократно судимых «тяжеловесов» — им к уже имевшимся 8 — 10-летним срокам прибавлялись 15 — 25-летние новые, так что совокупность сроков ужасала: она доходила до 50 — 75 лет лишения свободы! (Типичный пример — судьба Павла Андреевича Френкеля из 1-го лаготделения Горлага, четырежды судимого по статье 58, приговоренного в совокупности к 55 годам лагерей)¹³.

Во многих лаготделениях Норильлага, еще начиная с 30-х годов, «бал правила», как и в других советских лагерях, так называемая «отрицаловка» — ворье, уголовники, бандиты, для которых тюрьмы и лагеря — что дом родной. Администрация охотно назначала их на «хлебные» и «непыльные» должности: бригадирами, нарядчиками, десятниками, табельщиками, кладовщиками, поварами, считая своими первыми помощниками в поддержании лагерного режима. И они поддерживали в прямом смысле «палочную дисциплину» — бригадиры и их помощники из уголовников, вооружившись ножами и палками, выгоняли бригады на развод из бараков (команда «вылетай без последнего» означала, что последний, т.е. замешкавшийся при выходе на работу, будет бит палками). Ненавистью и презрением отличалось отношение уголовников к работягам-«мужикам», интеллигентам-«придуркам» и прочим «фрайерам», осужденным по ст. 58, покорно сносившим побои, ограбления и издевательства вора.

По традиции попытались перенести такие порядки в Горный лагерь, но не тут-то было. В этапах бывших фронтовиков, не сломленных морально и физически, среди объединенных прочными узами землячества западных украинцев, белорусов, эстонцев, литовцев, латышей уже на пересыльных пунктах уголовники стали встречать отпор так называемых «злых фрайеров» — всех тех же осужденных по ст. 58. Оказалось, что политзаключенные могут объединяться, они теперь не желают быть покорными и сносить унижения, больше того — объединившись, представляют собой силу!

В Горном лагере уголовники главенствующей роли не играли — их было, во-первых, во много раз меньше, чем политзаключенных (зато попадали в Горлаг исключительно «тяжеловесы» — убийцы, бандиты-рецидивисты, осужденные, скажем, за побег по ст. 58, но от этого не ставшие, конечно, «политическими»); во-вторых, они вынуждены были уважать умеющих дать отпор; в-третьих, с «хлебными» и «непыльными» должностями приходилось расставаться, чаще всего — не добровольно... Особо ретивые помощники лагадминистрации, как правило, «неизвестными лицами» и «при невыясненных обстоятельствах» могли быть избиты, самые жестокие — убиты. Например, в 1-м лаготделении Горлага были убиты старший нарядчик Мисявичюс и бригадир Дорош, в 3-м лаготделении — нарядчик Кучеровский и т.д. После введения смертной казни за лагерные убийства, в марте-апреле 1953 года, в канун восстания, пошли случаи избивений. Например, на Медвежке были избиты бригадиры из заключенных Хабаров, Лебедев, Аласкеров, Иваниди, Да-

ниленко, Степанов, Попов, старший нормировщик ППЧ Поясок, культторг Евдокимов, мастер цеха Семенов¹⁴.

В результате в Горном лагере в канун восстания доносительство и провокации стукачей стали непопулярны. Ведь раньше в Норильлаге опасно было делиться своими мыслями даже с товарищем, который ел с тобой из одной миски. Теперь же стало возможным о многом говорить вслух. Если в довоенных лагерях трусливые и слабые, «ортодоксальные» и прочие, соглашаясь на сотрудничество с оперативно-чекистскими отделами, покупали себе таким образом лишнюю пайку и держали в страхе своих товарищей, то к весне 1953 года «щупальцы» оперчекотделов в Горлаге оказались обрубленными либо парализованными: сексоты, напуганные лагерными убийствами, замолчали, информация от них перестала поступать.

Лагадминистрации пришлось «спрятать» своих лучших помощников — уголовников и стукачей — в штрафные изоляторы и откармливать там для предстоящей кровавой «работы». Камеры, где отсиживались бандиты, заключенные окрестили «молотобойками» или «молотилками». Не дай Бог было попасть в ШИЗО: надзиратели поодиночке бросали строптивых в камеру «молотобойцев», и те начинали свою «потеху» — били, за руки и за ноги подбрасывали несчастного кверху и бросали на цементный пол, кололи ножами, давили и т.п. Товарищи не могли прийти на помощь избиваемым: камеры на запоре, под охраной надзирателей, а сам штрафной изолятор вынесен за зону и отделен от нее колючкой.

Тем же «кулачными» и «палочными» методами дознания пользовались работники оперчекотделов. Палками били узников при водворении в штрафные изоляторы надзиратели и охрана. А конвойные в пути на работу и с работы подгоняли заключенных прикладами, травили собаками, ставили в грязь на колени (воспоминания Л. Л. Павлова, А. М. Любченко, С. Г. Головки и др.)¹⁵. А после того, как солдатам разрешили по своему усмотрению применять огнестрельное оружие (в случае «опасности») да еще начали давать премии и отпуска за «ликвидацию возможного побега или прорыва зоны» (пример — дело В.И.Цыганкова, см. следующую главу), чаще и чаще стали звучать выстрелы на производственных объектах, при движении колонн заключенных и даже в жилых зонах, где прежде применение оружия запрещалось. К весне 1953 года отношения охраны и заключенных Горлага обостряются. Напряжение нагнетает пропаганда — политзанятия, лозунги, плакаты, газеты и журналы. Всеми средствами вдалбливается в сознание охранников, что перед ними — особо опасные государственные преступники, изверги, нелюди, «палачи и каратели советского народа». Пропаганда истерически поддерживает страх и ненависть молодых солдат к лагерникам, поощряет жестокое обращение с заключенными и порицает за гуманность.

Бесчеловечный режим ГУЛАГа, беспредел лагерной администрации и охраны, унижение и подавление личности, безнадежность огромных сроков — все это должно было сломить любого и физически, и морально. Но лагеря становились уже иными, да и время наступало иное.

Начало. Агитаторы и провокаторы. Карагандинский этап

История норильского восстания ставит перед ее исследователями множество вопросов. Первый из них: было ли восстание заранее подготовлено, организовано (лагерными активистами, агитаторами, забастовоч-

ными **комитетами**), скоординировано по срокам или вспыхнуло внезапно, стихийно? Есть еще **версия** — **восстание** было спровоцировано, и многие факты подтверждают это. Где же истина?

Попробуем разобраться, помня о том, что участники норильского восстания к моменту начала **событий** не были однородной массой — хватало сомневающих, равнодушных ко всему, запуганных и подавленных. Имелись у забастовки явные и тайные противники, **активные** и не очень активные сторонники. Словом, событие это — многослойное, сложно складывающееся, особенно в самом начале, пока движущие силы только еще определялись.

Считается, что «вирус мятежа», по выражению А.И.Солженицына, привез в Норильск карагандинский этап. В нем были собраны заключенные из Степлага и Песчанлага -- особорежимных лагерей близ **Караганды** и Тайшета, 1200 человек. Среди них — участники лагерных волнений, **стычек** с уголовниками, побегов. После подавления в карагандинских лагерях волнений заключенных в 1952 году арестованные и отправленные "для умирения" в Заполярье, они считали своей задачей «нести дальше факел свободы», как написал один из них—Евгений Степанович Грицяк¹⁶.

Карагандинский этап приплыл по Енисею в Дудинку 8 сентября 1952 года и в тот же день был перевезен в Норильск: 500 карагандинцев направили на Медвежку в 1-е лаготделение Горлага, 700 — в Горстрой, к старому кирпичному заводу, в 5-е лаготделение. Всем им были даны новые номера, с литерами «У» либо «Ф», чтобы сразу отличить среди прочих заключенных¹⁷.

Они действительно отличались от старожилов норильских лагерей и даже от заключенных Горного лагеря. В этапе было много западных украинцев — участников национальных движений сопротивления оккупантам, жителей Прибалтийских республик, молодых, смелых, непокорных. Если прежде норильские заключенные, надрываясь на тяжелых работах, даже участвовали в трудовом соревновании, им ведомо было чувство гордости за все построенное ими в Норильске, то карагандинцы трудились на объектах без всякого желания, о соревновании и не помышляли, а многие вообще отказывались от работы. Были такие, которые прятались от надзирателей, не ходили на работу, а агитировали заключенных каждой бригады бастовать. Ока рисковали попасть за агитацию и отказ от работы в БУР или ШИЗО, но не боялись этого, сознательно выбирая не покорность, а противодействие. (Типичный пример — судьба литовского музыканта Юозаса Лукшиса: он попал с карагандинским этапом в Норильск, в 1-е лаготделение Горлага, и пробыл в Норильске год, причем за отказ от работы и агитацию за забастовку половину срока провел в БУРе, более 140 суток — в карцере)¹⁸.

Именно карагандинцы стали организаторами борьбы с прислужниками лагерной администрации: смутные слухи, неясные следы указывали на это, но ни разу администрации не удалось найти виновников убийств стукачей, избиений бригадиров. В подготовке и проведении норильского восстания роль карагандинского этапа, безусловно, велика: им удалось изменить сам «климат» Горлага. Естественно, что одни из них (Евгений Грицяк, Тарас Супрунюк, Иван Воробьев и другие) стали членами забастовочных комитетов, другие — авторами лозунгов, обращений, требований, третьи — участниками переговоров с комиссиями МВД. Были и такие, что, не входя формально в комитеты, руководили забастовкой, незаметно подсказывая решения, подталкивая к нужным действиям.

В воспоминаниях Г.Климовича, Ю.Лукшиса, Е.Грицяка и других есть

факты, говорящие о том, что будущие руководители забастовки думали о ее организации, агитаторы будили сознание масс, читая по баракам стихи, рассказывая о концлагерях СССР, устанавливая связи между зонами с помощью записок, ожидая такого момента, случая, который всколыхнет массу заключенных.

«Работали» лучше всякой пропаганды и агитации рассказы прибывших в том же самом 1952 году заключенных Ухтижмлага — «организаторов и подстрекателей там массовой голодовки, в которую было вовлечено свыше 1000 человек»¹⁹, активных участников групповых беспорядков на строительстве железной дороги Салехард — Игарка, тоже переведенных в Норильск в 1952 году, и заключенных из Омкстроя, где при нападении на лагерную администрацию были убиты надзиратель и офицер-оперативник. Новичков тоже жадно слушали, и вспыхивала надежда: «Может, и у нас в Норильске?..»

Становится ясно, что занесенный сюда «вирус мятежа» попал в благодатную почву, иначе ничего не сумели бы изменить 1200 узников одного этапа в 30-тысячном лагере даже за год. Норильчане — старожилы Горлага — не были инертны: ежегодно — десятки побегов (правда, в большинстве неудачные), переполненные штрафные изоляторы говорили об этом же. Отказы от работы случались бригадами и колоннами. Рассказывал бывший заключенный Горлага Л.Л.Павлов о конвоирах, которые специально водили колонну заключенных в Горстрой грязной дорогой через тундру, то и дело командуя: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!» Издевательство продолжалось до тех пор, пока колонна не отказалась повиноваться: заключенные лежали на земле и не поднимались, так что конвой был вынужден вызвать начальство для принятия мер и объяснения, почему колонна вовремя не прибыла на объект. В тот раз догадливое начальство сменило конвоиров²⁰...

И все же случаи неповиновения были относительно редки, решались на это, по сравнению с общей массой, единицы. Задача же агитаторов была — пробудить сознание именно массы, чтобы начать общелагерную забастовку: с единичными протестами чекисты расправлялись легко и быстро.

Немалую тяжесть с покорных душ сняла смерть Сталина 5 марта 1953 года. В лагерях с нетерпением ждали ослабления режима, пересмотра дел невинно осужденных. Но амнистию в конце марта дали только уголовникам и заключенным с малыми сроками лишения свободы (а таких в Горлаге было очень мало: 2 — 3 человека в бригаде)²¹.

Ожидания заключенных по статье 58 оказались обманутыми, и это вызвало разочарование обиду, гнев, резко ускорило начало восстания.

Предгрозовую атмосферу в лагере ощущали все, в том числе оперативно-чекистские отделы каждой зоны. Из Москвы в Норильск докатывались отголоски борьбы Берия за власть в новом правительстве. Начатая в марте же 1953 года реорганизация с объединением МГБ и МВД в одно министерство грозила отменой некоторых льгот (в частности, двойных окладов), сокращением штатов. «Ведомству страха» следовало срочно доказать новому правительству свою незаменимость, по отработанным схемам раскрыв «заговоры» с пугающе серьезными контрреволюционными целями или подавив «антисоветские восстания». При отсутствии таковых и «заговоры», и «восстания» умели организовать, а там, где были для них предпосылки и ощущалось неопределенное брожение, — ускорить события, чтобы дальше, опять по отработанной схеме, изъять и примерно наказать зачинщиков, а остальных заставить еще ниже склонить головы

и согнуть спины. Какие конкретные действия были предприняты оперчекотделами и лагадминистрацией Горлага в Норильске? Вот отрывок из жалобы И.С.Касилова, заключенного 1-го лаготделения Горлага, о подготовке провокационного мятежа и о товарище, Ставре Георгиевиче Вольяно, случайно раскрывшем план провокации: «...примерно 9 мая 1953 года з/к Вольяно был посажен в ШИЗО. Находясь в изоляторе, Вольяно каким-то образом узнал о том, что в этом изоляторе находится группа заключенных, завербованных работниками оперативного отдела для производства так называемой «волынки». Эта группа получила инструктаж от работников оперативного отдела и администрации лагеря, как и когда начинать так называемые «массовые беспорядки». 22 мая з/к Вольяно был выпущен из ШИЗО, отсидев срок. Надо заметить, что в это время, т.е. между 20 и 25 мая, из всех штрафных изоляторов и БУРов Горного лагеря были выпущены ранее содержащиеся в них, чтобы эта озлобленная и завербованная масса смогла начать беспорядки. Так как с Вольяно я был очень хорошо знаком по двухгодичному пребыванию в одной бригаде, то при встрече на руднике "Медвежий ручей" Вольяно сказал мне: «Иван, готовится ужасное дело. Люди, которым все верят (кому это все верят и кто такие, которые верят, я не знал), завербованы оперотделом, чтобы подвести массу заключенных под расстрел». Я был чрезвычайно поражен этим, т.к. до этого не подозревал, что в лагере что-то готовится. Услышав об этом, я посоветовал Вольяно, чтобы он оповестил заключенных... Вольяно страшно перепугался и начал упрашивать меня, чтобы я никому ничего не говорил об услышанном, т.к. в противном случае нас немедля убьют... Уже 26 — 27 мая в жилую зону 1-го лаготделения были занесены 200 ломов и топоров, чтобы устроить страшную резню. Но благодаря тому, что некоторые лагерники поняли провокацию, резни не произошло. Причем весьма интересно отметить, что вокруг зоны срочно была выставлена дополнительная охрана (солдаты стояли на расстоянии 10 метров друг от друга), чтобы во время резни заключенные не могли выскочить за зону. 1 июня в производственной зоне рудника «Медвежий ручей» группой в шесть человек, одетых в бушлаты с номерами, была предпринята попытка взорвать главный трансформатор на ГПП, питающей электроэнергией рудник «Медвежий ручей» и рудник 3/6. Когда же заключенные, заметившие диверсантов, хотели поймать их, тогда эта группа пустилась наутек и была пропущена сквозь колочую проволоку. Часовой, стоявший на вышке, огня не открыл...»²²

Ясно, что участие в провокации принимала и лагерная администрация. Практически во всех лаготделениях управленцы покинули свои рабочие места без каких-либо угроз или принуждений со стороны заключенных, скорее даже — демонстративно и организованно, собрав папки с бумагами и уничтожив те, что следовало уничтожить, прихватив с собой счета из бухгалтерии, мундштуки от оркестровых инструментов в КВЧ, ключи от шкафов с лекарствами, сейфов и кладовых...

Можно было бы проигнорировать подозрения Ивана Касилова и Ставра Вольяно, если бы не развитие цепи провокаций в 1-м лаготделении, не дальнейшая судьба этих заключенных. Вот что пишет дальше И.С.Касилов: «Четвертого июня для того, чтобы возбудить спокойно сидящих заключенных, а также для того, чтобы под этой маркой ввести в зону пожарные машины для создания дебоша, по заданию оперотдела Горлага был подожжен стационар (больница) с больными. В этот же день у одного из заключенных жилой зоны я увидел самодельный пистолет (двухстволь-

ный под патрон от обыкновенной винтовки) и гранату. В этот же день по лагерю стали ходить усиленные разговоры о том, что «теперь и через проволоку лезть можно, и то ничего не будет...». В этот же день я понял, что услышанное мной 22 мая от з/к Вольяно является страшной правдой...»²³

Помогло ему правильно разобраться в сути происходящего известие о расстреле заключенных в этот же самый день, 4 июня, в 3-м лаготделении Горлага возле штрафного изолятора. О событиях там подробно рассказал в своих письмах в «Мемориал» Б.А.Шамаев, что дало возможность сравнить происходящее в разных лаготделениях УГЛ. Сразу бросаются в глаза похожие черты, «сходство почерка» в работе лагадминистрации, оперативников, охраны. Перескажем только факты.

В конце мая 1953 года в штрафной изолятор 3-го лаготделения переведены 24 бандита с большими сроками — Мамаев, Себесяк, Вепштак и другие. В камере № 3 ими организована «молотилка». 2 или 3 июня оперуполномоченный зоны Калашников лично передал в эту камеру завернутые в полотенце ножи (об этом сообщил в своем заявлении правительственной комиссии дневальный оперчасти Бузинский). В этот день каторжан в неурочное время сняли с объектов и возвратили в лагерь. К возвращению заключенных в жилую зону охрана усилена, установлены пулеметы. 3 июня каторжан на работу не выводили. На собрании заключенных, отвечая на их вопросы, начальник лаготделения капитан Тархов заявил, что «ничего не произошло», «всем дан на время производственный отдых», а усиленная охрана — «это вас не касается». 4 июня надзиратели ШИЗО попытались втолкнуть в камеру № 3 к «молотобойцам» заключенных Милова и И. Смирнова. Те подняли отчаянный крик, увидев в руках бандитов ножи: «Помогите, убивают!» Их товарищам по заключению в изоляторе, во главе с Иваном Воробьевым, удалось выбить дверь камеры и вырваться в коридор, а затем вместе с Миловым и И.Смирновым во дворик ШИЗО. Бандиты через заранее прорезанную ножами в потолке дыру бежали из ШИЗО в дивизион охраны и были пропущены сквозь проволоку. Солдаты с палками в руках бросились избивать выбежавших во двор, тяжело ранили в голову И.Воробьева. Все это происходило на глазах у каторжан, стоявших у проволочного ограждения ШИЗО. В конце концов Милов, И.Смирнов и другие, вырвавшись из рук солдат, бежали в зону и спрятались в бараках. Когда все чуть успокоилось и начали расходиться, командир дивизиона майор Полстяной приказал открыть огонь по заключенным зоны. Результат: 4 убитых, 17 раненых, из которых 2 вскоре умерли от ран. Администрация тут же покинула зону, отключив при этом электроэнергию (что серьезно затруднило работу больницы и кухни)²⁴.

Те же известные методы: березовые палки для избияния, ножи, камера-«молотилка», бандиты в роли провокаторов, спасающая их охрана и спасающаяся лагадминистрация. Изощенный опыт провокаций, накопленный лагерной системой СССР за десятилетия, как видим, широко применялся в Горлаге и давал обычно именно те результаты, на которые и рассчитывали чекисты. Но в мае-июне 1953 года события вырвались из-под их контроля.

Провокации в июне в 1-м и 3-м лаготделениях — это как бы вторая волна событий, первая же прокатилась в мае, и тогда главными действующими лицами были солдаты конвойных войск, почти одновременно стрелявшие по заключенным в разных зонах.

23 мая 1953 года при погрузке в машину заключенных для отправки

этапа из 1-го лаготделения старший лейтенант Ширяев застрелил одного и тяжело ранил другого (двое верующих не хотели разлучаться и просили позволить им либо вместе уехать, либо вместе остаться. Дату и подробности происшествия дает П. Венгров²⁵, находившийся в том самом 2-м лагпункте 1-го лаготделения, где все это случилось. Есть упоминания об этом и в материалах Е.Грицьяка, И.Касилова, воспоминаниях Б.Златкуса и других.

25 мая 1953 года конвой должен был доставить из штрафного изолятора 4-го лаготделения в 5-е лаготделение колонну заключенных из 16 человек. Конфликт начался уже при посадке в машину: вместо того чтобы разрешить заключенным сесть на свои вещи, конвой приказал сложить вещи подле машины (в весеннюю грязь), а потом кинуть в кузов. Как только первый мешок бросили в машину, его сразу же заключенные выбросили обратно. Тогда помощник командира взвода Цыганков приказал вещи отправить машиной, заключенных — пешком. Многие из них были обуты в тряпичные «бурки» (их шили из рваных рукавов списанных телогреек), а один даже в тапочках. Но Цыганков не обратил внимания на то, как были обуты заключенные, как и на то, что вести их через тундру грязной весенней дорогой в такой обуви нельзя. Отойдя метров 60 — 70 от 'вахты, заключенные остановились перед лужей (потом старший оперуполномоченный 4-го лаготделения Цуркан на схеме покажет ее размеры: 8x12 метров) и отказались продолжать путь, прося вызвать старшего офицера. Конвой посадил их на снег. Увидевший это с вахты Цыганков (его смена уже закончилась) отправился к месту происшествия, решив принять командование на себя. Разбираться в конфликте он не стал, спросил только: «Кто зачинщик?» Конвойные указали на среднего в первой пятерке заключенного с номером «Ф-630». «Первая пятерка, встать!» — приказал Цыганков. Заключенные не двигались. Не встал и узник номер Ф-630, когда Цыганков повторил ему свое приказание. Сержант выстрелил в голову этого заключенного почти в упор. Это был Эмиль Петрович Софроник, немец, 25 лет, осужденный к 10 годам лишения свободы по ст. 58-2, в Норильск он прибыл с карагандинским этапом. Остальные заключенные после убийства Софроника по команде конвоя пошли через лужу...²⁶

Даже полтора года спустя сержант В.И.Цыганков, русский, 25 лет (ровесник Софроника), образование 6 классов, из крестьян, был убежден в том, что «применил оружие правильно». Сохранилось его письмо от 2 сентября 1954 года, отражающее типичное настроение рядового состава воинской части 7580, литеры «И» (командир А.Чижевский) в Норильске: «Нас информировали, что заключенные 4-го лаготделения готовят план разоружения нашего батальона. По ихнему плану намечалось: вечером в период, когда одна часть батальона находилась на службе, вторая — выйдет на смену первой, третья — будет конвоировать заключенных к месту работы и обратно, сделать «рывок» при выводе на работу вечерней смены и, ворвавшись в воинскую часть, завладеть оставшимся оружием и боеприпасами... развивать свои действия до захвата Норильска и Дудинки в свои руки, после чего связаться по радио с США... Нас беспрерывно предупреждали, что готовится к групповому побегу большая группа заключенных. Когда и где будет побег, сообщить нам не могли. Но информировали, что уже все готово к побегу и ждут только удобного момента. Удобнее момента, как 25 мая 1953 года, им и не нужно было, потому что у нас был банно-хозяйственный день и в подразделениях никого не было, все были в бане. Офицерский состав уехал на машинах

на обед, и если бы заключенные 70-го квартала, сделали рывок на соединение с заключенными, которые были за зоной (16 человек), то их никто бы не остановил, потому что конвой оружие применять не мог, а на помощь прийти некому было. Неужели я обязан был ждать этого момента? Хотя бы даже не было заключенных в 70-м квартале, неужели я должен ждать, когда заключенные бросятся на конвой?»²⁷

Ущербность рассуждений запуганного пропагандой сержанта особенно очевидна в сравнении с сохранившимися в архивах документами о норильском восстании. Они убедительно доказывают, что узники Горлага и не помышляли ни о каком «рывке» и разоружении дивизиона охраны, а страхи насчет связи по радио с Америкой просто смешны...*

О том, что послужило причиной забастовки в 5-м лаготделении Горлага, расскажем словами заместителя прокурора Норильлага тех лет Е.В.Павловского²⁸ и бывшего заключенного этого лаготделения В.Н.Третьякова²⁹. Версия первого официальна, это взгляд на события извне, у второго — изнутри, из зоны. Из письма Е.В.Павловского известно, что «...в конце мая 1953 года начальник караула сержант Дьяков днем шел проверять посты-вышки вокруг 5-го лаготделения. На крыльце барака в зоне заключенные стали смеяться над ним, выкрикивать «ты сталинский ублюдок», оскорблять, ругать его. Тут Дьяков психанул, дал очередь из автомата по заключенным. Было убито 3 и ранено 7. Этот случай послужил сигналом к восстанию всех заключенных 5-го лаготделения, в котором содержалось 5 тысяч человек»³⁰.

В книге Е.Грицка, на с. 112, о том же событии рассказано так: «25 мая 1953 года в 5-м лаготделении был открыт огонь из автомата по группе заключенных, которые находились у жилого барака. Из них 6 человек были ранены и один убит...»³¹

В воспоминаниях Г.Климовича о том же: «На завалинке барака сидели лагерники, провожая взглядами колонну женщин, шедшую с работы, пели под аккордеон народную украинскую песню «Як на горі тай женці жнуть». Начальнику конвоя поведение этих лагерников показалось вызывающим, и он дал по ним прицельную автоматную очередь. Четыре человека были убиты наповал...»³²

Разночтения вызваны, очевидно, тем, что в мае 1953 года и Е.Грицка, и Г.Климович были заключенными 4-го лаготделения (в нескольких километрах от 5-го лаготделения) и непосредственными очевидцами событий быть не могли, как, скажем, В.Н.Третьяков, на глазах которого это произошло. Вот его воспоминания: «С десятого марта 1953 года меня отправили в 5-ю зону Горного лагеря, до этого полгода сидел в изоляторе за отказ от общих работ. В 5-м лаготделении я работал поваром. Пятая зона — бараков 40, с одной улицей, располагалась между кирпичным заводом и оцеплением Горстроя, на западной окраине города, впоследствии там была железнодорожная станция на Талнах. Я опишу день 26 мая 1953 года. Весна была ранняя, уже ходили в легком одеянии. Вечером я получил продукты со склада и пригнал лошадку с телегой к конюшне. Было часов 7 вечера. Недалеко стоял барак крайний — его специально отвели для освобождающихся: недели за две до освобождения людей переводили сюда из 1-й, 2-й и 4-й зон. Я пошел навестить знакомого по Медвежке Ивана Мосина, который на днях освобождался, и заодно поглазеть на женщин: их привели, человек 300, в ночную смену на КиБЗ³³, и они стояли у вахты, от барака метрах в 20 — 25. На крыльце барака и возле собралось сотни четыре мужчин, кажется, звучала гармонь. У некоторых среди женщин были знакомые, родственницы или односельчанки, они перего-

варивались. Мы с Иваном сидели в бараке у окна друг против друга; рядом с ним, ближе к окошку, парень ел овсяную кашу из котелка. Был он без рубахи, я еще похвалил его спортивное телосложение. Вдруг прозвучала автоматная очередь, длинная, я успел услышать хлопки по окну и заметить три или четыре пулевых отверстия, с лучами, побжевавшими по стеклу. Парень, евший кашу, вскрикнул, схватившись за раненую руку, помню — левую. Опротью я выскочил на крыльцо, перепрыгнув двух-трех лежавших и услышав несколько кричавших раненых. Я побежал вслед за толпой к своей кухне... Да и на кухне было страшно: три пули влетели в окно с вышки и ударились в обмуровку котла, близко одна от другой. Некуда деться было и на кухне: стены-то дощатые, засыпаны опилками, а убойную силу ружейной пули здесь, конечно, все знали.

Из бани вышли шесть офицеров (штабы были вынесены за зону, а при бани оборудовано несколько кабинетов, где они принимали эзков). Их начала было разъяренная толпа толкать. Положение спас тот самый парень с раненой рукой, о котором я рассказывал выше. Мимо как раз несли к санчасти раненых и убитых. И до сих пор я помню его властные слова: «Не троньте эту свору во имя наших несчастных товарищей», — он указал на проносимые мимо жертвы.

Начальство бегом бросилось на вахту. На забор изолятора под свист и улюлюканье карабкался надзиратель Мартынов по кличке «Змей Горыныч» (все знали, что он и на собственную жену писал заявление, дескать, «ведет антисоветские разговоры»).

Через полчаса компрессорная Горстроя стала давать длинные гудки. Над двухэтажным баракком появился большой черный флаг, были флаги и на башенных кранах. По запретке — коридору между зоной и оцеплением Горстроя — стояли кучки солдат, появились и «синепогонники» — охрана лагеря ИТЛ (нас охраняли «красные»). На крыше штаба и на вышках устанавливали «максимы». Солнце уже не садилось, было жутко, тревожно. На кухне мы все делали молча, автоматически. На другой день с утра по радио зазвучали призывы выходить на работу, а потом — за зону. Целый день во дворе штаба жгли бумаги...³⁴ (Кстати, почти дословно вторит ему Б.А.Шамеев из 3-го лаготделения: «В течение 1, 2 и 3 июня оперработники Воронцов и Калашников, как указывалось в заявлениях дневальных опергруппы заключенных Бузинского и Айвозьяна, "выносили из жилой зоны и даже сжигали в бараке № 28 множество каких-то документов"³⁵. Готовились к тому, что на время покинут зону?)

Расстрелу 26 мая в 5-м лаготделении уделено больше внимания, потому что именно он стал поводом для начала забастовки. Ни ночная, ни утренняя смена заключенных на работу не вышли. Практически сразу поддержали мужчин женщины из 6-го лаготделения. Ночная смена 26 мая возвратилась в лаготделение и закрыла ворота, не выпустила утреннюю смену из зоны. А узнав о том, что бастующим вдвое уменьшается норма питания, женщины решили объявить общему голодовку: баланду вылили на землю, двери кухни забили досками крест-накрест. Вероятно, решение это было принято опростметчиво: ослабевшие от голода женщины — паек и без того был совсем невелик — во время забастовки лежали на нарах в своих бараках. Выдержать испытание оказалось очень трудно. Голодали женщины 7 дней³⁶, по другим воспоминаниям — даже 10 дней³⁷.

Первые выводы, которые можно сделать, сопоставив даты и факты: норильское восстание началось стихийно и не одновременно. 4-е лаготделение (3,5 тысячи человек) и оставшиеся в оцеплении Горстроя 1,5

тысячи заключенных отказались от работы 25 мая, после убийства Эмиля Софроники. 5-я и 6-я зоны забастовали в ночь с 26 на 27 мая — после расстрела Дьяковым заключенных в жилой зоне 5-го лаготделения (есть также сведения об убийстве женщины — заключенной 6-го лаготделения Горлага — «при попытке побега»: она подошла к запретке высыпать из ведра золу³⁸). Что касается 1-го лаготделения, то оно включилось в забастовку лишь во второй половине дня 1 июня, а каторжане (3-е лаготделение Горлага) — 4 июня, после инцидента у штрафного изолятора и расстрела заключенных в жилой зоне. Легенда об одновременном начале забастовки, якобы с разницей в несколько часов, не подтверждается, она была выгодна, скорее всего, «усмирителям» для доказательства умысла, заранее спланированного «антисоветского мятежа».

Поводом послужили убийства лагерников солдатами охраны, стрельба по жилым зонам лагерей, провокации оперативно-чекистских отделов, решивших «организовать» восстание с целью выявления и изоляции активных лагерников. Тогда, в 1953 году, лучше многих других понял это заключенный 1-го лаготделения Иван Стефанович Касилов и сделал вывод: «Ни в одном из лаготделений Горлага заключенные не бастовали по собственной инициативе, а были втянуты в «вольнку» при помощи мерзких провокаций и неприкрыто оголтелых террористических актов со стороны работников МВД»³⁹.

Глубинные же причины норильского восстания — в бесчеловечном режиме особорежимного лагеря, вызвавшем массовый протест заключенных.

Требования заключенных. Комитеты

По-разному начавшись во всех лаготделениях Горлага, норильское восстание и продолжалось везде неодинаково. В два этапа протекало оно в 4-м, 5-м и 6-м лаготделениях, начавшись в конце мая и, как свидетельствуют воспоминания и публикации, вновь возобновившись после двухнедельного перерыва с 22 — 24 июня⁴⁰. А в каторжанском 3-м лаготделении забастовка, не прекращаясь ни на один день, длилась ровно два месяца — с 4 июня по 4 августа. Не было второго этапа забастовки в 1-м лаготделении на Медвежке — она длилась с 1 по 13 июня и не возобновлялась. Менее недели продолжалась забастовка во 2-м лаготделении Горлага — на Кайеркане. По воспоминаниям Б.С.Костинского⁴¹, здесь «...узнали от вольнонаемных из поселка о забастовке на Медвежке. Дней через 5 — 6 и мы не вышли на работу. Был избран комитет, но почему-то не додумались до создания самоохраны. Просто не выходили на работу (нашими обычными объектами были шахта № 18, котлованы Кайерканстроя, погрузочно-разгрузочные работы на узкоколейке). Когда солдаты с двух сторон разрезали проволоку и вошли в лагерь, мы даже не успели толком понять, что произошло. Случилось это примерно на пятый день забастовки. Я стоял на крыльце бани с Г.А.Чудновским, старым лагерником, и видел, как буквально за два часа собрали наших активистов (в их числе был мой товарищ по этапу Михаил Хаяутин, который до ареста работал в Политуправлении морского флота) и человек 50 с вещами куда-то увезли. Потом оказалось, что их отправили на Колыму, оттуда они писали в лагерь»⁴².

В остальных пяти лаготделениях Горлага логика развития событий тоже подсказала в самом начале событий решение — создать руководящие центры забастовки. Чаще всего они назывались комитетами, а на Медвежке — представительством⁴³, поскольку в него входили представи-

тели от барачков, бригад, национальных групп. Первые комитеты были созданы уже в ночь с 25 на 26 мая — в оцеплении Горстроя, где осталась на объекте часть лагерников, и в 4-м лаготделении. До конца мая определились руководители комитетов и их состав в 5-м мужском и 6-м женском лаготделениях. На третий-четвертый день забастовки появились комитеты в 1-м и 3-м лаготделениях, т.е. 4 и 8 июня.

Одинаковая черта всех избранных комитетов — их многонациональность. Например, в 4-м лаготделении в комитет входили украинцы Гриценок, Клятченко, Степанюк, Шур, Николишин, Лубинец, русские Недоростков, Трофимов, Стригин, белорусы Климович и Ермолович, чеченец Гуков, армянин Елоян, серб Джурович, поляк Квальян, еврей Сальников, литовец Петрушайтис⁴⁴. В женском 6-м лаготделении — литовка Мартинкуте, латышка Дауге, эстонка Тоффри, украинки Зелинская, Нич, Мазепа, Павлюк, Вовк, белоруска Софронович и т.д. Делалось так затем, чтобы как можно полнее учесть интересы всех национальных групп и землячеств при выработке требований заключенных. Это стало первой задачей комитета.

Поскольку местное начальство к этому времени полностью скомпрометировало себя в глазах заключенных, лагерники требовали приезда московской правительственной комиссии. В том, что комиссия из Москвы прилетит, сомнений не было, общей была решимость на работу не выходить до приезда комиссии.

Ко времени ее прибытия нужно было выработать и четко сформулировать свои требования, чтобы сразу дать ответ комиссии на вопрос: «Чего хотят заключенные?» Но уже на первом этапе возникли разногласия: имеют ли право заключенные требовать или только просить? Воспитанные системой многолетнего террора, привыкшие к полному бесправию, старые лагерники осторожно советовали просить. Но задор первых дней забастовки одерживал верх, главенствующим поначалу было настроение «западников» — жителей Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии, не знавших Советской власти с 1917 года и потому морально и физически не сломленных, несущих в себе и чувство человеческого достоинства, и христианскую веру, и демократическую убежденность: требовать имеет право любой человек. Потому первые лозунги, плакаты, обращения к властям имели именно форму требований, они жестче, непримиримее, чем последующие, когда верх возьмут осторожность и стремление действовать исключительно в рамках советской законности.

В женском 6-м лаготделении Горлага забастовка началась под лозунгом: «Свободу — народам и Человеку!»

В 3-м лаготделении Горлага после расстрела 4 июня (он произошел в 18 часов 45 минут) уже к 20 часам у клуба был прибит большой щит, на котором написано: «Москва, правительству. 1) Требуем правительственную комиссию. 2) Требуем сурового наказания виновников расстрела заключенных. 3) Требуем уважения прав человека!»⁴⁵

Но вскоре от первых лозунгов и плакатов, которые чекистами могли быть названы антисоветскими (например, «Долой тюрьмы и лагеря!», «Требуем возвратить нас к нашим семьям!» в 3-м лаготделении Горлага), от черных флагов, вывешенных в знак траура по погибшим товарищам и ставших символом отказа подчиняться местной власти, лагерники перешли к лозунгам и плакатам только советского содержания (например, «Слава Коммунистической партии!», «Да здравствуют мир и дружба всех народов!» и т.д. в 1-м лаготделении).

Черные флаги заменены красными с черным крепом (например, в 3-м лаготделении, как сообщил Бенюс Балайка: «Флаг был шит из шести простыней — четырех красных и двух черных. Поднятый над двухэтажным баракom на девятиметровую высоту, флаг был виден всему Норильску. Флаг этот я сам поднимал»⁴⁶). Чтобы дискредитировать забастовку заключенных в глазах вольнонаемного населения Норильска и солдат МВД, чекистами был пущен слух, что черно-красные флаги являются якобы опознавательными знаками для иностранных самолетов, прилета которых будто бы ожидают заключенные в зонах...

Решение о замене лозунгов и флагов принималось комитетами, ими же вырабатывались требования лагерников. Несмотря на споры (просить или требовать), смену заголовков и частичное редактирование первоначальных текстов требований («Почему мы бастуем» в 1-м лаготделении, «Жалоба Советскому правительству» в 3-м лаготделении), они остались в памяти участников норильского восстания и в истории его именно как требования. В каждом лаготделении они состояли из 12 — 18 пунктов.

До сих пор некоторые считают, что требования заключенных носили, в основном, экономический характер (Л.Трус. «Лагерная экономика»⁴⁷), поскольку включали такие пункты, как уменьшение длительности рабочего дня (вместо 10 — 12-часового лагерники требовали 7 — 8-часового рабочего дня), выплата заработанных денег (половину на лицевой счет, половину на руки), применение зачетов, улучшение бытовых условий, медицинского обслуживания и культурно-воспитательной работы. Да, такие пункты включались в общий перечень требований, но главной роли не играли ни по количеству, ни по своему значению, и можно говорить об ошибочности авторского вывода. Главные требования заключенных были не экономическими, а политическими. Общими для всех лаготделений стали такие пункты: пересмотреть дела политзаключенных, наказать виновников произвола — работников МВД-МГБ, отменить ношение номеров на одежде, снять с окон баракoв решетки и с дверей замки, превращающие жилье в тюремную камеру, не ограничивать переписку с родными двумя письмами в год, а разрешить писать по желанию — кто сколько хочет, отправить на «материк» инвалидов, больных, женщин и стариков, вывезти на родину иностранцев, отменить бесчеловечные наказания (кандалы, «ледяной карцер») и «собачье вожделение», гарантировать безопасность делегатам лагерников, ведущим переговоры с комиссиями МВД.

Кроме того, в 4-м лаготделении прозвучали требования сменить руководство Горлага, прекратить расстрелы и прочий произвол в лагерях и тюрьмах, отменить решения ОСО как неконституционного органа, прекратить избиения и пытки на следствии и практику закрытых судебных процессов, организовать пересмотр особых дел всех политзаключенных. В оцеплении Горстроя, где оставалась часть лагерников того же 4-го лаготделения, требовали освободить из лагерей и реабилитировать заключенных, являвшихся участниками или жертвами Великой Отечественной войны, отменить 25-летние сроки заключения, освободить осужденных за происхождение (дворян, детей кулаков и т.п.), а также всех тех, кто до 1939 года не имел советского подданства, осужденных за намерения, а не действия, по подозрению и т.п. В 5-м лаготделении предлагали разрешить лагерникам свободный доступ к женщинам соседней зоны, право пользоваться книгами из городской библиотеки. В 1-м лаготделении добивались «ликвидации Особого Совещания как вопиющего беззакония»⁴⁸ заключенные, оставшиеся в производственной зоне

рудника «Медвежий ручей», а председатель комитета (представительства) заключенных в жилой зоне П.А. Френкель настаивал на том, чтобы превратить Норильск в поселение колониального типа, отодвинув километров на 20 вышки, убрав проволоку и освободив заключенных для проживания в пределах Норильска.

Совершенно очевидно, что перед нами требования изменить не экономику, а политику — бесчеловечную политику репрессий в СССР. Очевидно также, что заключенные требовали для себя не просто элементарных человеческих прав, а полного изменения двуличной и предельно жестокой лагерной системы подавления личности, подавления свободы. «Долой кааторгу! Долой концлагеря, культурно называемые Горлагом!» — недаром этими словами заканчивался текст требований 1-го лаготделения.

Как видим, единых требований в Горном лагере, общих для всех заключенных, не было, т.к. не существовало предварительной договоренности между зонами, и это — еще одно доказательство стихийного начала (забастовки). А сходство требований в большинстве зон объясняется одинаково непереносимыми условиями существования в них заключенных и желанием изменить этот режим.

В окончательной редакции, после обсуждения на общих собраниях, сбора подписей лагерников по баракам и бригадам (правда, так делали не во всех лаготделениях, например, в 1-й зоне решили подписей не ставить вообще), после многократного переписывания в комитетах часть политических требований была снята или заменена более умеренными (например, в 1-м лаготделении требование ликвидировать Особое Соещание как вопиющее беззаконие заменено предложением превратить Норильск в колониальное поселение и т.п.). Как это ни парадоксально, комитеты сыграли не революционизирующую роль в выдвижении требований и претензий заключенных, а скорее наоборот — сдерживающую. Они стремились найти «золотую середину» между настроениями экстремистов, готовых к прорыву зоны чуть ли не голыми руками, и умеренной осторожностью едва пробудившейся от «спячки» общей массы. Очевидно, комитетам уловить этот настрой удалось — с помощью смены лозунгов, флагов, требований. Доказательство: основная масса лагерников не вышла из зон, когда каждому было предоставлено право самостоятельно обдумать происходящее и сделать выбор — уйти или остаться; во всех лаготделениях отказались от участия в забастовке, по разным оценкам, от 1 до 20 процентов заключенных, подавляющее же большинство осталось с комитетами в бастующих зонах.

Конечно, нелегко было на это решиться. Тем более что у части заключенных, арестованных в 1943—1945 гг., уже подходили к концу восьми- и десятилетние сроки заключения; и осужденные позже, в 1946—1948 гг., также успели отбыть большую часть наказания. Поэтому на многократные призывы лагадминистрации, обращенные к лагерникам по радио (говорят, что громкоговорители не выключались даже ночью), часть из них сразу откликнулась. Вышли и те, кто просто испытывал страх, кто не верил в действенность такого средства, как забастовка, и предвидел жестокую расправу. В большинстве лаготделений «малосрочникам» не препятствовал никто — они имели право выйти из лагеря (кроме 1-го лаготделения), остальных же комитетчики активно агитировали остаться в зоне.

Когда во всех зонах лагадминистрация и надзорсостав вышли за вахту, оставив лаготделения, как говорится, на произвол судьбы, уверенные в том, что заключенные попадут без них во власть анархии, что начнутся грабежи, террор, поджоги и прочие нарушения порядка, можно

себе представить, сколько проблем обрушилось на комитеты — хозяйственных, национальных, социальных. Комитеты стали органами законодательными и исполнительными, охраняющими и карательными. Наличие этих проблем определило структуру комитетов. Как правило, во всех лаготделениях члены комитета делили обязанности так: были избраны ответственные за информацию, агитацию и пропаганду, ответственные за работу кухни, бани, прачечной, ремонт барачков, уборку территории и прочие хозяйственные дела, ответственные за работу медчасти, ответственные за культурно-воспитательную работу (чаще всего ее продолжали вести ранее назначенные культурными заключенными, например, в 1-м лаготделении Б.А.Евдокимов, в 4-м лаготделении — Г.С.Климович, Е.С.Грицк и другие; в дни забастовки в лагерных клубах шли репетиции кружков, спевки хора, работали библиотеки, ставились концерты, организовывались спортивные соревнования; были даже спектакли, например, с большим успехом шесть раз подряд прошел «Назар Стодоля» Тараса Шевченко в 4-м лаготделении⁴⁹):

В 1-м, 3-м, 4-м, 5-м и 6-м лаготделениях были также созданы отделы самообороны лагеря — охраны из заключенных, посменно несущих караульную службу для предотвращения пожаров и прочих бедствий, а также для предупреждения провокаций со стороны лагадминистрации и оперативно-чеккистских отделов (например, в 1-м лаготделении был предотвращен пожар больницы, взрыв трансформатора и рельсов железной дороги; там же в туманную ночь 6 июня была прорезана проволока и один из офицеров пытался зайти в зону необычным образом — задом наперед, оставляя следы на свежеснеженном снегу таким образом, чтобы создать видимость чьего-либо побега из зоны⁵⁰. Эти провокации и многие другие предотвращены добровольной охраной лагеря).

Можно говорить о таком парадоксальном явлении, необходимом в тех условиях, как охрана заключенными начальников лаготделения и прочих представителей лагадминистрации: при обходе зоны любые лица из ведомства МВД обязательно сопровождались караулом из заключенных. Интересно, что даже лозунг соответствующего содержания появлялся, скажем, в 3-м лаготделении: «Товарищи! Будьте вежливы в обращении с лагадминистрацией и солдатами!»⁵¹

Особенно четко была поставлена охрана порядка в 1-м лаготделении и каторжанском 3-м лаготделении: лагерь разбит на четыре участка, назначены (более 80 человек) старшие секций, барачков, участков, указаны места круглосуточных постов и патрулей. Замечательной дисциплине в этих добровольных формированиях, организованных по типу воинских батальонов и рот, позавидовала даже комиссия МВД, прибывшая в лагерь.

Патрули и наблюдатели ничем не вооружались. Правда, в зонах всегда под рукой были кирпичи, ими обкладывались края дорожек. Лагерники опасались, и не без основания, что забастовка может быть подавлена с помощью переброски в зону колонны уголовников, вооруженных ножами и палками. На этот случай кирпичи стоило иметь под рукой, их разрешил даже комитет 3-го лаготделения, особенно заботившийся о том, чтобы избежать любых конфликтов, провокаций, беспорядков, чтобы не дать возможности лагадминистрации тут же ввести в зону войска. Но кирпич, заготовленный против ввода бандитов, в 3-м лаготделении не понадобился вообще. Функции патрулей (в 3-м лаготделении их называли самоохраной, в 1-м лаготделении отрядами самообороны и т.д.) сводились к круглосуточному наблюдению за подступами к лагерю, что-

бы в случае опасности поднять тревогу, и ночному патрулированию внутри зоны. Они заботились о поддержании порядка, не давали распоясаться ворами и бандитам, оставшимся в зонах, выпущенным из изоляторов (некоторых в 3-м лаготделении даже запирали и охраняли от возможной мести лагерников, у которых раньше ворье отбирало или крало вещи и продукты, по сообщению С.Г.Головки).

Спустя год, в июне 1954 года, в зале, где постоянная сессия Красноярского краевого суда в Норильске собралась для вынесения приговора четырем руководителям забастовки на Медвежке, один из подсудимых, И.С.Касилов, попросил свидетелей, тоже заключенных, ответить на такие вопросы: «Видел ли ты какие-либо беспорядки в нашем лагере в период так называемой «волынки»?.. Когда, по твоему мнению, в нашем лагере было больше порядка и заключенные чувствовали себя более безопасно — в предшествующий «волынке» период, когда управляла администрация, или в период «волынки»?» На первый вопрос от каждого свидетеля последовал ответ: «Нет». На последний вопрос каждый из свидетелей ответил, что «в период так называемой «волынки» в нашем лагере порядка было больше и заключенные себя чувствовали более безопасно...»⁵².

То же самое могли бы сказать лагерники и в других зонах — во время ожидания московской комиссии не было в лагерях ни террора уголовников, ни дебошей, ни поножовщины, ни даже единой драки.

Вспоминает Б.А.Шамаев: «Заключенные (3-го лаготделения Горлага) занимались ремонтом бараков, уборкой территории, ежедневно передавали справки, сводки для лагадминистрация непрерывно работали сапожная и ремонтно-пошивочная мастерская, баня, проводилась плановая санобработка бараков, других строений и помещений, функционировали амбулатория, больница, обслуживались прикованные к постели хронические больные и инвалиды, регулярно работал пищеблок. После истечения 40 дней со дня гибели 7 заключенных (расстрел у ШИЗО 4 июня) в клубе устраивались концерты силами художественной самодеятельности, словом, шла нормальная мирная жизнь»⁵³. (В этом не было бы ничего удивительного, если только не знать, что в зоне с первого дня забастовки была отключена электроэнергия, паек заключенным вдвое сокращен, т.е. люди по сути голодали, а охрана запретила вход в лагерь вольнонаемному медперсоналу.)

Все это дает право говорить о «республике заключенных», как назвал ее один из участников норильского восстания Л.А.Пожарский, бывший заключенный Горлага, из карагандинского этапа, в своих воспоминаниях он также рассказывал о демократическом порядке и сознательной дисциплине во время забастовки⁵⁴.

Создавая отряды самообороны, наводя порядок в зонах, комитеты не могли не предвидеть возможных экстремистских выходов со стороны наиболее непримиримо, чересчур революционно настроенных заключенных. Например, в 4-м лаготделении бывший до ареста офицером Иван Стригин и литовец Витас Петрушайтис агитировали за прорыв зоны бульдозером⁵⁵. Горячие головы, предлагавшие начать «освобождение всего Норильска» с помощью вооруженного восстания, нашлись и в 1-м лаготделении⁵⁶. А в 3-м лаготделении сложилась непростая ситуация внутри комитета: председатель Борис Шамаев всеми средствами вел агитацию за протест в рамках советских законов, за мирное ожидание правительственной комиссии, а его заместитель Иван Воробьев (бывший участник Отечественной войны, танкист, Герой Советского Союза, прибыл в Но-

рильск с карагандинским этапом, во время инцидента в ШИЗО 4 июня ранен в голову, после выхода из больницы вошел в состав комитета) тайком организовал в подвале барака кузницу, где уголовники изготовляли из бывших оконных решеток пики и ножи. Комитет закрыл и опечатал кузницу, но Воробьев с заключенными Игнатьевым, Рудиком, Головкой и другими оборудовал с той же целью подвал в другом бараке. Уже после подавления восстания изготовленные ими две сотни пик и 6 ножей из опечатанной кузницы стали «вещественным доказательством» якобы «упорного двухчасового сопротивления заключенных» автоматчикам. (Впоследствии на суде, разумеется, не было учтено, что И.Е.Воробьева за этот поступок исключили из состава комитета. «Вещественные доказательства» усугубили вину не только Воробьева и Игнатьева, но и остальных членов комитета.)

Всеми силами стремились комитеты к сохранению единства заключенных, поддержанию спокойного настроения, уверенности, оптимизма в массах. Пожалуй, это и было главным — помочь людям преодолеть в душе страх, угнетенность от непривычной свободы в окруженной пулеметами зоне и тревожное ожидание неминуемой расплаты. Очень большую роль в этом сыграли агитационно-пропагандистские отделы. Это они разъясняли по баракам решения комитета и общих собраний, готовили концерты и проводили спортивные соревнования, переписывали требования заключенных, оформляли лагерь лозунгами и плакатами, выпускали листовки (а для этого, например, в 3-м лаготделении потребовалось создание типографии — отливка и гравировка Петром Миколайчуком самодельного шрифта, сбор запасов бумаги, приготвление краски; остроумно решена была проблема распространения листовок — их привязывали плотно скрученным ватным жгутом к бумажному воздушному змею, а поджигала шнур самокрутка с махоркой; когда догоревший шнур развязывался, пачка листовок, уже высоко поднятая змеем над Норильском, разлеталась по ветру)^{57*}. Листовки — обращения к норильчанам, к солдатам войск МВД — выпускались по разным поводам, содержание их было всегда кратким и емким. Например, 27 июня выпущена первая листовка каторжан: «Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить правительству о произволе над заключенными в Норильске. Каторжане Горлага». В обвинительном заключении следователь Ушацкий и затем судья Кокшаров в приговоре Красноярского краевого суда даже сетовали на то, что листовок заключенными было выпущено несколько тысяч, «в результате чего Норильск был наводнен листовками...»⁵⁸.

Иногда листовки выпускались в стихах. Удивительным явлением было творчество в Горлаге во время норильского восстания. На авторов не мог не подействовать общий подъем духа, ощущение ответственности за судьбы не только лагерников Норильска, но еще шире — за всю страну, ее настоящее и будущее. Стихи писались, если можно так сказать, по социальному заказу: поводом были смерть Сталина, арест Берии, события самого норильского восстания. Писались они по горячим следам, непрофессиональными поэтами. Но есть в этих стихах и текстах песен замечательно талантливые, образные строчки, ощущение причастности к небывалому, историческому событию. Таковы стихи Владимира Межевича «Пришел конец вам, бериевская свора...» и «Письмо отцу-коммунисту» Леонарда Доронина (оба из 3-го лаготделения), гимн литовцу — участнику восстания из 1-го лаготделения (на литовском языке, слова ксендза Чесловаса Кавалюскаса: «В небе ветреном Севера Витис воспрянул...»), а также

текст «Гимна норильчан — участников восстания 1953 года», известный всему Горлагу (автор — Григорий Сергеевич Климович из 4-го лаготделения Горлага):

Не страшны нам тиранства большевизма,
Мы знаем горе свыше всяких мер.
Известны нам все ужасы чекизма
И стон людской на землях СССР...

Мы стали рядом, брат около брата,
За право жить без тюрем и цепей.
Напрасно смерть дышала с автоматов
И псы рычали в ярости своей...

В крови зэка омыта наша слава
В режимных зонах Горных лагерей.
Из тьмы встает свободная держава.
Огни Норильска не погаснут в ней...

Дыханье жертв комиссии московской
Мы возродим, напомним о себе.
И черный флаг с кровавою полоской
Осветит путь нам в праведной борьбе!(59)

Были свои поэты и у женщин в 6-м лаготделении, например, у Стефании Коваль поражает сочетание фольклорного песенного мотива с гневной и скорбной публицистикой в стихотворении «Гей на Ивана, гей на Купала...»:

Гей на Ивана, гей на Купала
3 шостой зони вас виганяли,
Кого у тюрми, кого за дроти
На каторжанськи тяжки робота...

Ой ти, Иване, опам'ятайся!
Життям дівочим не розкидайся!
Бо літ дівочих не повернути...
Муки Норильска нам не забути⁶⁰.

Стихи сыграли, конечно, немалую роль в работе комитетов восставших.

Из истории норильского восстания известно, что московская комиссия и управление Горного лагеря от уговоров заключенных довольно быстро перешли к угрозам, рассчитывая запугать узников, заставить их смириться с положением рабов. Участились провокации в зонах, и это говорило о том, что поднимают головы оставшиеся в лаготделениях стукачи и прочие пособники лагадминистрации. Для борьбы с ними комитеты вынуждены были организовать отделы расследований, специальные комиссии, свою контрразведку — по-разному они назывались, но занимались, по сути дела, одним и тем же: поиском провокаторов, расследованием их черной деятельности, списков стукачей. В 1-м лаготделении отдел расследований был создан 4 июня, сразу после поджога стационара с больными, в него вошли Богдан Галема, Ставр Вольяно, Анатолий Быковский. Устав от провокаций стукачей, которые попытались организовать резню между чеченцами и кубанскими казаками, а затем между украинцами и поляками,

в 4-м лаготделении приняли решение создать специальную комиссию и вскрыть сейфы оперативного отдела в поисках списков стукачей. Как сообщает в своих воспоминаниях Г.С.Климович, специальная комиссия была создана 1 июня, она вскрыла сейфы оперотдела и была поражена результатами: в списках оказалось 620 человек — каждый пятый лагерник был завербован. Конечно, большинство не столько «работало», сколько числилось и даром ело хлеб оперчекотдела, стремясь не причинить вреда товарищам доносами. Но трое оказались настоящими сексотами, их следовало изолировать. Комитет решил вызвать стукачей на общее собрание заключенных и там решать судьбу каждого. Трех вывели за зону, остальные написали покаянные письма, объясняя, как и почему они стали стукачами, т.е. дважды жертвами лагерного режима (эти письма потом будут переданы московской комиссии)^{61*}.

Члены комитетов, занимавшиеся расследованием деятельности оперотделов и их пособников из заключенных, после подавления норильского восстания подверглись особенно жестоким преследованиям. Во Владимирскую тюрьму попали Богдан Галема (1-е лаготделение), Роман Загоруйко (3-е лаготделение), члены спецкомиссии 4-го лаготделения юрист Коваленко и бывший ленинградец Кузнецов. Жизнью поплатились за полное и точное знание о готовящихся провокациях члены комитета 1-го лаготделения Вольяно и Быковский: отправленные после подавления забастовки в лагерь на «Купец», они оба были найдены там вскоре повешенными, убийство списали как «самоубийство» и постарались забыть. Как написал в своей жалобе в Верховный суд РСФСР Иван Стефанович Касилов в декабре 1954 года, «Вольяно Ставр, считавший полковника Кузнецова истинно приехавшим для наведения порядка, написал этому Кузнецову план-предложение быстрой аннуляции норильских беспорядков, в котором указывал также, что подлинными виновниками их возникновения являются некоторые работники из оперотдела и администрации Горлага. Но на лагпункте «Купец» оперативным отделом было устроено так, что всякая бумажка или жалоба, которая кем бы то ни было направлялась Кузнецову или другим членам московской комиссии, сперва проходила через руки определенной группы провокаторов из числа заключенных, завербованных оперативным отделом, которые, прочтя бумагу, решили, как им поступить с написанным. Таким образом, документ Вольяно Ставра попал в руки этих людей, и они сразу же повесили Вольяно, а с ним и Быковского, как неразлучного товарища Вольяно по совместному пребыванию на лагпункте «Купец» и коллегу по наведению порядка в 1-м лаготделении Горлага в период так называемой «волынки»⁶².

Отделами контрразведки, созданными при комитетах во время норильского восстания, собраны и расследованы многие факты провокаций и нарушений советской законности оперативно-чекистскими работниками и лагадминистрацией УГЛ. Сделано это было впервые. Доказательства неблагоприятной роли чекистов в прошедших в Норильске событиях, жестоких и страшных методов их работы были представлены московской комиссии. В Москву эти документы переданы, разумеется, не были, а по замкнутому кругу возвращены в руки тех следователей Горлага, которые были известны созданием «дутых процессов», садистскими методами следствия, о которых как раз шла речь в жалобах заключенных и материалах отделов расследований.

По сравнению с чекистскими методами поражают гуманностью, бережным отношением к человеку методы работы комиссий и отделов рас-

следования, созданных заключенными. Допросы стукачей — разумеется, без побоев, содержание в изоляторе даже тех, чья вина перед товарищами вполне очевидна и велика,— не более суток, а затем — либо просьба оставить зону и выйти за вахту, или — в случае, если заключенный решил остаться в зоне,— охрана его от возможной мести обиженных. Практически во всех лаготделениях общие собрания, обсуждавшие проступки стукачей, вынесли решения: «Старые грехи всем прощаются, новые — не простятся». При этом возможность наказания была у всех, и право — тоже, и доказательства чужой вины — налицо. Но не был никто даже избит, хотя чекисты усиленно пытались распространять слухи о «зверствах» заключенных, так что даже директор Норильского комбината в своих воспоминаниях написал: «Я не могу забыть, как в 1953 году оголтелые бандеровцы и власовцы зарезали 20 молодых, только мобилизованных и неопытных солдат из охраны, вывесили черные флаги и требовали освобождения»⁶³. Никакими документами не подтверждается это «злодеяние», его просто не было. И круглая цифра, и глухое непонимание сути забастовки заключенных, и начальственная убежденность А.Б.Логинова в том, что бесплатные рабы комбината — «власовцы» и «бандеровцы», следовательно, бандиты и нелюди, способные «зарезать», как уголовники, — все это говорит вновь только о лживости пропаганды и зашоренности сознания даже неглупых руководителей, о незнании ими истинного положения дел. Ни в одном из лаготделении Горного лагеря, вывесивших черные траурные флаги в память о гибели заключенных и требовавших пересмотра дел (впоследствии три четверти этих «власовцев» и «бандеровцев» будут освобождены из Горлага как невинно репрессированные), пальцем не тронули солдат-новобранцев. Все было как раз наоборот: автоматным и пулеметным огнем поливали безоружных заключенных солдаты-новобранцы, пригнанные на подавление «контрреволюционного саботажа», и жертвы оказались вдесятеро больше — только среди заключенных.

Комитеты, стремившиеся предотвратить массовые расстрелы заключенных, не везде смогли этого добиться. Если в 1-м и 4-м лаготделениях заключенные, выполняя последний приказ комитетов, вышли из жилых зон и, расстрел не состоялся, если против женщин 6-го лаготделения оружие применить не посмели, а пустили в зону пожарные машины, то в 5-м и 3-м лаготделениях кровопролития избежать не удалось. Жертвы были велики.

Поскольку достоверных сведений о норильском восстании не публиковалось в течение почти 40 лет, а оперативно-чекистские отделы и управление Горного лагеря оказались кровно заинтересованными в сокрытии правды, не удивительно, что события жаркого лета 1953, года в Норильске обросли слухами и легендами. Развеевать их могут только факты. Попытаемся изложить их в виде хроники норильского восстания, основываясь на публикациях воспоминаний, письмах бывших узников Горлага и архивных документах.

Хроника норильского восстания

21 мая. 2-е лаготделение Горлага. По распоряжению генерала Семёнова, начальника Горлага, сюда переброшены вооруженные ножами бандиты-беспредельщики. В результате резни в зоне — жертвы. По этой причине лагерники не выходили на работу 5 дней⁶⁴.

23 мая. 1-е лаготделение. При отправке на этап группы лагерников старшим лейтенантом Ширяевым застрелен один заключенный и тяжело

ранен в голову второй (оба были верующие, просили не разлучать их). Ширяев в порядке поощрения вскоре будет назначен начальником центрального изолятора (ШИЗО) Горлага в 4-м лаготделении.

25 мая. 4-е лаготделение. При конвоировании колонны (16 человек) из центрального ШИЗО Горлага в 5-е лаготделение сержантом Цыганковым убит заключенный Ф-630 — Эмиль Петрович Софроник. Тело его на машине отправлено в больницу в 4-е лаготделение. Слух об этом тотчас распространился по зонам: в воспоминаниях Г.С.Климовича упоминается Петр Климчук, у Е.С.Грицьяка — Петр Сафронюк, у И.С.Касилова — Сапронюк. (Два месяца спустя лагерный суд полностью оправдывает В.И.Цыганкова «за отсутствием в его действиях состава преступления», тот демобилизуется с похвальным листом и станет милиционером в Краснодаре)⁶⁵.

26 мая. 5-е лаготделение. Начальником караула сержантом Дьяковым открыт огонь из автомата по заключенным, стоявшим у жилого барака, напротив производственной зоны КиБЗа, где, отделенная от мужской зоны проволочным ограждением, стояла колонна женщин, приведенных под конвоем на работу. Автоматные очереди прошли стены и окна барака, убив и ранив до десятка заключенных, которые отдыхали, ужинали и т.д. Группа лагерников отправилась к администрации с требованием вызвать комиссию из Москвы. Администрация бежала за вахту.

6-е лаготделение (женское) в знак солидарности с мужчинами из 5-го лаготделения тоже объявило забастовку. Ночная смена отозвана в лагерь с производственных объектов, утренняя смена не вышла из зоны. Начало массовой голодовки.

4-е лаготделение. Утренняя смена не выходила на работу. Ночная смена в лагерь не возвратилась, оставшись в оцеплении Горстроя, на строительстве Горстроя, почти в центре Норильска. Вывешены черные флаги. Состоялись похороны убитого заключенного на территории лагеря, лагадминистрация его решила не отдавать.

Созданы забастовочные комитеты в оцеплении Горстроя, в жилой зоне 4-го лаготделения, в 5-м и 6-м лаготделениях Горлага.

27 мая. Во 2-м лаготделении (на Кайеркане) забастовка кончилась арестом наиболее активных лагерников — около 50 человек вывезены из зоны.

3-е лаготделение. Из нелегально поступивших записок каторжане узнают о забастовке, решают морально поддержать ее, но на работу выходить. В штрафной изолятор, отделенный от зоны проволочным ограждением, переводят группу бандитов-беспредельщиков, которые организуют камеру-«молотилку».

4-е лаготделение. К бастующим обращается по радио начальник Горлага генерал Семенов с призывами выйти на работу. Над зоной и оцеплением Горстроя разбрасывают листовки с призывами «не слушать бандитов и авантюристов из комитета». Комитеты заняты подготовкой к переговорам с начальством, выработкой требований заключенных⁶⁶.

5-е лаготделение. Заключенные отказались разговаривать с генералом Семеновым и майором Желваковым, им вручены требования заключенных.

28 мая. Из Красноярска прилетел с комиссией генерал-лейтенант Панюков, бывший начальник Норильского комбината и ИТЛ, он предлагает заключенным выйти на работу. В 5-м лаготделении его освистали, в 6-м лаготделении женщины тоже отказались с ним говорить, в 4-м лаготделении и оцеплении Горстроя ему вручили копии требований лагерников.

29 мая. Во всех лаготделениях появились листовки: «Не слушайте провокаторов ИТР!» Это работа комиссии Панюкова. Заключенные пишут ответы, чтобы нейтрализовать действие листовок. Появляются самодельные листовки заключенных над оцеплением Горстроя воздушный змей разносит их над Норильском⁶⁷.

30 мая. 5-е лаготделение. В 10 часов утра четыре пожарные машины и отряд офицеров под командованием генерала Семенова, стреляя кто вверх, кто в землю перед собой, вошли в зону. Их встретила примерно полторатысячная толпа заключенных. Из задних рядов кто-то крикнул: «Бей их, ребята, окружай! Отрезай от вахты! Смерть палачам!» Офицеры в панике отступили. Пожарные не успели развернуть шланги, пришлось поворачивать машины назад: их встретили градом камней. В суматохе одна машина придавила к столбу офицера Качаева.

31 мая. 4-е лаготделение. Лагерники из оцепления Горстроя беседовали с генералом Гоглидзе, прибывшим в зону с комиссией. Беседа результатов не дала. Лагерники вернулись в жилую зону. Их встретили торжественным гудком котельной, как героев, вернувшихся с переднего края борьбы. В лаготделении созданы отряды самообороны для защиты от провокаций⁶⁸.

1 июня. 1-е лаготделение. В 13 часов работники лагерной администрации, собрав папки и бумаги, демонстративно покинули кабинеты и ушли за вахту. От них стало известно, что утренняя смена — **1400** заключенных — в производственной зоне рудника «Медвежий ручей» от работы отказалась и остается на объекте. (Они так и не уйдут с рудника до конца забастовки.) Дневную смену из жилой зоны не вывели на работу. С рудника переброшена в лаготделение листовка «Почему мы бастуем», в ней изложены требования заключенных⁶⁹.

5-е лаготделение. Здесь многократно звучит по радио предложение тем, чей срок подходит к концу, выходить к вахте с вещами. Собирается несколько сотен человек. Их отправляют в новостроящийся лагерь, но не всех оставляют там, а сортируют: часть получает команду «в зону марш», часть — «в запретку — лицом вниз ложись». Лежачих грузят в машины, накрывают брезентом и увозят на шахту «Западную» в лагерь или на лагпункт «Купец». В этот же день оставшимися в зоне стукачами делается попытка поджечь продовольственный склад. Провокация предотвращена караулом заключенных. Принято решение больше за зону никого не выпускать (70).

4-е лаготделение. Сорвана попытка стукачей организовать резню, посеяв национальную рознь между чеченцами и кубанскими казаками, украинцами и поляками. Комитет создал специальную комиссию для вскрытия сейфов оперотдела, чтобы изъять списки и обезвредить пособников лагадминистрации. В списках оказалось 620 человек — каждый пятый лагерник. Решили провести над ними открытый суд. Трех отправили за зону. **Остальные** написали покаянные письма «Как я был завербован в стукачи» — для правительственной комиссии⁷¹.

2 июня. 3-е лаготделение. В неуточное время каторжан сняли с объектов и возвратили в зону. К их приходу охрана лагеря усилена, устанавливаются пулеметы.

3 июня. Уже неделю бастуют 4-я, 5-я и 6-я зоны. 3-е лаготделение в этот день не выводили на работу, а держали в лагере целый день под видом производственного отдыха. На собрании заключенных начальник лагеря капитан Тархов не мог объяснить, почему усилена охрана.

В 1-м лаготделении решено создать комитет (представительство), ру-

ководить забастовкой заключенные предлагают Павлу Андреевичу Френкелю.

4 июня. 1-е лаготделение. Общее собрание заключенных посетили начальник лаготделения майор Нефедьев, начальник контрагентских работ управления Горного лагеря (УГЛ) подполковник Черняк и старший лейтенант медслужбы Павликов. Культорг Евдокимов зачитал документ «Почему мы бастуем». Свои претензии высказала часть заключенных. В это время добровольная охрана лагеря, состоявшая из заключенных, заметила дым над крышей стационара с больными. Лагерники потушили начинавшийся пожар, обнаружив, что причиной его был поджог. Вызванные кем-то заранее пожарные машины не понадобились. Поняв, что это провокация, толпа плотно сомкнула ряды и вытеснила начальство за вахту. Туда же отправлен поджигатель, пойманный заключенными. Администрация на 50 процентов сократила бастующим паек. Лагерники ответили отказом от проверок — надзирателей в зону больше не пускали. В комитете (представительстве) созданы отдел исследований (Галема, Вольяно, Быковский) и агитационно-пропагандистский отдел во главе с Касиловым. В этот день Касилов написал свое обращение к заключенным «Братцы-невольники», желая убедить сомневающийся и боящихся последствий забастовки остаться в зоне, не выходить из лагеря, быть активными.

3-е лаготделение. Бандиты из камеры-«молотилки» затевают конфликт со штрафниками из камеры Ивана Воробьева. Конфликт закончился побегом бандитов из ШИЗО в дивизион охраны и расстрелом заключенных в жилой зоне: убиты 4, ранены 17 человек, из которых 2 умрут от ран. Администрация покинула зону, отключив электроэнергию. У клуба — лозунги и щит с требованиями заключенных. Вывешен черный флаг.

5 июня. Начиная с этого дня бастуют все лаготделения Горного лагеря, кроме 2-го, которое уже вышло на работу.

В 1-м лаготделении на расширенном заседании комитета, с приглашением представителей каждого барака и даже секции, заключенные обсуждали поправки Френкеля к документу «Почему мы бастуем» и принимали текст обращения в Президиум Верховного Совета СССР (копия — министру внутренних дел СССР).

В 3-м лаготделении наутро после расстрела никто из надзорсостава и оперработников в зоне не появился и заключенные на работу не вышли. За ночь охрана каторжан еще усилена. На общем собрании в клубе лагерники приняли решение: трупы убитых и умерших от ран администрации не выдавать до приезда московской комиссии, заменить черные флаги на красные с черным крепом, не препятствовать работе кухни, бани и т.д., простить друг другу промахи и проступки (только 14 заключенным предложено покинуть зону: известным стукачам, бригадирам, нарядчикам — они уйдут наутро)⁷².

6 июня. Из Москвы прилетела комиссия под руководством председателя — полковника МГБ Кузнецова. В разных лаготделениях он будет рекомендовать себя по-разному: иногда — как личного референта Берии, в других случаях — как начальника тюремного управления МВД. Членов комиссии он представлял так: начальник конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенант Сироткин (по другим источникам — Середкин)⁷³, представители ЦК партии Киселев и Михайлов. Киселев называл себя секретарем комиссии.

В 1-м лаготделении ночью, а она была туманной и снежной, один

из офицеров пытался задом наперед войти в зону через прорезанный в проволоке проход, оставляя следы на снегу так, чтобы создалось впечатление побега из зоны. Провокация предотвращена добровольной охраной лагеря из заключенных. Вызванный на место происшествия начальник лагеря Нефедьев объяснить действия офицера и охраны, разрезавшей проволоку в самом глухом углу, за хоздвором, не смог.

3-е лаготделение. В этот день у клуба состоялись похороны заключенных, убитых 4 июня и умерших от ран. На общем собрании в клубе зачитывается и обсуждается первый вариант жалобы сотворжан, адресованной правительству СССР и правительственной комиссии. Авторы первоначального текста — заключенные Бондаренко и Колясников.

5-е лаготделение. Здесь появилась прибывшая из Москвы комиссия Кузнецова. Переговоры продолжались почти пять часов. Излагая свои жалобы и претензии, лагерники потребовали вскрыть могилу застреленного солдатами охраны заключенного (откопали похороненного на бугорке в 20 метрах от запретки Александра Попова: в груди его было 4 пули, а в карточке врачебный диагноз — «смерть от разрыва сердца»)⁷⁴. Комиссия убедилась в правоте заключенных и заверила, что стрелять в них больше не будут и никого не подвергнут репрессиям за забастовку. Однако из всех пунктов требований комиссия согласилась удовлетворить только некоторые: она разрешила снять с одежды номера, с окон — решетки, с дверей барачков — замки, не ограничивать переписку с родными, уменьшить рабочий день до 8 часов и ввести зачеты, тем самым уравнивая политзаключенных в правах с уголовниками. Лагерникам было предложено для продолжения переговоров избрать делегатов, а остальным выйти на работу. Комитет (председатель — Павел Михайлович Фильнев, бывший офицер Красной Армии) считал, что на работу не нужно выходить, пока не будет выполнено главное требование — пересмотр дел. Комиссия Кузнецова объяснила, что не имеет полномочий на пересмотр дел на месте, и обещала передать все жалобы в Москву. Большая часть лагерников поверила этому обещанию. Комиссия, несмотря на усталость, пожелала провести ревизию продовольственного склада, ларька, пекарни. Ни воровства, ни недостатков на складе не оказалось, а муки в пекарне — даже небольшой излишек. Ревизия под руководством члена комиссии Михайлова продолжалась два дня⁷⁵.

4-е лаготделение. По воспоминаниям Е.С.Грицяка, в этот же день московская комиссия побывала в 4-м лаготделении Горлага. Однако, по воспоминаниям Г.С.Климовича, комиссия Кузнецова побывала у них в последнюю очередь, после того, как посетила прочие лаготделения, — 9 июня.

7 июня. Комиссия Кузнецова побывала в 6-м (женском) лаготделении. Переговоры проходили всюду примерно одинаково: неподалеку от вахты ставились столы, покрытые красной скатертью, по одну сторону садились «генералы», по другую — делегаты от заключенных. За вахтой стояла цепь солдат с автоматами. Всюду Кузнецов требовал немедленного выхода на работу, обещал удовлетворить часть требований заключенных. Криками «ура!» было встречено разрешение комиссии снять с одежды номера, их тут же срывали. С такой же радостью встретили разрешение на неограниченную переписку, обещание свиданий с родными. Женщины прекратили голодовку.

3-е лаготделение. В зоне — время анархии, уголовники грабят камеру личных вещей, клуб, отнимают продукты и деньги у некоторых заклю-

ченных. На общем собрании каторжане решают создать комитет для руководства забастовкой.

8 июня. В 1-е лаготделение явилась московская комиссия под председательством Кузнецова. Переговоры с ней вели Иван Касилов, Павел Френкель, Михаил Измайлов — члены комитета. Заключение Дубасов рассказал о побоях и издевательствах оперчекотдела, о «ледяном карцере». Выступали иностранцы, требуя отправки на родину. Комиссия была в зоне 40 минут. Кузнецов объявил, что не имеет времени слушать всех, предложил выбрать 10 делегатов — по 5 человек от жилой и производственной зон, — с которыми комиссия продолжит переговоры вечером. Но ни в этот вечер, ни в следующие дни московская комиссия больше не появилась в 1-м лаготделении. Заключение решили продолжать забастовку до полного удовлетворения их требований.

В 3-м лаготделении избран комитет, председатель — бывший офицер Советской Армии Борис Александрович Шамаев. Агитационно-пропагандистскую работу поручили Леонарду Доронину, хозяйственные и бытовые дела — Цыганкову и Королю, охрану лагеря и ночное патрулирование — Загоруйко и Николаеву. Группа Петра Тарковцаде помогает малограмотным написать индивидуальные жалобы правительственной комиссии.

9 июня. Московская комиссия прибыла в 4-е лаготделение. За стол переговоров с нею сели делегаты от заключенных — Владимир Недоростков, Евгений Грицяк, Григорий Климович и еще трое лагерников. Они предъявили комиссии требования заключенных. Кузнецов в ультимативной форме потребовал, чтобы лагерники вышли на работу. Они согласились, успокоенные тем, что часть их требований уже удовлетворена, остальные же комиссия передаст в Москву. Кузнецов обещал, что никого не отправят из лагеря до полного удовлетворения требований заключенных и никто не будет репрессирован.

4-я, 5-я и 6-я зоны вышли на работу (такие сведения сообщил Е.С.Грицяк, у Г.С.Климовича другая дата выхода на работу — 12 июня).

В 1-м и 3-м лаготделениях Горлага забастовка продолжается. Во дворах тюрьмы, находящейся возле 3-го лаготделения, вехали пожарные машины якобы для «усмирения бунта в тюрьме». Группа каторжан бросает в них кирпичи, требуя, чтоб машины уехали. Конфликт пресекает Шамаев. На общем собрании заключенных он объясняет, что тактика каторжан в забастовке должна быть иной: нужно мирно ожидать правительственную комиссию, избегать конфликтов, сопротивление — это авантюра, ведущая к новому расстрелу. Первоначальные лозунги в зоне заменены новыми, советского содержания.

10 июня. 1-е лаготделение Горлага. Заключение в производственной зоне не выдали паяк. Френкель созвал комитет на заседание, решено в знак протеста объявить голодовку. В ответ лагадминистрация отделила жилую зону от производственной запретной полосой, прервав их связь.

3-е лаготделение. Прибыла московская комиссия, сопровождаемая начальником Горлага Семеновым и лагадминистрацией зоны. От имени всех заключенных член комитета Тарковцаде предложил лагадминистрации покинуть зону, вести переговоры в ее отсутствие. Это пожелание было выполнено. Но Кузнецов отказался подтвердить полномочия комиссии каким-либо документом, отказался обойти лагерь и выслушать ожидавших комиссию у своих барачников в строю заключенных. Зато потребовал немедленно восстановить в зоне «прежний порядок», впустив надзирателей и оперработников, завтра же выйти на работу, выдать трупы убитых, избрать для переговоров с комиссией 5 делегатов и на-

править в штаб. На размышление каторжанам дали час, затем, после вторичного ультиматума, — 15 минут. На трехкратную просьбу в кор-ректной форме обратившихся к председателю комиссии Кузнецову член-нов комитета Запаренко, Вожева, Евтенко, Короля и Шамаева подтвер-дить каким-либо документом, что комиссия направлена в Норильск Советским правительством, ответа заключенные не получили. Поняв, что перед ними — просто комиссия МВД, на работников которого заклю-ченные собирались подать жалобы, каторжане отказались вести с ней переговоры. Больше комиссия в 3-м лаготделении не появлялась, а обра-щалась к лагерникам только по радио. На общем собрании заключен-ных в клубе Шамаев, Доронин и Тарковцаде заявили, что готовы выйти из лагеря для переговоров с комиссией. Но собрание категорически за-претило комитетчикам покидать лагерь, опасаясь их ареста. Через час после отъезда комиссии по ее распоряжению норма питания каторжанам была снижена на 50 процентов, в том числе раненым, инвалидам, боль-ным.

5-е лаготделение. В лагере узнали, что 5 делегатов от заключенных вывезены неизвестно куда. Их обещают вернуть через несколько дней, но не возвращают.

11 июня. 1-е лаготделение. Член комитета Лев Коваленко вынес на вахту и передал через капитана Нефедьева сверток с надписью «Мос-ковской комиссии». В пакете — обращение «В Президиум Верховного Со-вета СССР», письмо в ЦК КПСС, письмо заключенного Дубасова пи-сателю Илье Эренбургу, «Журнал регистрации происшедших событий в жизни 1-го лаготделения и поддержания порядка». (Московская комиссия передаст эти документы в руки следователей из Красноярского УМГБ.)

3-е лаготделение. На общем собрании заключенные решили отправить письмо К.Е.Ворошилову и Г.М.Маленкову с просьбой прислать в Но-рильск правительственную комиссию. По 2 экземпляра просьбы вручены начальнику Горлага Семенову и начальнику 3-го лаготделения Тархову. Ни один экземпляр письма в Москву не отправят. Военная охрана с этого дня запретила вход в лагерь вольнонаемным медработникам.

12 июня. 1-е лаготделение. Утром лагерный художник Самодуров прикрепил над столовой красный флаг и лозунги, прославляющие партию и правительство. Вечером охрана привела в лагерь с рудника «Медвежий ручей» заключенных производственной зоны. Охрана зоны усилена, пу-леметы устанавливаются на вышках и на дороге.

13 июня. 1-е лаготделение. По радио (громкоговорители установлены вокруг всей зоны) полковник Кузнецов приказывает заключенным выйти за зону, он кричит: «Ломайте окна и двери! Не бойтесь Френкеля и Касилова! Бейте их! Режьте их!» Понимая, что дальнейшее сопротивле-ние поведет к кровопролитию, комитет приказывает заключенным вы-ходить из зоны. На вахте охрана сразу арестовывает Френкеля, Каси-лова, Коваленко, Измайлова, Галему и других членов комитета, их отправляют в центральный штрафной изолятор Горлага.

14 июня. 1-е лаготделение вышло на работу. 3-е лаготделение про-должает бастовать — единственное в Горлаге. В Норильск прилетел пред-ставитель прокуратуры СССР Вавилов, государственный советник юсти-ции III класса.

15 июня. 3-е лаготделение. Здесь побывал Вавилов. В сопровождении капитана Тархова он обошел зону, одобрил лозунги советского содержа-ния и поддерживаемый в зоне порядок, побывал в стационаре с ранеными и больными, в бараках инвалидов, которые произвели на него особенно

тяжелое впечатление. Ему также вручен экземпляр письма-просьбы каторжан, адресованной К.Е.Ворошилову.

16 июня. 3-е лаготделение. Кузнецов по радио обращается к каторжанам. Он говорит, что по ходатайству комиссии правительство разрешило удовлетворить часть требований каторжан: снять номера с одежды, решетки с окон и замки с дверей, уменьшить на 1 час рабочий день, писать вместо 2 писем в год — 1 письмо в месяц и т.д. Кузнецов обещает «расследовать случай применения оружия 4 июня в 3-м лаготделении». Услышав о «применении оружия», 336 каторжан выходят из лагеря — они не поняли, о чем шла речь. Комитет ведет разъяснительную работу.

17 июня. 3-е лаготделение. «Психическая атака», организованная комиссией Кузнецова. «Лагерь внезапно начинают окружать вооруженные солдаты, в полной боевой готовности, со скатками на спине. Они залегают, устанавливая пулеметы. Вслед за этим появляются надзиратели с топорами и прорубают проходы в проволочном заборе. Открывают все ворота. По радио Кузнецов обращается к лагерникам, призывая их расправиться с членами комитета и уходить из лагеря», — так описывает действия комиссии Б.А.Шамаев. Из лагеря ни один человек больше не выходит. «Психические атаки» будут не раз повторяться.

22 июня. 4-е лаготделение вновь отказалось выходить на работу, требуя вернуть арестованных товарищей: перегоняя из 4-го лаготделения в 5-е колонну заключенных, охрана остановила лагерников посреди тундры и из 100 человек отобрала 7, которые были арестованы и увезены куда-то. Все были лагерными активистами, участниками первого этапа забастовки(76).

Идут ежедневные допросы комитетчиков из 1-го лаготделения. В этот день арестованному Френкелю предъявляются документы «Почему мы бастуем», письма «В Президиум Верховного Совета СССР», в ЦК КПСС и другие, переданные лагерниками в московскую комиссию, а попавшие в руки следствия.

24 июня. 5-е лаготделение. 700 лагерников вызваны на этап, в их числе — лагерные активисты, участники первого этапа забастовки. Этап отказывается покидать зону. Конвой попытался применить оружие, в результате 2 заключенных убиты. Над лагерем вновь поднят черный флаг с красной полосой во всю длину. Начало второго этапа забастовки⁷⁷.

6-е лаготделение. Здесь тоже произведены ночью аресты женщин — участниц переговоров с комиссией Кузнецова. Начинается второй этап забастовки наутро после их ареста⁷⁸.

6 июня. В Москве арестован Л.П.Берия, но сообщений об этом нигде пока нет. В Норильске бастуют вновь 4-е, 5-е и 6-е лаготделения Горлага, причем часть заключенных 5-го лаготделения (1300 — 1500 человек) осталась на стройке, остальные — в жилой зоне. На стройку три дня не привозили пищу. 3-е лаготделение продолжает забастовку протеста. От постоянного недоедания (уже семнадцатый день каторжане получают половину пайка) в зоне появились больные дизентерией. Заключенный Петр Миколайчук отливает самодельный типографский шрифт. Каторжане с его помощью решают выпустить листовку с обращением к норильчанам.

27 июня. 3-е лаготделение. Воздушный змей разносит над Норильском первую листовку каторжан: «Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить правительству о произволе над заключенными в Норильске. Каторжане Горлага».

29 июня. 3-е лаготделение. Ночью в лагерь приходили пьяный Пол-

стяной — начальник дивизиона, в сопровождении начальника лагеря Гархова, оперуполномоченный Калашников и начальник штаба дивизиона охраны Никифоров с двумя автоматчиками. «Огонь по фашистам!» — кричал майор Полстяной, затем, повернувшись задом и нагнувшись, матерился и кричал: «Вот вам, а не правительственную комиссию!» Наутро каторжане выпустили листовку с обращением к солдатам: «Солдаты войск МВД! Не проливайте братской крови! Да здравствуют мир, демократия и дружба народов!» Норму питания с этого дня каторжанам восстановили.

30 июня. 3-е лаготделение. Через штаб лаготделения вызвали «скорую помощь»: заболел заключенный Андреюк. По мнению врачей-заключенных, ему требовалась срочная операция, в лаготделении же они не имели даже доступа к лекарствам после того, как охрана запретила вход медикам в зону. «У больного перитонит», — поставили диагноз заключенные-врачи. «Просто сильное истощение», — возразили врачи «скорой помощи» и через два часа вернули больного в лагерь. Андреюк умер. До приезда правительственной комиссии его также похоронили в жилой зоне. Выпущена листовка, посвященная этому случаю.

1 июля. Лагпункт «Купец». Повешены рядом на балке, лицом друг к другу, в лагерной сушилке два члена комитета 1-го лаготделения — Ставр Георгиевич Вольяно и Анатолий Николаевич Быковский. На теле каждого — царапины, синяки, следы побоев.

5-е лаготделение. Московская комиссия в полном составе явилась на вахту. Кузнецов потребовал убрать флаг, построить заключенных и вывести из зоны. Он сказал: «Волынка переросла в контрреволюционный мятеж. Мятежники избрали органы власти, суд, сформировали противозаконные органы обороны. В случае неподчинения конвой применит оружие!» Его поддержал Вавилов. «Одумайтесь, вас толкнули против Советской власти!» — взывал он. Примерно половина заключенных вышла из лагеря, оставшиеся попрятались в бараках. Солдаты открыли стрельбу из автоматов и пулеметов. Сколько было жертв? Сошлемся еще раз на письмо В.Н.Третьякова: «В один из барakov носили вещи убитых и раненых, а было их 58 и 128. Хороший знакомый Василий Соловьев занимался инвентаризацией этих вещей»(79). По данным врача С.В.Знаменского, вскрывавшего трупы, убитых было более 20 человек, он сохранил 19 пуль, вынутых из их тел. По подсчетам Альбиноса Крушавичюса, носившего тела на вскрытие вместе с другими, убитых было 26. Член комитета Юлиус Алякнавичюс называет цифру убитых в этот день — 49, раненых — более 100. Очевидно, при инвентаризации подсчитано общее количество жертв с 26 мая по 1 июля.

2 июля. В Москве открылся Пленум ЦК КПСС, на нем слушается первый вопрос — «Об антипартийной и антигосударственной деятельности Л.П.Берии». Сообщений в печати и по радио все еще нет.

3 июля. 4-е лаготделение. Московская комиссия предлагает вывезти инвалидов (их 700 из 5200 лагерников), прорезаны четыре прохода в проволочном ограждении. Все больше беглецов уходит за вахту. Видя, что продолжать забастовку масса заключенных не хочет, комитет принимает решение — вывести всех за зону. Решение принято очень своевременно: через 2,5 часа готовился расстрел лагерников⁸⁰. В этот же день арестованы руководители комитета и активисты.

6 июля. В ночь с 6 на 7 июля солдаты вышли на «усмирение бунта» в 6-й (женской) зоне. Прорубив проволочное ограждение, открыв ворота вахты, ввели в зону пожарные машины, которые поливали женщин из

брандспойтов струями воды под большим давлением. Солдаты, оставив оружие, взяли в руки палки и били ими женщин по чему попало, а затем тащили силой в тундру, за пределы зоны. Тройная цепь женщин — они стояли, держась под руки, крича «Смерть или воля!» — была разбита. Началось раскассирование лагеря: активисток отводили в одну сторону, остальных гнали через тундру в другой лагерь. Врачебной помощи раненым никто не оказывал. Члены комитета Мария Нич, Лина Петрошук, Лидия Карловна Дауге, Стефания Коваль, Ганна Мазепа, Леся Зелинская, Ирена Мартинкуте, Аста Тофри, Мария Чорна и другие были арестованы и отправлены в штрафные изоляторы 4-го и 6-го лаготделений.

Восстание было подавлено в 1-й, 4-й, 5-й и 6-й зонах, заключенные вышли на работу. Члены комитетов, агитаторы, культурги, активные лагерники после страшных избиений (для этой цели впереди солдат чаще всего выстраивали уголовников, стукачей и прочих пособников лагадминистрации), а некоторые — после больницы, где им зашивали раны, отправлены по местным тюрьмам. Днем и ночью идут допросы.

Продолжает забастовку — в полном одиночестве — каторжанская 3-я зона.

9 июля. Поздно вечером по радио передано сообщение о решениях Пленума ЦК КПСС и об аресте Берии, Гоглидзе и других его ближайших помощников. Находившийся в это время на допросе у следователя Г.С.Климович из 4-го лаготделения слышит эту ошеломляющую новость, допрос прекращен. Новость облетает ШИЗО.

10 июля. Ночью по радио обращение к заключенным 3-го лаготделения — выступали новый начальник Горлага генерал Царев и полковник Кузнецов, требуя прекратить «антисоветский мятеж», снять «антисоветские флаги и лозунги», не выпускать «антисоветские прокламации». Вечером комиссия Кузнецова спешно покинула Норильск — пришли газеты с официальным сообщением об аресте Берии. Узнали об этом и заключенные всех лаготделений Горлага, кроме 3-го. В 3-м лаготделении каторжане создали отряды самообороны для защиты зоны от возможного вторжения уголовников. Зона разбита на 4 участка, назначены старшие участков, баракы, секций, их 88 человек. Определены места для круглосуточного дежурства, наблюдательные посты патрулей.

16 июля. 3-е лаготделение. Комитету стало известно, что в подвале барака № 2 уголовником Игнатьевым по указанию члена комитета Ивана Воробьева организована кузница, где из оконных решеток делаются пики и ножи для вооружения отрядов самообороны. Решением комитета кузница закрыта и опечатана, здесь выставлен круглосуточный караул.

18 — 19 июля. 3-е лаготделение. По радио ежедневно звучат обращения к каторжанам нового начальника Горлага Царева, который называет протест заключенных антисоветским мятежом и угрожает суровой расправой.

20 июля. 3-е лаготделение. Из случайно попавшей в лагерь газеты заключенные узнали об аресте Берии. В этот день комитетом написано еще одно письмо К.Е.Ворошилову и Г.М.Маленкову с просьбой прислать в Норильск правительственную комиссию. «Письмо» в закрытом конверте передано начальнику лаготделения Тархову для отправки адресатам, она в Москву, разумеется, послана не была. Через старшего оперуполномоченного Егорова каторжане передают письмо начальнику политотдела комбината с просьбой прибыть в лагерь. Но ответа каторжане не получили, начальник политотдела не появился.

27 июля. 3-е лаготделение. Единоборство бастующих каторжан с уп-

равлением Горного лагеря вступает в самую трудную фазу. Затянувшееся ожидание правительственной комиссии породило сомнения в умах лагерников, неустойчивость настроений, у одних — ощущение бессилия, у других — отчаянное желание действовать. Заключенные Кирпиченков, Любинецкий, Михайлов агитируют товарищей за прорыв зоны, захват дивизиона. Комитет на общем собрании заключенных разъясняет авантюристность этой идеи.

Член комитета Иван Воробьев выносит на обсуждение свою «Программу», которая состоит из двух частей: «Наши недостатки» и «Что делать». Воробьев предлагает «перейти к агитации масс не в духе веры в Советское правительство, а в духе военной организованности, военной диктатуры» в лагере. Программа Воробьева дружно отклонена, сам он исключен из комитета за то, что вновь организовал в другом бараке кузницу для изготовления холодного оружия.

Среди заключенных ходят слухи, что комиссия Кузнецова может возвратиться в Горлаг, заручившись новыми полномочиями, после того, как проинформирует — в выгодном для себя свете — правительство о норильских событиях. Комитет поручает разработку программы дальнейших действий Шамаеву.

29 — 30 июля. Шамаев написал тезисы «Как говорить с правительственной комиссией». «В случае повторного приезда комиссии Кузнецова ошеломить ее коллективной просьбой (в лаготделении 3,6 тысячи человек) о замене приговора — вместо каторжных тяжелых работ дать высшую меру наказания — смертную казнь, расстрел». Он полагал, что озадачит комиссию Кузнецова такой необычной просьбой, разрешить которую самостоятельно она не сможет (шутка ли, расстрелять 3,6 тысячи человек!), и это вынудит все-таки вызвать в Норильск настоящую, полноправную правительственную комиссию. Символический лозунг его программы «Смерть или свобода!» после подавления восстания будет истолкован чекистами как предъявленный Советскому правительству ультиматум о предоставлении свободы всем содержащимся в лагере.

4 августа. 3-е лаготделение. В этот день исполнилось ровно два месяца с начала забастовки каторжан. В ночь с 3 на 4 августа, в 23 часов 45 минут, лагерь окружили три цепочки солдат, а также вольнонаемные граждане Норильска. Громкоговорители настойчиво повторили требование выходить из лагеря. Решив, что это обычная «психическая атака», комитет предложил всем членам комитета и лагерным активистам расходиться по баракам. Лагерь уже спал, когда к воротам с двух сторон приблизились машины с автоматчиками. На полном ходу они влетели в лагерь, поливая его огнем. Первыми же выстрелами был ранен Шамаев (вместо больницы его отправили в тюрьму). Последний флаг восстания упал. Протест жестоко подавлен: убито 57, ранено 98 заключенных, около 100 каторжан, жестоко избитых, раненых, помещены в тюрьмы: центральный ШИЗО Горлага, где каторжан продолжали избивать в течение 18 часов (по свидетельству И.С.Касилова⁸¹), Коларгон, лагпункт «Купец». Арестованы члены комитета каторжан Тарковцаде, Доронин, Гуль, Евтенко, Казлаускас, Миколайчук и другие. Начинается следствие по делу «об антисоветском вооруженном восстании, организованном извне», его ведет Красноярское управление КГБ: майор Ушацкий, старший лейтенант Лещенко, лейтенант Разумов и другие.

27 августа. Большой этап активных участников норильского восстания из Дудинки отправлен в Красноярск. Арестованные члены комитетов, активисты попали во внутреннюю тюрьму МВД в Красноярске. Ос-

тальные вывезены будут в различные лагеря: в Магаданскую область, Кенгир (Джезказган), Мордовию, в тюрьмы Иркутска, Владимира, Кургана.

Расправа. Итоги. Выводы

Даже в совершенно секретных отчетах о работе Норильского комбината за 1953 год писалось о восстании заключенных глухо и невнятно, ясным лишь для посвященных языком. Например, в «Годовом отчете по капитальным вложениям», который хранится в Норильском городском государственном архиве, отмечено: «Начиная с 26 мая по август месяц 1953 года в силу ряда обстоятельств, не зависящих от комбината, строительство оказалось в крайне тяжелом положении как с обеспечением рабочей силой, так и с подачей стройматериалов. По условиям лагерного режима в Горных лагерях, начиная с 26 мая до конца июля, на строительство города Норильска, всех важнейших объектов — никелевого завода, никелевых рудников, завода № 25 и на ряд других объектов основная рабочая сила не выводилась вовсе либо выводилась с большими перебоями и неполным составом. Это обстоятельство парализовало также работу всех основных предприятий по производству стройматериалов... Все это привело к тому, что строительство города Норильска и важнейших промышленных объектов в течение значительного отрезка времени и в самый лучший летний период года года было остановлено полностью либо производилось очень замедленными темпами и на ограниченном количестве участков. План по капиталовложениям выполнен за второй квартал на 95,2 процента, а за III квартал — на 73,4 процента...»⁸²

Цифра убытков, понесенных комбинатом из-за забастовки заключенных, кочует из отчета в отчет. Чаще всего называется 6 миллионов рублей. Но относятся они иногда только к строительству, иногда же — в целом к комбинату, виновниками этого убытка оказываются то все лаготделения, то одни каторжане, как это записано в приговоре Красноярского краевого суда по делу группы Б.А.Шамаева. А заместитель прокурора Норильлага Е.В.Павловский, который вел следствие по делу каторжан (члена комитета Александра Анисимовича Гуля и др.), помнит цифру убытков в 2 — 2,5 миллиона рублей. По всему видно, что комбинат действительно на время лишился привычно дешевой рабсилы и провалил план, но очевидно и стремление списать на забастовку толком не подсчитанный ущерб.

Для подавления норильского восстания были сосредоточены немалые силы и средства: объединили свои усилия «краснопогонники» и «синепогонники» — охрана исправтрудлагеря и Горного лагеря, есть сведения, что специально для этой акции были привезены в Норильск, как пишет Г.С.Климович, «доставленные по Енисею два полка краснопогонников», которые заменили местных⁸³.

На штурм каторжанского лагеря (3-е лаготделение) были мобилизованы также гражданские лица — коммунисты и комсомольцы Норильска, руководители предприятий и цехов. По воспоминаниям С.Г.Головки, они шли вслед за двумя цепочками солдат третьей цепочкой. По свидетельству бывшего цензора 6-го лаготделения Горлага И.И.Киселева, к участию в подавлении восстания заключенных приглашали всех работников управления лагерей, но участвовали в акции только по желанию⁸⁴.

Методы расправы с бастующими были относительно однообразны: вначале уговоры и призывы выходить из лагеря, обращенные к мало-

срочникам и ко всем желающим, обещания частично ослабить режим, затем угрозы и использование военной силы и техники. Для того чтобы принудить к послушанию не вышедших из зоны ЗАключенных, в нескольких местах прорезалась проволока, через эти прорезы въезжали на машинах или входили автоматчики, делившие лагерь на сектора к занимавшие один за другим бараки, где прятались лагерники. Тут же заключенных выгоняли за зону — по приказу "бегом, руки за голову" (по воспоминаниям А.М.Любченко, в некоторых лаготделениях приказано было через «коридор» вооруженных автоматами солдат к вахте ползти на коленях)⁸⁵. Широко использовались услуги уголовников при подавлении восстания: например, в 3-м лаготделении, по воспоминаниям Б.А.Шамаева, «...избиения заключенных во время подавления протеста носили массовый характер. Старшим оперуполномоченным Егоровым была организована специальная группа из бандитствующих элементов. Руководил этой группой заключенный К.К.Борисенко, убивший в 1952 году старшего нарядчика Кучеревского. Избиение проходило следующим образом. Все население лагеря было выведено за зону, а затем поодиночке каждый подходил к вахте, где у стола производилась сверка личности заключенного по формуляру. После этой проверки заключенных пропускали обратно в зону. И здесь у самого входа, по личному указанию старшего лейтенанта Егорова, эта группа бандитов Борисенко избивала заключенных...»⁸⁶. Избиения продолжались в изоляторах, куда отправили наиболее активную часть лагерников, особенно жестокие — в центральном ШИЗО Горлага, где к этому времени уже работал старший лейтенант Ширяев (тот, что на Медвежке убил одного верующего и тяжело ранил другого). Среди заключенных эта тюрьма недаром получила название «мясокомбинат имени Ширяева». Вспоминает И.С.Касилов: 4 августа 1953 года было избито 85 человек, с переломом конечностей и ребер, а также повреждением внутренних органов почти у каждого избитого. Под окном моей камеры непрерывно в течение 18 часов раздавались страшные крики и стоны. Особенно громко кричащих били досками по головам. Операцией руководил старший лейтенант Ширяев. Исполнители — старшина Бейнер, старший сержант Воробьев, завхоз Грошев (разжалованный офицер) и еще около 10 человек — младших сержантов и рядовых»(87).

Дополняет эту картину попавший в «мясокомбинат имени Ширяева» как раз 4 августа Б.А.Шамаев: «Потеряв много крови, я ослаб и забылся, а пришел в себя и встал, когда почувствовал, что меня избивают. Бил меня оперуполномоченный старшина Калашников, в присутствии капитана Тархова. После того как я попросил не допускать такого зверства — избиения раненого, Калашников стал меня бить с еще большим ожесточением, и я потерял сознание. В таком состоянии меня, как рассказывали товарищи, бросили в «воронку» и увезли в центральный изолятор (ШИЗО) Горлага. Двое суток я находился без сознания, а перевязку мне сделали лишь через 5 дней... Заключенный А.А.Гуль, которого привезли в изолятор на одной со мной автомашине, видел, как там поступили со мной, находившимся без памяти, после ранения и зверского избиения Калашниковым. Он рассказывал, что, когда меня привезли в штрафной изолятор, то буквально выбросили из машины на землю, а затем мне на грудь вскопал какой-то надзиратель и стал бить ногами, подпрыгивая на мне. Избиениями занимались старший лейтенант Никифоров, старшины Калашников, Ларин, Бейнер, надзиратели Воробьев, Шниперов и другие»⁸⁸.

Норильское восстание озлобило и страшно напугало работников уп-

равления лагерей. Страх, например, перед каторжанами в канун штурма был таков, что борта автомашин на всякий случай были усилены бронированными плитами, как сообщил начальник транспортного отдела Горлага Б.Н.Каширин⁸⁹. Предосторожность была излишней — сопротивление солдатам практически не было, лагерь спал, абсолютное большинство убитых и раненых пали жертвами в помещениях, между нарами и т.д., как свидетельствовали об этом фотографии в уголовном деле. Лишь небольшая группа каторжан пыталась защищаться с помощью пик и кипятка, но против пуль и взрывпакетов это «оружие» было явно неподходящим. Среди штурмовавших 3-е лаготделение потерь практически не было, ни в одном из 13 томов уголовного дела группы Б.А.Шамаева не названо ни одной фамилии раненых или убитых, явно никто из них не успел получить ни царапины.

Жертвы же среди заключенных все еще уточняются, их почти невозможно подсчитать. На сегодня известны цифры официального акта, составленного в 3-м лаготделении после «усмирения»: убито 57 и ранено 98 человек, а также цифры потерь, подсчитанных при инвентаризации 5-го лаготделения: убито 58, ранено 128 человек. Необходимо присоединить к этим цифрам жертвы, появившиеся в мае-июне, накануне забастовки застреленные солдатами. Это 1 убитый и 1 раненый в 1-м лаготделении, неизвестно количество жертв во 2-м лаготделении, в 3-м лаготделении — 6 убитых и умерших от ран (плюс умерший от перитонита Андреюк) и 15 раненых, убитый в 4-м лаготделении Софроник, до десятка жертв — в 5-м лаготделении и убитая в 6-м лаготделении женщина, чье имя неизвестно. В кладбищенской книге, где обычно поименно записываются все похороненные, есть строка, относящаяся к 1953 году, о захороненных в общей могиле 150 безымянных мертвецах. Как сообщила К.И.Колесникова, работавшая в 1953 году на кладбище под Шмидтихой, именно там похоронены эти жертвы восстания, на месте, где сейчас находится часовня и крест, воздвигнутый «Мемориалом», с надписью «Мир праху, честь имени невинно репрессированных, вечная память и скорбь о прошедших ГУЛАГ» над братской могилой (перезахоронение останков проведено 1 июля 1990 года)⁹⁰.

Наказания за эти убийства безоружных людей не понес почти никто. Был, правда, вновь судим В.И.Цыганков, убивший заключенного Софроника, и приговорен к 3 годам лишения свободы и 2 годам поражения в правах. Был суд над Полстяным, отдавшим приказ о расстреле каторжан 4 июня 1953 года. По воспоминаниям С.Г.Головки, вызванного на этот суд в качестве свидетеля вместе с еще тремя заключенными, к ним бросилась жена Полстяного, уговаривая их простить майора ради его больных детей, стоявших тут же в зале. И заключенные-свидетели заявили на суде, что прощают, поскольку мертвых уже не вернуть. После суда, где Полстяной получил условный срок, он был разжалован, отстранен от должности и выехал с семьей из Норильска. Горный лагерь в 1954 году перестал существовать как самостоятельный, его объединили с исправительно-трудовым. Пришлось снять с работы начальника политотдела, начальника оперативного отдела и еще некоторых работников бывшего УГЛ, часть из них уволили из органов МВД, как сообщил в ответе на одну из жалоб заместитель прокурора Красноярского края по спецделам А.Соловьев⁹¹.

Первые результаты норильского восстания заключенные ощутили еще в 1953 году. Они заключались в смягчении режима, возвращении им прав, отобранных в Горном лагере. Затем в 1954 году был ликвидирован

и сам Горный лагерь, в Норильск приехала из Москвы комиссия по пересмотру дел политзаключенных, а после ее отъезда на месте создан ликвидком Норильского ИТЛ. Если в 1953 — 1954 гг. освобождение коснулось лишь самых «крупных величин» (известных ученых, партийных и комсомольских функционеров, крупных хозяйственников), то в 1955 — 1956 гг. освобождение пришло к абсолютному большинству бывших узников Горлага. А в годы после XX съезда КПСС процесс этот был завершен, Норильский комбинат перешел на вольнонаемную рабочую силу.

Это и был главный результат норильского восстания, подорвавшего непоколебимый до того фундамент лагерной системы. Не стало рабского труда многих тысяч заключенных, за счет которого процветала, создавая новостройки за новостройками, Страна Советов.

Если экономические требования заключенных были выполнены сразу и полностью, то политические — лишь частично и далеко не тотчас (полгода спустя было ликвидировано Особое Совещание, начался пересмотр дел политзаключенных, собраны для отправки за границу иностранцы, вывезены инвалиды и т.д.). Некоторые пункты, как, например, требование писать о жизни заключенных в прессе, снять паспортные ограничения и поражения прав освободившимся из лагеря политзаключенным, предоставлять более широкие права, равные с остальными гражданами страны, семьям заключенных и другие, осуществляются лишь в наше время — в 80 — 90-е годы, а некоторые в полной мере и сейчас не выполнены (например, требование наказать бывших работников НКВД-МВД-МГБ за совершенные преступления, судить их всенародно). Демократическая программа преобразования советского общества, в том числе его пенитенциарной системы, заложенная в требованиях заключенных Горлага, определила свое время. Смелость ее поразительна, ведь комитеты при написании требований имели перед собой очень сложную задачу: они должны были и соответствовать принципам социалистической революции, и, не осуждая основных устоев тоталитарного режима, выражать волю и решимость масс — при этом тоже в рамках советской законности.

Значение норильского восстания, возможно, полностью еще не оценено. Оно не только в том, что было первым после смерти Сталина протестом заключенных против созданной им системы подавления личности, но и в том, что было подлинно массовым: в норильском восстании участвовали около 30 тысяч человек. Такого масштаба прежде не знала лагерная система. С этим нельзя было не считаться.

Норильское восстание доказало, что даже в самых тяжелых условиях угнетения можно бороться с тоталитарным режимом, причем не методами террора, противными человеческой природе и законам демократического общества, а легальными методами коллективного протеста. Для этого идеи восстания должны были поддерживать массы, отбросившие многолетний страх перед системой. Тут куда нужнее было не оружие, а слово пропагандистов и агитаторов, обращение к широкой общественности. Как известно, именно неустанное разъяснение целей норильского восстания с помощью листовок, писем, обращений обеспечило ему поддержку, пусть ненадолго, некоторых лаготделений ИТЛ (бастовали в 9-м лаготделении, в 20-м и других), сочувствие части вольнонаемного населения (в результате часть документов все же была передана в Москву, а информация о норильском восстании появилась в зарубежной прессе и прозвучала по американскому радио — радиостанция «Голос Америки» сообщила, что в Норильске бастуют до 20 тысяч политзаключенных).

Глубочайшего уважения и восхищения потомков достойны руководи-

тели норильского восстания. Беспримерны их мужество, смелость, организаторский талант. В центре покрытого лагерями Таймыра, в режимных зонах, окруженных автоматчиками, под прицелом пулеметов, они создали «республику заключенных», вступили в единоборство с огромной системой насилия и угнетения, с бездушной машиной террора. Это, безусловно, героизм, не меньший, чем на фронте.

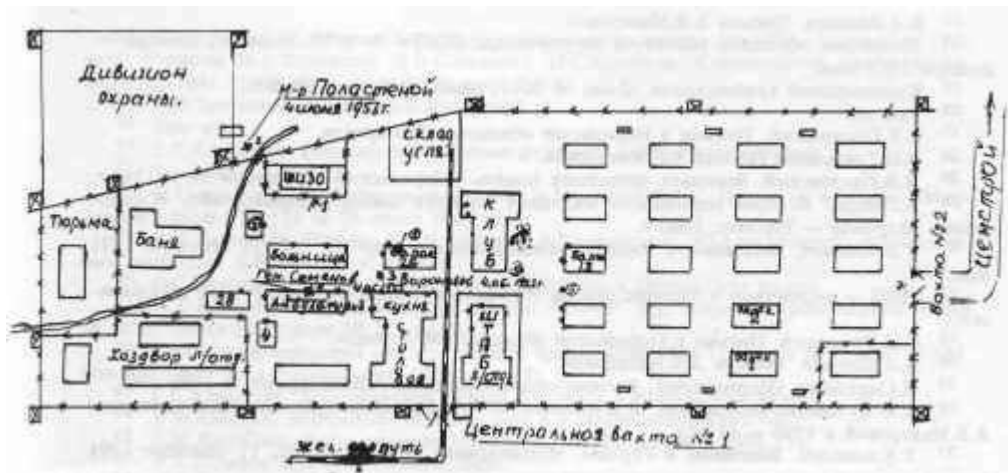
Отдельная, все еще мало изученная тема для нас — судьбы руководителей норильского восстания. Сейчас мы знаем десятки имен, а были их — сотни. За участие в норильском восстании каждый из них получил новый срок. Большинство до сих пор не реабилитировано. Норильский «Мемориал» ведет переписку с Б.А.Шамаевым, Л.В.Коваленко, Е.С.Грицяком, Г.С.Климовичем, И.Сметонене и другими руководителями норильского восстания, председателями и членами комитетов. Но остаются неизвестными дальнейшие судьбы Павла Френкеля, Ивана Касилова, Владимира Недоросткова, Павла Фильнева и многих других. Наши поиски и исследования продолжаются.

Если, по Димитрию Панину, «мир заключенных отображает советскую действительность, она же повторяет во многом жизнь за колючей проволокой», то перемены в зонах возможны лишь при изменении самого общества. Сейчас многое меняется в России. Не забудем же о тех, кто положил начало этому обновлению 40 лет назад лагерными восстаниями. Пророческий итог подведен строками «Гимна норильских заключенных»:

Из тьмы встает свободная держава.
Огни Норильска не погаснут в ней!

БОРИС ШАМАЕВ. Председатель забастовочного комитета в Норильске, 1953 г.
Рисунок Жака Росси, сделанный в Центральной тюрьме Александровска (Восточная Сибирь).

1. Место пролома забора ШИЗО
2. Место, где стоял майор Полостяной
3. Место где находился Воронцов
4. Место где находился генерал Семенов
5. Место где были убиты заключенные 4 июня 1953 года
6. Место хулиганской выходки майора Полостяного
- Места пробоя пуль на стенах зданий

ПЛАН 3-го (КАТОРЖАНСКОГО) ЛАГОТДЕЛЕНИЯ ГОРЛАГА В МОМЕНТ ВОССТАНИЯ
(был составлен членом комиссии заключенных А. А. Валуном)

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Норильский Мемориал» № 2, 1991 год. Под ред. Макаровой А.Б.
- 2 Д.Волгогонов. Триумф и трагедия. Журнал «Октябрь» № 9, 1989 г.
- 3 Д.Панин. Лубянка — Экибастуз. М., 1990 г., с. 475.
- 4 Д.Волгогонов. Триумф и трагедия. Там же.
- 5 Д.Панин. Лубянка — Экибастуз. М., 1990 г., с. 465 — 467.
- 6 Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
- 7 «Норильский Мемориал» № 2, 1991 год. Под ред. Макаровой А.Б.
- 8 В.Н.Третьяков. Письма в «Мемориал» (Норильский музей). П.Венгров. «Вестник института по изучению СССР» № 4/2, Мюнхен, октябрь — декабрь 1957 года.
- 9 Л.Ф.Суховаева-Волчанская. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1991 году).
- 10 «Норильский Мемориал» № 2, 1991 год.
- 11 В.Г.Воробьев. Воспоминания «Поздний реабилитанс». Журнал «Енисей» № 2, март-апрель 1991 года.
- 12 Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том II.
- 13 Там же. Показания Б.А.Евдокимова о восстании на Медвежке (1-е лаготделение Горлага).
- 14 Л.Л.Павлов. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1987 году). А.М.Любченко. Воспоминания (рукопись в Норильском музее). С.Г.Головко. Сопrotивление в ГУЛАГе (Воспоминания. Письма. Документы.), М., «Возвращение», 1992 г., с. 22 — 26.
- 15 Е.Грицак. История норильского восстания (краткая запись воспоминаний). «Смолоскип», Балтимор — Торонто, 1980 г.
- 16 Г.Климович. Восстание в Горлаге. «Независимая газета» № 107, 11 сентября 1991 года.
- 17 Ю.Лукшис. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1990 году).
- 18 «Норильский Мемориал» № 2, 1991 год. Под ред. Макаровой А.Б.
- 19 Л.Л.Павлов. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1987 г.).
- 20 С.Г.Головко. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1992 г.).
- 21 Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
- 22 Там же.

- ²³ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
²⁴ П.Венгров, «Вестник института по изучению СССР» № 4/25, Мюнхен, октябрь — декабрь 1957 года.
²⁵ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 6.
²⁶ Там же.
²⁷ Б.В.Павловский. Письма в Норильское общество «Мемориал».
²⁸ В.Н.Третьяков. Письма А.Б.Макаровой.
²⁹ Б.В.Павловский. Виновата тревожная память. «Норильский Мемориал» № 2, 1991 г.
³⁰ Е.Грицяк. История норильского восстания (краткая запись воспоминаний). «Смоло-
скип», Балтимор — Торонто, 1980 г.
³¹ Г.Климович. Восстание в Горлаге. «Независимая газета» № 107, 11 сентября 1991
года.
³² КиБЗ — кирпичные и блочные заводы управления подсобных предприятий в Нориль-
ске.
³³ В.Н.Третьяков. Письма в Норильское общество «Мемориал».
³⁴ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
³⁵ И.Сметонене (Мартинкуте). Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1990 г.).
³⁶ Л.Ф.Суховеева-Волчанская, Я.В.Малевиц, И.Улинаускайте. Воспоминания (записаны
А.Б.Макаровой в 1990 — 91 гг.).
³⁷ Г.Климович. Восстание в Горлаге. «Независимая газета» № 107, 11 сентября 1991
года.
³⁸ И.Улинаускайте. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1990 г.).
³⁹ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
⁴⁰ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁴¹ Б.С.Костинский. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1991 г.).
⁴² Там же.
⁴³ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том I.
⁴⁴ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁴⁵ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
⁴⁶ Б.Балайка. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1990 г.).
⁴⁷ Л.Трус. Лагерная экономика. Журнал «ЭКО» №№ 5 — 6, 1990 г.
⁴⁸ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том II.
⁴⁹ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁵⁰ ККГА. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
⁵¹ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
⁵² Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
⁵³ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
⁵⁴ Л.А.Пожарский. Карагандинский этап. «Звенья». Прогресс — Феникс — Атенеум. М.,
1991 г.
⁵⁵ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁵⁶ А.Макарова. Медвежка в июне 53-го. «Заполярная правда», 16 — 18 апреля 1991 г.
⁵⁷ С.И.Хаблак. Письма А.Б.Макаровой.
⁵⁸ Копия приговора судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда
в г. Норильске 17 — 24 июля 1954 года (по делу Б.А.Шамаева, И.Б.Воробьева, П.У.Тарков-
цаде, П.В.Миколайчука и А.Д.Игнатьева).
⁵⁹ Гимн участников норильского восстания написан Г.С.Климовичем после подавления
норильского восстания, в барже, увозившей в Красноярскую тюрьму комитетчиков и акти-
вистов Горлаге в августе 1953 года. Автограф автора — в Норильском музее.
⁶⁰ «Украинские мадонны». Газета «Життя и слово» за 19 марта 1991 года.
⁶¹ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁶² И.С.Касилов. Жалоба в Верховный суд РСФСР. Красноярский крайгосархив. Фонд
№ 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
⁶³ А.Б.Логинов. Лагерь есть лагерь, но... «Заполярная правда», ноябрь 1989 года.
⁶⁴ Б.С.Костинский. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой).
⁶⁵ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 6.
⁶⁶ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁶⁷ Там же.
⁶⁸ Там же.
⁶⁹ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том I. «Заполярная
правда», 16 — 18 апреля 1991 года.
⁷⁰ В.Н.Третьяков. Письма А.Б.Макаровой.
⁷¹ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
⁷² Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой. С.Г.Головко. Сопrotивление в ГУЛАГе (Воспо-
минания. Письма. Документы), М., «Возвращение», 1992 г.

- ⁷³ Г.Климович. Восстание в Горлаге. «Независимая газета» № 107, 11 сентября 1991 года. Допросы П.А.Френкеля, Л.В.Коваленко, И.С.Касилова. Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, тома I-II.
- ⁷⁴ В.Н.Третьяков. Письма А.Б.Макаровой.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ И.Сметонене. Мы были непокорными. И.Улинаускайте. ...Потому и выжила. «Заповилярная правда» № 123 за 28 июня 1990 года.
- ⁷⁹ В.Н.Третьяков. Письма А.Б.Макаровой. А.Крушавичюс, Ю.Алякнавичюс. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1990 г.).
- ⁸⁰ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
- ⁸¹ И.С.Касилов. Жалоба в Верховный суд РСФСР. Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
- ⁸² Норильский городской государственный архив. Фонд № р-11, опись № 1, дело № 345. Годовой отчет по капвложениям. 1953 г., на 91 л.
- ⁸³ Г.С.Климович. Воспоминания (копия рукописи в Норильском музее).
- ⁸⁴ И.И.Киселев. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1992 г.).
- ⁸⁵ А.М.Любченко. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1991 г.).
- ⁸⁶ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
- ⁸⁷ И.С.Касилов. Жалоба в Верховный суд РСФСР. Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том III.
- ⁸⁸ Б.А.Шамаев. Письма А.Б.Макаровой.
- ⁸⁹ Б.Н.Каширин. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1991 г.).
- ⁹⁰ К.И.Колесникова. Воспоминания (записаны А.Б.Макаровой в 1990 г.).
- ⁹¹ Красноярский крайгосархив. Фонд № 2041, опись № 1, дело № 3, том IV.

Примечания редакции*

Ограниченный объем журнальной публикации не позволил нам воспроизвести статью А.Б.Макаровой полностью. Нами опущено «Вступление», в котором автор перечисляет предшествующие публикации:

Пассэн Херберт. 96-дневная забастовка в норильских лагерях. In: Международный процесс против концентрационного режима. № 4, август — ноябрь 1955 г., на франц. языке (по воспоминаниям японских военнопленных).

Венгров П. О подпольных организациях в советских концентрационных лагерях в 1946 — 1954 гг. «Вестник института по изучению СССР». № 4/25, октябрь — декабрь 1957 г., Мюнхен (воспоминания венгра, фельдшера из 2-го лагпункта 1-го лаготделения).

Грицак Евген. Краткая запись воспоминаний (для себя самого). История норильского восстания. «Смолоскип». Балтимор — Торонто, 1980 г., с. 117

Бадаш Семен. Кольма ты моя, Кольма... Нью-Йорк, 1986 г. (глава 7 о норильском восстании/ опубликована в «Континенте» № 36, 1983 г.).

Дубицкий Б.П. Горячее лето 1953 года. «Звенья», Прогресс—Феникс—Atheneum, Москва, 1991 г., с. 562 — 570.

Пожарский Л.А. Карагандинский этап (глава из воспоминаний «Немезида приходит в Горлаг»). Там же, с. 571 — 576).

Трус Леонид. Лагерная экономика. «ЭКО» №№ 5 — 6, 1990 г.

Климович Григорий. Восстание в Горлаге. «Независимая газета» № 107, 1991 г.

Зверев В.С. Доклад на партактиве 16.01.53. О состоянии режима содержания в лагерях и трудового использования заключенных (совершенно секретно). Публикация «Норильского Мемориала» № 2, с. 22 — 25.

Добавим к этому списку то, что не было доступно автору или было опубликовано после написания статьи:

Шумук Данило. Пережитое и передуманное. Детройт, «Украинские вести» (на укр. языке), 1983 г., с. 536. Также его же «За східним обрієм (За восточным горизонтом)». Место публикации неизвестно (О норильском восстании в 3-ей штрафной зоне).

Бамбалс Айнарс. Норильск слезам не верит. Газета «Совершенно открыто» № 12, с. 10— 11; № 13, с. 12— 13, 1991 г., Рига. (По сведениям редакции статья написана на основании рукописи бывшей сотрудницы Норильского музея Дзюбенко Н.С., но без ссылок на нее).

«Дело» с материалами по ликвидации массовых неповиновений заключенных в Горном

* Составлены Н.Формозовым.

лагере МВД. Журнал «Криминал» № 2, 1991 г., с. 194 — 203.

Валюм Александр. В застенках ГУЛАГа (воспоминания, с предисловием Б.А.Шамаева). Газета «Даугавпилс Вестнесис 24 октября 1992 г. — 20 февраля 1993 г., №№ 9 — 24.

Куцай Степан. 3688 діб у Норильському ГОРлазі. «Біль» № 2, 1992 г.

Сопротивление в ГУЛАГе (письмо С.Головки, воспоминания В.Мишне). «Возвращение», Москва, май 1992 г.

Gleb Tomasz. Strasz Malgorzata. Czarne chorągwie. Karta № 8, 1992 г., с. 110— 130.

Стр. 78

* Этот вымысел оперетдела имеет длинную и трагическую историю. По сообщению Г.С.Климовича, как-то в Норильске незадолго до своего второго ареста Юрий Кнопмус рассказывал ему, будто французы Росси и Пети задумали собрать радио, чтобы связаться с международными правозащитными организациями, но были арестованы и не успели осуществить свой план. Вскоре и Кнопмус был арестован. Этот рассказ удалось проверить. Вот что написал Н.А.Формозову в письме от 28 ноября 1992 г. известный историк, автор «Справочника по ГУЛАГу» Жак Росси, о котором как раз и шла речь в сообщении Г.С.Климовича:

«...Сообщаю подробности относительно выдуманного капитаном госбезопасности Анатолием Арсеньевым радиопередатчика. Арсеньев, следователь 3 отдела Норилькомбината, подслал мне в/н водителя грузовых машин, Федорова, с ксивой от француза Франсуа Пети, работавшего на Медьстрое, Спецлаг, куда я не мог попасть. Записки и грев* стал носить Олег Бернгардович Петри, с которым мы пару лет провели вместе во 2-м лаготделении Норильского ИТЛ. Оказалось, что в/н инженер Петри как раз и имеет дела там, где работает мой земляк. Каждая моя записка и каждый ответ земляка Петри относил Арсеньеву, где освободившийся уже было Александр Николаевич Гари (бывший заграничный корреспондент «Известий», а в данное время старший работник Бюро технической информации Комбината) быстренько переводил на русский.

Я давал земляку (первому за сколько-то лет!) практические арестантские советы, стараясь поддержать морально и чуть материально. Земляк же просил организовать побег. Много позже я узнал, что он был окружен группой наседок.

Посадили меня в феврале 1948 года. Очная ставка была с Гари, но не с Петри. Земляк показывал все, что требовал Арсеньев. Пети попал во Францию на много лет раньше меня.

Вместе с моими 25 годами тюрзака я был завезен в Александровский Централ недалеко от Байкала, где уже было много норильчан...»

Ю.А.Кнопмус в 1951 году был осужден лагсудом Горного лагеря по статье 58-10-1 по статье 19-58-2-11 на 25 лет за то, что, как сообщают архивы ГУЛАГа (бывший ЦГАОР СССР, фонд № 9414, опись № 1, дело № 228, с. 14), «в 1948 году активно участвовал в организации восстания заключенных, имея намерение обезоружить охрану и захватить зону в свои руки». Фигурировала ли в этом дутом деле (по нему Юрий Альфредович уже реабилитирован) история с радио, мы не знаем. Но во время восстания в Кенгире, куда Кнопмус был этапирован вскоре после приговора, он возглавил отдел пропаганды восставших. По-видимому, именно ему принадлежала идея собрать передатчик, чтобы через Индию связаться с Англией. Многие участники восстания уверены, что передатчик работал. Но в докладной записке министру Круглову организаторов подавления кенгирского восстания — Егорова, Долгих и Бочкова подчеркивается (указ. дело, с. 281), что в зоне найден «недоделанный коротковолновый передатчик». Не исключено, что даже для высших чинов МВД и Прокуратуры признание, что из осажденного лагеря велась передача на Запад, было слишком опасным. Так или иначе, эта отчаянная попытка связаться с мировым сообществом была одной из причин смертного приговора Юрию Альфредовичу Кнопмусу. Он погиб 18 сентября 1956 года.

Стр. 86

* Тот же прием распространения листовок использовался и во время кенгирского восстания, правда, с меньшим успехом, сказывалась удаленность лагеря от поселка. Не участники ли норильского восстания принесли в Кенгир сведения об этом изобретении?

Стр. 88

* Данное сообщение не подтверждается другими источниками, в частности письмами и воспоминаниями Е.С.Грицяка, и потому нуждается в дополнительной проверке.

* Грев — продуктовая передача, кешар, всякая жратва, раздобытая внеплановым образом.— Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу: Лондон, 1987 г.

Александр Дугин

ВОССТАНИЕ В ОСОБОМ ГОРНОМ ЛАГЕРЕ*

В настоящей публикации собраны документы о восстании в норильском Особом Горном лагере. Ценность этих документов заключается в том, что они появились по горячим следам — по мере развития событий в Горном лагере.

Документы выявлены в специальных фондах Государственного архива Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР). Опушенная часть документов не содержит сколько-нибудь значительной информации.

Возьмем в руки два пожелтевших тома — на обложке читаем:

Тюремное управление МВД СССР
Оперативный отдел

Дело
с материалами по ликвидации
массовых неповиновений заключенных
в Горном лагере МВД.

т. 1, 2

Начато 28 мая 1953 г.

Окончено 20 января 1954 г.

Срок хранения — постоянно
(ГА РФ. Фонд № 9413. Опись № 1.
Дело № 158.)

*Что же происходило весной и летом 1953 года в Особом Горном лагере
МВД СССР?*

Итак, место действия — город Норильск.

Время действия — середина 1953 г.

Предоставим слово документам:

ДОКУМЕНТ № 1

Справка

о численности и составе заключенных по Горному лагерю
МВД по состоянию на 1 июля 1953 г.

Всего заключенных — 19545.

По срокам осуждения

Пожизненно	3
На срок 25 лет	4264
На срок 20 лет	2330
От 11 до 15 лет	2586

* Публикуемые документы переданы А. Дугиным редакции журнала «Воля».

От 6 до 10 лет	—	10358
Не освобожденные инвалиды	—	9

Начальник спецотдела
капитан

ГОРБИН 1

ДОКУМЕНТ № 2

Справка

о численности и составе заключенных по Горному лагерю
МВД на 16 июля 1953 г.

1-е лаготделение	—	2636
2-е	—	2739
3-е	-	4051
4-е	—	2966
5-е	-	1520
6-е	-	2901
7-е	—	2
8-е	-	1362
Лагпункт «Купец»	—	72
Лагпункт «Косой»	—	301
ШИЗО Норильского ИТЛ	—	15
Центральный штрафной барак	—	18
Центр. больница Норильского ИТЛ	—	9

Начальник спецотдела
Управления Горного лагеря
капитан

ГОРБИН2

ДОКУМЕНТ № 3

Справка

25 мая с.г. при этапировании заключенных 1-го лаготделения в 5-е отделение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Жигайлов и ранен заключенный Дзюбук.

Того же 25 мая при этапировании заключенных 4-го лаготделения в количестве 16 человек в 5-е отделение за неповиновение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Софроник Эмиль Петрович.

26 мая младший сержант Дятлов, 1931 г. рождения, призыва 1951 года, беспартийный, разводящий караул в производственную зону кирпичного завода, без всякого основания открыл автоматную стрельбу по заключенным, находящимся в жилой зоне 5-го лаготделения, в результате ранил 7 заключенных — Климчук, Медведева, Коржева, Надейко, Уварова, Юркевич и Кузнецова.

Эти факты озлобили заключенных 4-го, 5-го лаготделений в количестве 7000 человек, последние отказались выйти на работу, ведут себя крайне возбужденно, отказались выполнять распоряжение администрации лагеря, выставили категорическое требование о выезде московской комиссии...

27 мая 1953 г.

Начальник тюремного управления
МВД СССР
полковник

М.КУЗНЕЦОВ 3

Применение в лагере оружия против заключенных требует служебного разбирательства. И оно было проведено... почти через месяц.

ДОКУМЕНТ № 4

Заключение

о применении оружия сержантом 78 отдельного отряда Дятловым к заключенным 5-го лагерного отделения

гор. Норильск

Заместитель начальника оперативного отдела тюремного Управления МВД СССР полковник Громов, зам. начальника 1-го отдела тюремного Управления МВД СССР полковник Теплое и начальник тюремного отдела УМВД по Красноярскому краю подполковник Поленов, рассмотрев материалы расследования о применении оружия сержантом 78 отдельного отряда Дятловым, в результате чего были ранены 7 человек заключенных 5-го лагерного отделения,

НАШЛИ:

26 мая 1953 года сержант 78 отдельного отряда Дятлов, находясь у жилой зоны 5-го лагерного отделения Горного лагеря, заметил группу заключенных-мужчин, которые из зоны 5-го лагерного отделения вели разговоры с заключенными-женщинами 6-го лагерного отделения, находящимися в смежной производственной зоне Кирпичного завода.

Имея целью прекратить разговоры между заключенными мужчинами и женщинами, Дятлов предупредил их, однако заключенные, не выполнив требования Дятлова, начали наносить ему оскорбления.

Вместо того, чтобы вызвать лагерную администрацию и через нее прекратить нарушение лагерного режима со стороны заключенных сержант Дятлов применил оружие и очередью из автомата ранил 7 человек заключенных, один из которых будучи раненым умер.

ПОЛАГАЛИ БЫ:

За неправильное применение оружия и нарушение советской законности сержанта 78 отдельного отряда Дятлова привлечь к уголовной ответственности.

Подписи⁴

А что же происходило в эти последние майские дни в самом лагере? Случай беспрецедентный — началось массовое неповиновение заключенных: отказ от выхода на работу, отказ от приема пищи, организация групп самообороны, выявление «стукачей»...

ДОКУМЕНТ № 5

В 16 часов 29 мая в зоне 5 лаготделения было собрание, на котором все заключенные на обращение к ним, что с ними будет разговаривать по поручению МВД СССР прибывший зам. начальника УМВД подполковник Зверев, заявили, что они ни с кем, кроме как с представителями Москвы и в частности прокурора, разговаривать не будут. Несмотря на разъяснения все заключенные тут же разошлись по баракам.

Начальник Тюремного управления
МВД СССР
полковник

М.КУЗНЕЦОВ 5

ДОКУМЕНТ № 6

По состоянию на 6 часов утра 30 мая с.г. в 4, 5, 6 лаготделениях обстановка остается без изменений. Заключение из трех лаготделений по-прежнему никаких активных действий не проявляют, питание не принимают.

М.Кузнецов⁶

ДОКУМЕНТ № 7

По донесениям агента «Юрок» одними из руководителей волынки являются Омелянюк Владимир Яковлевич, 1922 г. рождения, уроженец села Тулечево Волынской области, осужден в 1944 году по статье 58-1а на 10 лет и Павлишин Лука Степанович, 1907 г. рождения, образование высшее, окончил Пражский университет, учитель, осужден по статьям 58-1а и 58-11 УК УССР на срок 25 лет.

М.Кузнецов⁷

Обстановка в лагере накалялась, заключенные продолжали голодовку, требуя приезда комиссии из Москвы. Но администрация пока надеялась справиться собственными силами.

ДОКУМЕНТ № 8

30 мая с.г. тт. Звереву, Семенову и Коваленко дано указание: заключенным, отказывающимся принимать пищу, питание не выдавать, что приведет к ослаблению их сопротивляемости и ускорит ликвидацию неповиновения. К отказчикам от работы физического воздействия не применять.

Перевод агентуры в лагерные отделения № 4, 5 и 6 из других лагерных отделений для разложенческой работы производить не следует, используя для этой цели проверенную агентуру из числа заключенных 4, 5 и 6 лаготделений...

Начальник Тюремного управления
МВД СССР, полковник

М.Кузнецов (8)

К 1 июня, несмотря на стремление лагерной администрации, неповиновение заключенных распространилось и на другие лагерные отделения. В жилые зоны были введены 200 офицеров, однако их усилия по прекращению волнений также оказались безрезультатными.

Через два дня — 3 июня в Москву была отправлена телеграмма следующего содержания:

ДОКУМЕНТ № 9

...Учитывая, что все ранее принимаемые нами меры результатов не дали, а местные условия не представляют возможности провести какие-либо другие мероприятия, которые бы обеспечили успешную ликвидацию сопротивления и наведение порядка в лагере, прошу направить комиссию из центра.

Заместитель начальника
Тюремного управления МВД
полковник

А.Клейменов⁹

Ситуация в лагере окончательно вышла из-под контроля администрации. Ежедневные доклады об обстановке в лагере стали похожи на сообщения с театра военных действий.

ДОКУМЕНТ № 10

Справка

По состоянию на 7 часов московского времени 3 июня положение в лагере следующее: 5-е лаготделение — заключенные никаких активных действий не проявляют, но внутренний распорядок не выполняют.

6 лаготделение (женское): заключенные начали принимать пищу. У столовой зачинщики сопротивления выставили пикеты и запрещают приходить желающим принимать пищу в столовой.

В 4 лаготделении внутренний распорядок выполняется, ведут себя настороженно, но активных действий не предпринимают.

В 1 лаготделении внутренний распорядок не выполняется, 1400 человек заключенных из зоны объекта и Медвежий Ручей не выходят.

Во 2 и 3 лаготделениях заключенные ведут себя спокойно, по оперативным сообщениям на работу не выводятся.

4 июня 1953 г.

А.Клейменов¹⁰

Но спокойствие в 3-м лагерьном отделении было кажущимся. Заключенные готовились к освобождению своих товарищей, находившихся в бараке усиленного режима (БУРе). Дальнейшие трагические события нашли отражение в деле.

ДОКУМЕНТ № 11

4 июня 1953 г. в 3-ем лаготделении заключенные-каторжане в 18 ч. 40 мин. взломали БУР и освободили 24 заключенных.

При освобождении пытались напасть на администрацию лагеря и солдат, забрасывали их камнями. В ответ на это было применено оружие, в результате 5 заключенных убито и 14 ранено.

А.Клейменов¹¹

Подробная информация о событиях в 3-м лаготделении изложена сухими строками материалов служебного расследования.

ДОКУМЕНТ № 12

Заключение

о применении **оружия** личным составом охраны в 3-ем лагерьном отделении 4 июня 1953 г.

26 июня 1953 г.

пос. Норильск

Заместитель начальника Оперативного отдела Тюремного управления МВД СССР полковник Громов, заместитель начальника 1-го отдела Тюремного управления МВД СССР полковник Теплое, начальник Тюремного отдела УМВД Красноярского края подполковник Поленов, рассмотрев материалы расследования по случаю применения оружия личным составом

4-го дивизиона войсковой части 7580 по заключенным в 3-ем лагерном отделении Горного лагеря МВД СССР,

НАШЛИ:

В июне 1953 года содержащиеся в штрафном бараке заключенные 3-го лагерного отделения из числа уголовно-бандитствующего элемента в количестве 24 человек, сговорившись между собой, решили прорваться в жилую зону лагерного отделения.

В этих целях 4-го июня 1953 года в 17 часов 30 минут заключенные в момент выхода их к врачу, воспользовавшись открытой дверью, оттолкнули надзирателя, выбежали в коридор, сбили замки с других камер и освободили из них заключенных. Затем, поломав нары и печи, вооружились досками и кирпичами и стали выламывать выходные двери штрафного барака.

Прибывший в штрафной барак с группой офицеров и надзирателей начальник 3-го лагерного отделения капитан Тархов потребовал от заключенных прекратить беспорядки и разойтись по камерам, но заключенные, не выполнив этого требования, забросали лагерную администрацию кирпичами и, выломав запасную дверь, выбежали в зону штрафного барака.

Для оказания помощи лагерной администрации по усмирению буйствующих заключенных и водворению их в камеры из 4-го дивизиона в зону лагерного отделения была введена оперативная группа невооруженных солдат численностью 60 человек во главе с зам. командира дивизиона майором Фоменко, которые, действуя совместно с лагерной администрацией, водворили этих заключенных в штрафной барак.

После неудачной попытки прорваться в общую зону, заключенные из окон камер штрафного барака стали кричать, что солдаты их убивают, призывая заключенных жилой зоны бить лагерную администрацию и оказывать им помощь в освобождении их из штрафного барака.

На эти призывы группа заключенных — каторжан численностью свыше 200 человек, подбежав к зоне штрафного барака, сломали деревянный забор и стали забрасывать находившихся там людей и офицеров камнями и кирпичами. В результате этого нападения девяти солдатам были нанесены побои. Пытавшемуся задержать этих заключенных и не допустить их к штрафному барачнику КВЧ лагерного отделения лейтенанту Безверхину также были нанесены побои заключенными.

Ввиду этого нападения заключенных солдаты и лагерная администрация вынуждены были отойти из зоны штрафного барака через основной забор в районе между 8 и 9 постами.

Во время выхода из зоны солдат и надзирателей группа заключенных до 500 человек, преследуя солдат, забрасывала их кирпичами, а отдельные заключенные призывали солдат стрелять в офицеров.

В момент нападения заключенных на охрану весь личный состав дивизиона был поднят по тревоге, а командирам команд и групп поставлена задача: оцепить зону цепочкой по всему периметру и в случае преодоления заключенными основного забора применять оружие.

Непосредственное руководство составом охраны на наиболее угрожающих участках зоны осуществляли: командир дивизиона майор Полостяной* и его заместитель майор Фоменко.

Когда преследуемые заключенными внутри зоны солдаты и надзиратели выбежали через основной забор за зону, большая группа заключенных в районе штрафного барака вплотную подбежала к предупредительному забору, и в этот момент солдаты в секторе между 8 и 9 постами без команды

* В других материалах его фамилия пишется Полостяной (*прим. ред.*).

открыли по заключенным огонь, чем остановили их нападение.

В этот момент в зоне лагерного отделения около больницы заключенные схватили проходившего оперуполномоченного лейтенанта Воронцова и, толкая его в спину, повели по зоне лагеря.

Увидев нападение на Воронцова, солдаты открыли по нападающим стрельбу. Воспользовавшись этим, оперуполномоченный Воронцов сумел освободиться от нападающих и выбежать за зону.

В результате применения оружия было убито 4 и ранено 14 заключенных, двое из которых, будучи ранеными, умерли в больнице.

Согласно ст. 1 п. «е» общих положений и ст. 106 Инструкции, объявленной приказом МВД СССР № 00398—1948 года, применение оружия по заключенным в сложившейся обстановке действительно вызывалось необходимостью. Однако, офицерский состав, в том числе и командир дивизиона майор Полостяной, в момент нападения проявили растерянность и недостаточную подготовленность к действиям по тревоге, в результате чего личный состав дивизиона действовал неорганизованно и допустил беспорядочную стрельбу.

ПОЛАГАЛИ БЫ:

1. Оружие по заключенным 3-го лагерного отделения Горного лагеря МВД СССР личным составом 4-го дивизиона воинской части 7580 применено правильно.

2. За необеспечение должного руководства личным составом дивизиона в период ликвидации нападения заключенных, в результате чего была допущена беспорядочная стрельба, командира 4-го дивизиона воинской части 7580 майора Полостяного с занимаемой должности снять и использовать с понижением.

Верно: оперуполномоченный 3 отдела

Тюр. упр. МВД СССР — майор Глазов

В архиве удалось обнаружить справки с именами погибших заключенных. Возможно, до сегодняшнего дня их родные и близкие и не догадывались, как погибли эти заключенные. Приводим полный текст справок.

ДОКУМЕНТ № 13

Справка

по личному делу заключенного Хомик А. Т.

Заключенный Хомик Андрей Тихонович, 1926 г. рождения, уроженец и житель села Волица Берестечковского района Волынской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Волынской области 11 мая 1945 г. по ст. 54-16 УК УССР осужден к 20 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении¹³.

ДОКУМЕНТ № 14

Справка

по личному делу заключенного Деркач И. С.

Заключенный Деркач Игнат Селиверстович, 1923 г. рождения, уроженец и житель Почаевского района Тернопольской области, украинец.

Военным трибуналом гарнизона гор. Чертков 24 — 25 мая 1940 г. по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.
4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении¹⁴.

ДОКУМЕНТ № 15

Справка

по личному делу заключенного Прокопчук Р. И.

Заключенный Прокопчук Роман Иванович, 1923 г. рождения, уроженец с. Пивча, Мизочского района Ровенской обл., украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Ровенской области 31 мая 1945 г. по ст. 54—1а УК УСССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении¹⁵.

ДОКУМЕНТ № 16

Справка

по личному делу заключенного Осташ Б. Н.

Заключенный Осташ Богдан Николаевич, 1925 г. рождения, уроженец села Ляцке-Шляхецке Пидгорное, Тысменецкого района Станиславской области, украинец, беспартийный.

Военным трибуналом войск МВД Львовской области 18 июля 1946 г. по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении¹⁶.

ДОКУМЕНТ № 17

Справка

по личному делу заключенного Попик И. И. . . .

Заключенный Попик Иван Иванович, 1925 г. рождения, уроженец и житель с. Крупско Николаевского района Дрогобычской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Дрогобычской области 28 апреля 1945 г. по ст. ст. 54-1а и 54-11 УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении¹⁷.

ДОКУМЕНТ № 18

Справка

по личному делу заключенного Прийдук И. А.

Заключенный Прийдук Иван Андреевич, 1921 г. рождения, уроженец, житель села Ценивка Козовского района Тернопольской области, одиноличник, с низшим образованием, беспартийный.

Военным трибуналом войск НКВД Тернопольской области 13 июля 1945 г. по ст. 54—1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лаготделении¹⁸.

5 июня в Горный лагерь прибыла специальная комиссия, из Москвы, которая начала свою работу с опроса заключенных.

ДОКУМЕНТ № 19

(Из отчета московской комиссии)

6 июня бригадой работников МВД СССР была проведена беседа с представителями 4-го лаготделения Горного лагеря. Вот что заявили заключенные: «...однажды нас троих закрыли в БУРе, куда пришел подполковник Сарычев, который заявил,— «что, гады, попались, мы перережем Вас». В тот же вечер «придурки» (т.е. ставленники администрации) в присутствии Сарычева избili нас железными палками».

«На морозе нам приходится быть по 14 часов, хотя рабочий день 10 часов. Старшина Михник заставляет садиться на снег, избивает, а капитан Налетов заявляет, что здесь нет Советской власти, она за тысячи километров...»

В 5-м лаготделении: «Администрация и охрана нарушают лагерные правила. Конвоиры убивают заключенных, убит бригадир Болтушкин, ранены женщины».

«Оперативные работники используют одних заключенных для того, чтобы очернить других. Лица, которые доносят, получают вознаграждение, и если нет материалов, они выдумывают их, чернят невинных людей, используются для избиений».

6-е (женское) лаготделение: «В нашем лагере в числе работающих за зоной женщин имеются лица, которые ранее предавали советских граждан и сейчас они преследуют нас (Мошталлер, Полцкова, Егорова, Волошук, Филимонова). Работая на строительстве аэродрома, многие женщины торговали своим телом, дабы иметь возможность существовать; в результате — бригада больных сифилисом. В прошлом году на 9 лагстрое и ныне на 64-м пикете на глазах у нас конвой расстреливал заключенных в зоне».

«Разрешить двадцатипятилетникам вольное поселение, общение с мужчинами. Женщины забираются на вышки к конвою, поэтому от конвоя у заключенных женщин есть дети».

«Питание плохое, не хватает даже хлеба. Выдают только по 700 гр. хлеба, хотя в нормах указано 800 гр.»

«На лицевом счете у нас есть деньги, однако нам их не выдают, если не выполнили нормы. В кино пускают только тех, кто выполняет нормы, с остальными же культурной работы не проводится».

Составил: зам. нач. 5 отдела

УМВД капитан

Ситов (19)

Интереснейший по своей уникальности документ обнаружен в одном из томов дела о восстании в Горном лагере — письмо генерала Семенова заключенному Воробьеву. Раньше генералы с рядовыми заключенными не переписывались.

ДОКУМЕНТ № 20

Заключенному Воробьеву

Мне поручено передать через Вас заключенным 3-го лаготделения следующее:

1. Просьба о выезде в Норильск Правительственной комиссии в Москву была сообщена немедленно.

Никакой комиссии больше из Москвы не будет, так как находящаяся здесь Московская комиссия в составе полковника Кузнецова, генерал-лейтенанта Сироткина и Киселева уполномочена решать по Горному лагерю все вопросы.

2. Из Москвы получено указание предложить заключенным 3-го лаготделения прекратить неповиновение и восстановить в лаготделении нормальный порядок.

При этом условии дается гарантия, что никто из заключенных никаким репрессиям за месячное неповиновение подвергаться не будет; больше того, если при Вашей личной помощи и помощи других (руководителей восстания.— А.Д.) — Шамаева, Король, Гуль, Вилюк, Тарковсади и др. будет восстановлен порядок, Московской комиссии поручено пересмотреть дела на перечисленных выше лиц в сторону сокращения сроков наказания.

3. Если Вы повинуетесь этому указанию, полученному Московской комиссией из Москвы, то Московская комиссия согласна завтра 9 июля в 12 часов дня встретиться с представителями заключенных 3 лаготделения в жилой зоне у центральной вахты, для решения всех просьб и ходатайств заключенных...

Генерал Семенов.

8 июля 1953 г. 16.00 (20)

Одновременно был составлен оперативный план, предусматривающий наведение порядка в 3-м лаготделении:

ДОКУМЕНТ № 21

План

мероприятий по ликвидации беспорядков в 3-м лаготделении
Горного лагеря

1. 10 июля 1953 г. в 14.00 выступить по радио перед заключенными 3-го лагерного отделения начальнику Горного лагеря МВД генерал-майору тов. Цареву.

Потребовать от заключенных 3-го лагерного отделения:

а) обеспечить беспрепятственный выход из жилой зоны всех инвалидов, подлежащих направлению на материк. Предложить инвалидам построиться у центральной вахты для этапирования в порт Дудинка, где уже стоит пароход «Мария Ульянова» под погрузкой;

б) немедленно снять флаги, вывешенные в лаготделении с провокационной целью;

в) немедленно снять вывешенные в жилой зоне все контрреволюционные лозунги и плакаты...

полковник
генерал-лейтенант
полковник
генерал-майор

Кузнецов
Сироткин
Киселев
Царев²¹

В числе других подлинных документов о выступлении заключенных в защиту своих прав имеется ответ из зоны 3-го лаготделения на предложения администрации.

ДОКУМЕНТ № 22

ПОЛКОВНИКУ КУЗНЕЦОВУ ГЕНЕРАЛУ ЦАРЕВУ И СЕМЕНОВУ

Ваши последние выступления по радио 10, 11 июля 1953 г. в силу своей несостоятельности не заслуживают никакого ответа.

Но вопреки Вашему клеветническому утверждению о том, что мы не хотим разрешить наших вопросов мирным путем, мы отвечаем:

1. Наш законный протест против произвола и беззаконий, чинимых над нами на протяжении ряда лет различными должностными лицами и лично Вами на протяжении месяца, Вы называете мятежом и бунтом антисоветского характера.

2. Цитаты из передовой статьи газеты «Правда» за 6 апреля с.г. автором которой является зам. Генерального прокурора СССР генерал-лейтенант Вавилов и цитаты из статьи зам. Министра юстиции СССР Кудрявцева, а также ряд других лозунгов, говорящих о справедливости Советских законов, охраняющих права Советских граждан, Вы называете антисоветскими лозунгами.

3. Тот факт, что нами вывешены траурные флаги в знак глубокой скорби об убитых во время обстрела зоны 3 и 4 июня 1953 г. наших товарищей, Вы называете действиями провокационного характера.

4. Наши листовки, не содержащие никакого призыва к каким-либо противозаконным действиям, с которыми мы обращаемся к полноправным гражданам Норильска с просьбой сообщить Правительству СССР о произволе над заключенными в Норильске и наши обращения к солдатам охранных войск, которых мы просим не стрелять в безоружных людей, спокойно ожидающих Правительственную комиссию,— эти листовки Вы называете агитационно-провокационными прокламациями.

5. По неизвестным нам причинам по Вашему указанию неоднократно отключалась и вчера отключена была вновь электроэнергия, что пагубно отражается на лечении больных и раненых и на работе пищеблока...

7. По неизвестным причинам на протяжении месяца Вы дважды снижали нам норму основного питания, а сегодня вообще не дали хлеба.

Вот далеко неполный перечень Ваших «благодеяний», которыми Вы пытаетесь разрядить обстановку, создавшуюся в лаготделении.

Кроме того, путем ложных обещаний, клеветы и угроз Вы принуждаете нас к тому, чтобы мы, пренебрегая элементарными доводами логики, поверили Вам, что все Ваши действия, перечисленные выше, направлены на улучшение нашего положения.

Вполне очевидно для всякого здравомыслящего человека, что Вам этого от нас не дождаться.

Еще раз заявляем Вам, что положение, созданное не по нашей вине в нашем лаготделении администрацией лагеря и командованием охранных войск и усугубляемое Вами,— может изменить только Правительственная комиссия, которую мы ждем и, верим,ждемся.

Заключенные 3-го л/о

11.07.195322

Напрасно ждали заключенные Правительственную комиссию. Как же развивались события в Горном лагере? Ответ на этот вопрос мы найдем в том же деле.

29 июня московская комиссия объявила о ликвидации 5-го лагерного отделения, переводе заключенных на девятую (пониженную) норму питания. Была предпринята попытка организовать внутри жилой зоны дополнительные ограждения. Возмущенные заключенные начали сопротивление, произошли столкновения с охраной. Вновь пролилась кровь: 11 заключенных было убито, 36 — тяжело ранено (12 из них затем скончались)... Имена погибших, к сожалению, установить пока не удалось.

Чем же закончилось выступление заключенных в Горном лагере? Читаем один из последних документов дела:

ДОКУМЕНТ № 23

Министру внутренних дел Союза ССР
генерал-полковнику тов. Круглову С. Н.

Докладная записка

о работе комиссии МВД СССР в Горном лагере гор. Норильск

1. Оперативная обстановка в Горном лагере к моменту прибытия комиссии.

На 5-е июня 1953 г. из имеющихся в Горном лагере 6 лагерных отделений заключенные прекратили работу и проявляли массовое неповиновение лагерной администрации в пяти лагерных отделениях, в которых содержалось 16378 заключенных.

...28 мая на работу не вышло 6-е женское отделение в количестве 3015 заключенных.

Заключенные 4, 5 и 6 отделений 28 мая от приема пищи отказались, требуя приезда Московской комиссии.

31 мая все заключенные пищу начали принимать.

1 июня заключенные 1-го отделения отказались от работы. 5 июня 1953 года заключенные 3-го отделения не вышли на работу.

Таким образом к моменту приезда Московской комиссии, т.е. 5 июня в пяти лагерных отделениях Горного лагеря, за исключением 2-го лагерного отделения, заключенные на работу не выходили и лагерной администрации не подчинялись...

5 июля неповиновение заключенных в 4-м отделении было полностью ликвидировано.

7 июля по местной трансляционной сети начал выступать полковник Кузнецов, который объявил заключенным-женщинам о безнадежности продолжать волынку, что продолжение неповиновения влечет за собой усугубление ответственности...

В ответ на все это заключенные-женщины собрались в центре жилой зоны вокруг трех барачков, на которых висели черные флаги и, взявшись за руки, организовали сплошное кольцо в четыре ряда и начали кричать, свистеть, выть. Это продолжалось в течение 5 часов.

Видя, что заключенные не выходят, а желающих выйти за зону, поместили внутрь этого живого кольца, комиссия МВД СССР приняла решение рассеять заключенных водой, для чего за зоной были установлены три по-

жарных автомашины и через ограду протянуты пожарные рукава, после этого была пущена вода сначала в 3 атмосферы, затем напор воды увеличился до 8 атмосфер. Сначала заключенные на пущенную воду не обращали никакого внимания и продолжали стоять, но когда напор воды достиг 8 атмосфер, живая цепь из заключенных дрогнула и стала пятиться от струй воды, в это время в жилую зону было введено 100 надзирателей и солдат без оружия, которые буквально растаскивали заключенных и выводили за зону, таким образом заключенные были все выведены за зону. Некоторые оказывали упорное сопротивление, таких солдатам и надзирателям пришлось за зону выносить на плечах. За зоной все заключенные беспрекословно подчинялись требованиям охраны, были разбиты на группы по 100 человек и под отдельными конвоями разведены по тундре, где производилась проверка и изъятие организаторов, руководителей, активных участников и подстрекателей волынки. Всего изъято было 1000 человек, которые были помещены в отдельное помещение за жилой зоной. После этого все остальные заключенные были водворены обратно в жилую зону.

Таким образом, волынка заключенных и 6-м женском лаготделении была ликвидирована, т.е. волынка заключенных в Горном лагере, за исключением 3-го лагерного отделения (каторжан) была полностью ликвидирована.

В результате проведенных мероприятий во всех лагерных отделениях Горного лагеря было изъято 2920 заключенных, активно участвовавших в волынке. Из числа изъятых заключенных 45 человек арестованы как организаторы саботажа и 365 активных участников и подстрекателей оформлены для водворения на тюремный режим, 1500 заключенных переведены для дальнейшего содержания в Береговой лагерь гор. Магадан. Остальные 1010 изъятых заключенных размещены отдельно от всех других в двух вновь организованных лагерных пунктах...

полковник	М. Кузнецов
генерал-майор	А. Сироткин
полковник	А. Киселев
полковник	Г. Громов
полковник	Ф. Теплов
полковник	В. Михайлов
подполковник	В. Краюхин
майор	А. Богданов

1 сентября 1953 г.²³

Так завершилось одно из первых крупных выступлений заключенных ГУЛАГа.

ИСТОЧНИКИ

¹ ГА РФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 98.;	¹³ Там же. Л. 141.
² Там же. Л. 97.;	¹⁴ Там же. Л. 142.
³ Там же. Л. 6.;	¹⁵ Там же. Л. 143.
⁴ Там же. Л. 180.;	¹⁶ Там же. Л. 140.
⁵ Там же.;	¹⁷ Там же. Л. 144.
⁶ Там же.;	¹⁸ Там же. Л. 139.
⁷ Там же. Л. 28.;	¹⁹ Там же. Лл. 56 - 60.;
⁸ Там же. Л. 18.;	²⁰ Там же. Лл. 103, 103об.;
⁹ Там же. Л. 22.;	²¹ Там же. Лл. 68 - 73.;
¹⁰ Там же. Л. 37.;	²² Там же. Лл. 91.
¹¹ Там же. Л. 39.;	²³ Там же. Лл. 162 — 180.
¹² Там же. Лл. 149 — 152.;	

Из письма
Семена Зиновьевича **Бомштейна** (1911—1989)
Григорию Сергеевичу Климовичу

28 ноября 1986 г.

...К сожалению, я уже начинаю чувствовать ухудшение здоровья. Подводит, как говорил Высоцкий, «дыхалка», поэтому бегать ни кросс, ни трусцой я уже не могу — отбегался.

Не знаю, в какой степени могу я помочь тебе, хотя день 25 мая 1953 г., да и последующие сохранились в моей памяти. Думаю, что тебе нужно отобразить этот день как следствие события 5 марта: всенародный вздох облегчения и, с другой стороны, тревогу ЧК, которая понимала, что для нее должен наступить час расплаты. Иных методов, как репрессии, в арсенале ЧК никогда не было, а несколько свободный дух ЗК давал полную возможность применить старые испытанные методы.

Не знаю, насколько это правда, но говорили о том, что солдат, пристрелявший ЗК, получил месячный отпуск за бдительность. Во всяком случае, в начале апреля на рабочем месте у меня на участке был застрелен работяга солдатом с вышки. В ответ на мои возгласы он довольно «лыбился» и не давал подойти к убитому. А этого пожилого человека я поставил складировать разобранные леса. В эти же дни был убит бригадир с IV вашего л/п Лешка Болтушкин» который зашел на женскую вахту и попросил нач. конвоя пропустить его к жене. Двумя выстрелами в спину из пистолета тот ошел на просьбу. Все это не могло быть самодеятельностью, и понятно, что какое-то указание свыше было.

Это же подтверждается событиями 25 мая. День был на удивление солнечным, и ЗК, пришедшие с 1-й смены, пообедали и сидели грелись на завалинке барака. Метрах в 50 от барака находились вторые ворота с калиткой, через которые никто не ходил. Внезапно в калитке показался нач.

конвоя, который дал автоматную очередь по бараку. Три человека были убиты.

Эта акция вызвала такой яростный взрыв, который обратили в первую очередь на стукачей. Я видел искаженное от страха лицо молодого парня Абрамова, за которым с воем гналась толпа эзков с топорами. Единственное спасение от толпы была запретка, но как только он вскочил в запретку — был убит выстрелом с вышки.

С этих событий и началась «волынка», как она официально названа в соответствующих документах.

На другой день, 26 мая, на утренний развод не вышел ни один человек. Ночную смену с работы в зону уже не ввели, и жрать им доставили в рабочую зону. Черные флаги появились на бараках, а затем и в рабочей зоне на кранах. С рабочей зоны затем привели работяг. Сразу же была усилена самодеятельная охрана, не пускавшая ЧК в зону. Это оказалось своевременным, так как стукачи с целью провокации внутренних беспорядков хотели поджечь продсклад. Подробностей я не знаю, но это факт.

Мы заявили зверевской банде, что разговаривать будем только с комиссией из Москвы, и 7 июня такая КОМИССИЯ прибыла. Как они представились: нач. Упр. тюрем полковник Кузнецов и нач. Упр. конвойных войск ген.-лейтенант Сироткин. Был вынесен стол, покрытый красной скатертью, и установлен метрах в 100 от вахты, за которым они расселись. Сначала рядом с ними стоял генерал Зверев, нач. Горлага, но мы потребовали убрать его, что и было выполнено. Нас собралось несколько тысяч человек, и, естественно, Кузнецов сказал, что в такой обстановке мы ничего решить не сможем. Он предложил встречу в помещении с выборными представителями, которые предъявят свои претензии от имени эзков.

Спустя пару часов, нас человек 10 (из которых я помню только Мишку Марушко)* собрали и повели разговор. Свое вступительное слово Кузнецов начал с того, что предупредил, что его послал Лавр. Павлович разобраться в происходящем. «Я человек практичный и сразу же удовлетворю ваши претензии, решение которых находится в моей власти. То, что не смогу решить самостоятельно, передам в Москву, но с условием, что завтра же вы возобновите работы на стройке».

Я помню, что выступал каждый из нас, заявляя наши претензии, часть из которых была удовлетворена сразу же. Он разрешил снять номера с одежды и решетки на окнах бараков. Пообещал пересмотреть расценки и зарплаты эзков, так как вольные получали зарплату за работу, выполняемую эсками. Отклонил соединение мужских лагерей с женскими. В общем, разговор был дружелюбным, и на наше заявление о том, что после его отъезда Зверев подвергнет нас, пришедших к нему, репрессиям, дал свой московский адрес и пообещал покровительство.

8 июня работы возобновились, все поуспокоилось, и ничто не предвещало грозы. Мы не знали, что сразу же по приезду Кузнецов приказал оборудовать тюрьму в какой-то землянке, в которой впоследствии, 1 июля, мы все очутились.

25 июня утренняя смена работают была остановлена недалеко от лагеря (нам, оставшимся в зоне, было отчетливо видно через проволоку). За столом расселась администрация Горлага во главе с Кузнецовым, рядом стояли какие-то эзки (очевидно, стукачи), и начали делить общую колонну на 3 части (направо — в тюрьму, налево — в другой лагерь, прямо — на работу). Тут-то мы поняли все лицемерие Кузнецова с компанией и на работу больше не выходили. В лагерь не пускали никого, даже камнями забросали Куз-

* Михаил Марушко — член ОУН, расстрелян в 60-е годы в одном из лагерей Коми АССР

нецова, который хотел пройтись по лагерю.

Из Красноярска были вызваны конвойные войска, окружившие лагерь. Были установлены громкоговорители, через которые уговаривали нас покинуть зону и выйти за вахту. Некоторым, у которых срок кончался, разрешили покинуть лагерь. Кое-кто рванул на вахту. Основная же масса на провокации не поддавалась.

Первая попытка 30 июня солдат войти в лагерь ничего не дала — солдаты были оттеснены, но не стреляли и ушли за зону. А нас всех мучил один вопрос: будут солдаты стрелять или нет? На этот вопрос никто не мог дать ответа, хотя каждый понимал, что так дальше продолжаться не может и единственный выход у Кузнецова — это применить оружие.

Мы могли прекратить забастовку и предотвратить расстрел, но многие ребята (я хорошо помню несколько литовцев) заявили: «Мы идем на смерть». Это не слухи и не анекдот — было маленькое совещание, на котором эти слова были произнесены. К сожалению, фамилии погибших у меня стерлись из памяти, но литовцы своих друзей, очевидно, помнят.

Утром 1 июля во многих местах была разрезана проволока, солдаты так же, как и накануне, вошли в зону и в ответ на натиск толпы заключенных открыли стрельбу, стреляли также и пулеметы с вышек.

Когда мы выходили за зону, этих убитых мы видели. Меня и Павла Фильнева (хирург-москвич) назвали руководителями «волянки» и, выделив из всей массы, повели в тюрьму.

Вот вкратце я описал события, хотя, если б мы встретились, я бы мог тебе более детально рассказать о них.

Мне написать трудно, так как внутренний мир их мне неизвестен. Несмотря на то, что ко мне относились с уважением, национальность все-таки служила некоторой преградой к более тесным взаимоотношениям. Все это были надежные и стойкие люди. Да ты их знаешь, наверно, лучше меня,

кто чем дышал. Конечно, Славку Нагуло* не поставишь рядом с Мишкой Марушко. Разные люди, разное воспитание, разные понятия. Славка был и остался советским парнем, мечтающим вернуться к своей маме — учительнице в Новгород-Сиверск[ий]. О чем мечтал Павлишин** и пр., ты сам знаешь. Конечно, пока это утопия.

Мне очень хочется почитать то, что уже тобой написано, но, ты прав, мало шансов на то, что мы встретимся

в ближайшее время. Думаешь ли ты размножить хотя бы на машинке, чтоб можно было почитать и высказать свое мнение? Что ж, поживем — увидим, как все сложится. А ты не хворай, крепись.

Будь здоров, жму лапу.

Привет твоим от меня и моей семьи.

Семен

* *Вячеслав Нагуло* — один из организаторов отпора уголовникам в Стешите. Среди последних появился термин «нагуловщина».

** *Лука Павлишин* — профессор, член ОУН.

Татьяна Исаева

ВОРОБЕЙ

Через 33 года я вернулась в Магадан. И вот иду к тому месту, где был мой дом. Вроде что-то знакомое... Завод... Через дорогу должно быть Марчеканское кладбище. Спрашиваю стариков — они должны знать. Все правильно.

На месте моего маленького домика стоит многоэтажный дом. Какой низкий забор у завода! И нет наверху колючей проволоки, и вышки нет. Совсем рядом школа, но теперь там два здания — это школа-интернат. И вход почему-то не там. Покрутившись вокруг нее, сообразила: вход в новом здании, построенном позже. Из окон моего класса было видно, как внизу работали заключенные.

Остановка автобуса. Отсюда меня возили в Марчекан. Подходил автобус, открывались двери, и водитель говорил: «Пожалуйста на работу в детский садик». Там были деревянные тротуары, под ними журчали ключи. А сейчас кругом асфальт, но через дорогу — те же маленькие домики, что были тогда. Но прохода к морю нет; все застроено, загорожено.

Колымская трасса... Вдоль дороги — высохшие лиственницы — может, от выхлопных газов?

Ягодное. И сразу же охватывает чувство умиротворения, покоя. Ощущение такое, будто я здесь жила и остался дом, который меня ждет... Но ведь не было этого, не было! Никогда я здесь не была. Мама сидела в Ягоднинском изоляторе после второго ареста. А я родилась на Левом берегу год спустя.

Свой срок мама отбывала в совхозе Эльген. Поваленные столбы с остатками колючей проволоки. Через дорогу — детское кладбище, затянутое болотом. Там, где был детский комбинат, живут люди. Хорошо сохранился «хитрый домик», где сидел «кум». Сейчас там комиссионный магазин.

Директор школы рассказала мне, что, когда она приехала в Эльген, обратила внимание на то, что у собак шерсть растет клочьями, и решила, что это стригущий лишай. Сразу же подняла крик, что собак надо изолировать, детей, которые с ними общались, — изолировать тоже. Жители Эльгена флегматично объяснили, что это они так специально собак постригли, чтобы их на шапки не пустили.

Тогда она выбрала литературу для классных часов и стала читать рассказы о «братьях наших меньших». Дети слушали внимательно, заинтересованно, — вроде бы нехорошо собак есть. А потом к ней подошли старшечки и сказали:

— Светлана Васильевна, мы понимаем, зачем вы рассказы читаете, а

вы знаете, что на днях работники исполкома устроили шашлык? Так вот, половина мяса была говядина, половина — собачатина.

Эльгенские псины сначала от меня шарахались, но после того, как я им объяснила, что шкуры их мне без надобности, начали прыгать и вилять хвостами.

Меня попросили привезти ветки стланика. Наломала их на Ягодининском перевале. В Москве подарила мамину книгу, изданную в Магадане, и ветку одному человеку.

— Это стланик с Ягодининского перевала.

— Меня там расстреливали,— сказал он.

* * *

По дороге в Магадан остановка на Левом берегу. Здесь я родилась. Меня увезли в Магадан совсем маленькой, осталось одно смутное воспоминание. Лето, луг. Я хотела поймать бабочку, а она улетела по другую сторону колючей проволоки. Потом пошел дождь.

Здесь, в больнице, работал Варлам Тихонович Шаламов. Мама привезла на прививку мою сестру, так они и познакомились. И никого уже нет в живых: ни Варлама, ни мамы, ни сестры.

Я снова в Магадане. До отлета на материк осталось совсем немного. Спускаюсь к бухте Нагаева. Все тот же «шанхай», но среди маленьких домишек высятся многоэтажные дома. Охотское море такое же серое, хмурое, и также играют дети на берегу.

А на одной из центральных улиц я увидела воробья. Мне еще раньше писали, что сравнительно недавно в городе появилась их популяция. Когда я училась здесь, на уроке нам дали задание, в слове «в.р.бей» проставить гласные. Мы этого сделать не смогли. Тогда учительница большими буквами написала на доске ВОРОБЕЙ. Мы хором спросили:

— А что это такое?

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

I

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ «ВОЗВРАЩЕНИЕМ»

1. «Доднесь тяготее». Выпуск 1. Записки вашей современницы (фрагменты воспоминаний 23 узниц советских лагерей 1922 — 57). «Советский писатель». 1989 г. **586** стр.
2. **Сопrotивление в ГУЛАГе**. Сборник. Воспоминания, письма, документы. 1992. 240 стр.
3. Ада Федерольф. **Пошли мне сад**. Воспоминания. 1993. 36 стр.
4. **Рябину рубили...** (Воспоминания о Марине Цветаевой). 1993. 36 стр.
5. Марина Цветаева. **Осень** в Тарусе. Стихи. 1993. 32 стр.
6. Израиль Мазус. **Где ты был?** Роман. 1993. 160 стр.
7. **Заполярная точка ГУЛАГа**. Сборник воспоминаний. Возвращение — Нижнеколымский музей народностей Севера. 1993. 56 стр.

II

ПОЭТЫ — УЗНИКИ ГУЛАГа: Малая серия

В каждом из сборников этой серии представлено творчество репрессированного поэта как до ареста, так и в заключении и после освобождения (если он до него дожил). Объем каждого сборника — 36 страниц небольшого формата. Тираж: 300 — 500 экземпляров.

1. Елена Ильзен (Грин). **Стихи**.
2. **Соловецкая муза** (стихи и песни заключенных Соловецкого лагеря).
3. Ольга Адамова-Слиозберг. **Путь**.
4. Сергей Бондарин. **Тебе дается день**.
5. Юрий Стрижевский. **Колючие снега**.
6. Анна Баркова. **Герои нашего времени**.
7. Александр Чижевский. **Бесконечности**.
8. Михаил Фроловский. **Северная весна**.
9. Нина Гаген-Торн. **Отражения**.
10. Владимир Муравьев. **Элегии и баллады**.
11. Семен Виленский. **Каретный ряд**.
12. **Колымский этап** (коллективный сборник).
13. Платон Набоков. **Россия через метель**.
14. Елена Владимирова. **Мы живы, товарищ...**
15. Андрей Загряжский. **Кремнистая стезя**.
16. Анастасия Цветаева. **Тетрадь Ники**.
17. Виктор Васильев. **Сполохи**.
18. Надежда Надеждина. **Огонь негасимый**.
19. Андрей Обросов. **Беглец**.
20. Лазарь Шерешевский. **Колесо**.

Первые двенадцать из перечисленных сборников, вышедших ко времени проведения в Москве 1-й международной конференции «Сопrotивление в ГУЛАГе» (19— 23 мая 1992 г.), были розданы участникам конференции. Серия «ПОЭТЫ — УЗНИКИ ГУЛАГа» — продолжающееся издание.

Редактор и составитель — *Заяра Веселая*.

III

ВЫЙДУТ В 1993 ГОДУ

1. «Доднесь тяготееет». Выпуск 2. Колыма (фрагменты воспоминаний).
2. Соппротивление в ГУЛАГе. Выпуск 2.
3. Марк Янсен. Суд без суда (процесс эсеров 1922 г.). Историческое исследование. *Перевод с англ*
4. Ольга Адамова-Слиозберг. Путь (воспоминания).
5. Ирина Маевская. Вольное поселение (воспоминания).
6. Амаяк Тер-Абрамянц. Витраж. Рассказы.
7. Юрий Домбровский. Стихи.
8. Владимир Полуэктов. Взгляд в прошлое (воспоминания),
9. Анна Ворст. Конец секретной службы Или: Жива ли штати? Документальное повествование. *Перевод с нем.*
10. Вилен Разин. Строка в амбарной книге. Повесть.
11. Нина Гаген-Торн. Мемога (записки независимого человека)
12. Голоса. Сборник воспоминаний. *Перевод с франц.*
13. Вероника Знаменская. Боль памяти (воспоминания).
14. Валентина Ивлева. Судьба (воспоминания).
15. Альманах «Китеж». Произведения писателей — узников ГУЛАГа.
16. Елена Новикова, Людмила Новикова. Два детства (воспоминания).
17. Вацлав Дворжецкий. Пути больших этапов (воспоминания).
18. Аделаида Герцык. Сочинение в двух томах (издается совместно с музеем Марины Цветаевой).
19. Исаак Фильштинский. Мы шагаем под конвоем. Записки лагерника.
20. Михаил Король. Из писем и дневников.
21. Александр Воронский. За живой и мертвой водой (автобиографическая повесть).
22. Ада Федерольф. Рядом с Алей (воспоминания).
Ариадна Эфрон. Мироедиха (устные рассказы, очерки, письма).
23. Судьбы крестьянские (сборник воспоминаний).
24. Михаил Шнейдер. Записки чекиста-оперативника.
25. Зоя Марченко. Так было... (воспоминания)
26. Мира Яковенко. Агнесса. Роман.
27. Заяра Веселая. 7-35 (воспоминания).

IV

КНИГИ, КОТОРЫЕ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕМ»

1. Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу в двух томах. Москва. Изд. «Просвет». 1991 г. 541 стр.
2. Андрей Сахаров. Тревога и надежда. Москва. Изд. «Интер-Версо», 1989 г. 336 стр.
3. Сергей Снегов. Язык, который ненавидит. Москва. Изд. «Просвет». 1991 г. 231 стр.

Издательство «Возвращение»
Россия, Москва, 103062
а/я 96

стосковалась по возможности общения, так рада встретить человека, говорящего по-французски...

И я узнаю ее историю. Ее родители жили в Париже. С тех пор как Грузия стала советской, они отрезаны от родины. Дети: она и брат — выросли во Франции. Но они не забыли Грузию. Отец ее инженер, но его вторая специальность, его любовь — история Грузии. Он сумел внушить эту любовь своим детям. Она, Лалико, вышла замуж за грузина, который тоже мечтал увидеть родину.

Когда они прочли призыв Советского правительства к эмигрантам — «Родина прощает вас — возвращайтесь!» — они решили ехать. Отец мечтал вернуться к своей работе над «Витязем в тигровой шкуре», он рвался к тбилисским архивам и летописям. Она оживилась, рассказывая, что отец нашел данные об исторических источниках знаменитой поэмы Шота Руставели. Их надо проверить. А ей и мужу страстно хотелось увидеть неведомую родину. Напрасно мать говорила, что не ждет добра от этого переезда, ее не хотели слушать. Отец шутил над ее страхами, все смеялись. И вот все сделано. Они получили паспорта, все ликвидировано, они радостно собираются, а мать... В последний день мать покончила с собой, оставив записку, что у нее нет сил увидеть и пережить страдания, которые, она уверена, ждут семью. Они были потрясены. Но уже нельзя было остановиться, получены паспорта, отправлены вещи. Похоронив мать, они поехали. Отец, муж, она и двое их мальчиков. Родные в Тбилиси встретили их как-то странно: с радостью, но и с каким-то ужасом.

Они не понимали почему. Через несколько месяцев поняли: сначала арестовали отца, а потом мужа и ее. Дети у каких-то родных, у кого, она даже не знает. О муже узнала, что ему дали лагеря. За него она меньше беспокоится. Он молодой, крепкий. Но отец ее стар, потрясен смертью жены, винит себя во всем, что случилось с ними, он не выдержит...

Она умела держать себя в руках, эта изящная, хрупкая женщина, рассказывала без рыданий, спокойно и сдержанно. Я понимала, чего стоит это ей. Мы заснули только под утро.

А днем меня вызвали на этап. Уходил для меня в прошлое «Темниковский заповедник» — так значилась на картах зона Темниковских лагерей. Впереди был долгий и трудный этап в ссылку. Лалико ожидала этапа на какой-то из ближних лагпунктов. Встретит ли она кого-нибудь из своих?

Жермена Тильон РАВЕНСБРЮК*

В начале 1944-го лагерю Равенсбрюк было уже четыре года. Позади у него долгое, полное преступлений прошлое.

Об опытах на людях в Равенсбрюке мы услышали еще в карантине, сразу после прибытия в лагерь. Потом много говорили об этом с нашими подругами-«кроликами», которых содержали в том же, 32-м, блоке, что и нас. Суды над врачами лишь подтвердили точные данные, навсегда оставшиеся в памяти узниц. Уже после освобождения в 1948 году в Париже я помогла Нине Ивановской привести в порядок ее воспоминания, тем самым мы запечатлели в письменном виде «устную науку тюрьмы»...

Тотчас после «операций» польские узницы Равенсбрюка узнали, что стали «подопытными кроликами» для хирурга-эсэсовца с мировой известностью: профессора Карла Гебхардта, друга детства Гимлера и руководителя роскошной клиники в Гогенлихене, предназначенной для бонз третьего рейха. Клиника находилась неподалеку от Равенсбрюка. Жертвами этого знаменитого профессора были, в основном, юные студентки из Люблинского университета в Польше; даже гимназистки, еще не вышедшие из детского возраста.

С первого дня наши подруги-«кролики» полностью доверяли нам, мы отвечали тем же. Когда им удалось украсть в душевой фотоаппарат с неиспользованной пленкой и заснять свои изуродованные ноги (они понимали, что будут уничтожены, и хотели, чтобы остались улики), то доверили катушку мне.

Первыми узницами Равенсбрюка были заключенные из Германии, потом из Австрии, затем из Чехословакии и Польши. Те из них, кому удалось выжить, занимали в 1944 году важные места в лагерной «параллельной иерархии». Некоторые из них злоупотребляли этой властью. Непрерывно сталкиваясь со смертельным риском, приобрели навыки опытных крыс, наблюдали за нашими охранниками, как за микробами.

Стаж и умение писать по-немецки обеспечивали им место в первых блоках, соответственно чистую одежду, воду для мытья, кровать с простыней и одеялом, нормальное лечение в случае болезни, кое-что дополнительно к пищевому рациону. Кроме того, они могли устроиться так,

* Фрагменты из книг «Равенсбрюк» и «Никто из нас не вернется» включены в сборник «Голоса», подготовленный к изданию московским историко-литературным обществом «Возвращение».

чтобы получать посылки, старшие эсэсовцы знали их в лицо и не спускали на них собак, приученных рвать заключенных.

В канцеляриях комендатуры, ревира, политического отдела и отдела труда лагерники, именуемые секретарями, подсчитывали зарплату эсэсовцев и всевозможные доходы, сортировали досье, вели статистику, печатали и читали корреспонденцию, за исключением писем со специальной пометкой. Другие секретари обходили утром и вечером все блоки (в том числе, в 1945 году, блоки малого лагеря истребления в Укемарке), чтобы составлять списки живых, номер за номером, и подсчитать умерших. Эти данные переносили в списки пяти типов, которые ежедневно велись в четырех вышеупомянутых службах.

Списки пятого типа велись ежедневно в крематории заключенными-мужчинами, присланными из соседнего мужского лагеря...

В обычное время новости передавались внутри узких групп, но когда угроза или скандал достигали особого размаха — уничтожение и эксперименты над заключенными в 1942 и 1943 годах, случаи уничтожения в газовой камере в 1945 году, — тысячи пар глаз, неотступно устремленных на эсэсовцев, фиксировали буквально все. Затем начинался обмен сведениями.

В лагере Равенсбрюк, маленьком зловещем городе с его почти пятидесятитысячным населением, источником информации служили также полторы тысячи охранников и охранниц.

И те, и другие часто переводились из лагерей на Западе в лагеря на Востоке, они не могли не знать о многочисленных зверствах. Несмотря на приказ молчать, молчали не все. Особенно если среди заключенных попадались молодые, красивые и умные соотечественницы, которых они встречали каждый день, хотя и действовал суровый приказ Гимmlера, предписывавший не сближаться с ними...

Возьмем для примера лишь один день, когда были казнены наши подруги, служившие в английской армии (мы называли их «парашютистками»). В этот день все девять молодых женщин были собраны в одном блоке, им приказали оставить там обувь и одежду, за исключением платьев. Босиком, они вышли через главный вход, сопровождаемые старшей надзирательницей Рут Нейдек... В тот же час дорога, проходившая перед крематорием и ведшая к заводам Сименс, была перекрыта эсэсовцами.

Несколько дней спустя нумерованные платья несчастных жертв были обнаружены на складе одежды.

...В Равенсбрюке весной 1944 года я впервые услышала о сталинской каторге, которую еще не называли ГУЛАГом...

В марте, если верить загадочным пометкам в моей записной книжке, Грета Бубер-Нойман решила, что должна поделиться со мной всем, что знала сама. К сожалению, я плохо владела немецким, а она совсем не говорила по-французски. Поэтому мы пригласили переводить нашу подругу Аниз Постел-Виней (мы звали ее Даниэль)*. Встречались мы в бараке «антиобщественных», с «блоковой», с которой Грета была знакома. По воскресеньям эсэсовцы отдыхали, следовательно, в этот день мы получали некоторую передышку. Встречались три воскресенья подряд.

* *Аниз Постел-Виней*, так же как и автор этой книги, приняла участие в первой международной конференции «Спротивление в ГУЛАГе», состоявшейся в Москве в мае 1992 года.

Одержимая, как и многие из нас, желанием сохранить все, что знала, Грета последовательно рассказала нам о советской ссылке и о лагере в Караганде. Аниз переводила.

Грета родом из крестьян: отец — консервативный баварец, мать — либеральная пруссачка. В коммунистическую партию она вступила двадцати лет. В 1931 году партиячка посылает ее в Москву, через год она снова возвращается туда, но уже со своим мужем — Хайнцем Нойманом, депутатом, членом ЦК и шеф-редактором печатного органа партии.

Хайнц Нойман — искренний коммунист, блестящий публицист и оратор — был, по всей видимости, одним из тех людей, которые всегда оказываются в гуще международных событий (так, в 1926 году партия направляет его в Кантон разжигать там революцию: тогда она была нужна Сталину, добившемуся переизбрания в ЦК на XV съезде. Позднее он позволил Чан Кай-ши потопить эту революцию в крови...). В год написания «Условий человеческого существования» Мальро* не был в Кантоне, а вот Хайнц Нойман там был.

Однако в 1932 году Сталин вызывает Ноймана в Москву и устраивает ему нагоняй.

С высот ЦК и русской империи он приказал немецким коммунистам голосовать с нацистами против Версальского договора. Немецкие коммунисты действительно были против Версальского договора. Но они вовсе не хотели поддерживать своими голосами нацистов. И все же приказ есть приказ, они повиновались, но неохотно. Сталин упрекает Ноймана как раз в этой пассивности. Он якобы даже обозвал его «сектантом» и еще заметил: «Гитлер тонко чувствует настроения масс...» Что ж, вполне справедливое замечание, необычно лишь слышать его от Сталина.

Подчинившись, но не покаявшись, Нойман возвращается в Берлин, сохранив там свои посты в рейхстаге, в ЦК, в редколлегии «Роте Фане». Два раза подряд — по случаю региональных выборов — он передает приказ Москвы голосовать против Версальского договора, то есть со сторонниками Гитлера. Но не достаточно просто повиноваться и даже быстро повиноваться: следует это делать с удовольствием. А этого явно не заметно...

Во время тех драматических недель, в ходе которых решается судьба Германии, Европы и 50 миллионов человек, которым еще предстоит погибнуть, Нойман получает приказ оставить все свои посты и отправиться в Испанию, где еще не вспыхнул франкистский мятеж. Он огорчен, но повинется...

Грету, мироощущение которой до сих пор определялось преимущественно Пруссией и партийным аскетизмом, настолько потрясло открытие Испании, средиземноморского неба, апельсиновых плантаций, что она долго описывала нам эти красоты в зловещем блоке «черных треугольников».

Что же касается самого Ноймана, то напряженность в Испании, тревожные события в Москве, приход Гитлера к власти, по всей видимости, мешали ему любоваться и небом, и цветущими деревьями. Он пишет письмо одному своему верному другу, доверив его передачу из рук в руки другому верному приятелю. Письмо пересекает без приключений все границы и оказывается у адресата. Однако тот допускает промах: вместо того, чтобы уничтожить, прячет его в квартире. Тем временем слепота

* *Андре Мальро* (1901—1976) — французский писатель, государственный и общественный деятель, антифашист. «Условия человеческого существования» — одно из наиболее известных произведений А. Мальро.

быстрее, все громче: «Links! Rechts! Links! Rechts! Links!» — все быстрее и быстрее.

Вскоре узники, которым отдаются приказания, уже не могут их выполнять. Они спотыкаются, теряют направление. Командир бледнеет от гнева. Он бьет, бьет, бьет — своей палкой. Он держится неподвижно, плечи распрямились, брови вскинуты. В ярости вопит: «Schnell! Schneller! Aber los!» — и при каждом приказе наносит удар.

Вдруг на краю колонны происходит что-то непредвиденное. Он угрожающе подсакивает и наталкивается на брата, который сразу же перестает быть ординарцем. Теперь он играет роль провинившегося узника; он согнулся, ноги дрожат, лицо исказилось, на губах застыло страдание, это губы отчаявшегося человека. Командир перекладывает хлыст в другую руку, правую руку сжимает в кулак и бьет младшего в грудь — это игра, удар понарошку. Малыш зашатался и упал на газон. У командира на губах выступает слюна, он с презрением смотрит на повергнутого узника. Гнев спал. Осталось отвращение. Бьет лежащего сапогом — все это понарошку, он босой. Малыш умеет играть: под ударом сапога он переворачивается, как безжизненный мешок. Вытягивается, открывает рот, в глазах застыла смерть.

Тогда старший хлыстом подает стоящим вокруг невидимым заключенным знак и приказывает: «Zum Krematorium», — и удаляется. Он прям, удовлетворен и брезглив.

Комендант лагеря живет рядом, за изгородью из колючей проволоки, по которой пропущен ток. Кирпичный домик, розы, газон, яркие бегонии в выкрашенных голубой краской ящиках. А между розами и колючей проволокой проходит дорога к печи крематория. По этой дороге на носилках несут мертвецов. Несут одного за другим — весь день. И весь день дымится труба. Течение времени постепенно перемещает на посыпанных песком дорожках и газоне тень от трубы.

Дети коменданта играют в саду. Играют в лошадки, в мяч или... в коменданта и заключенного.

«Конечно, у моей семьи было все. Малейшее желание жены и детей тут же исполнялось. Дети могли свободно развиваться. Жена ухаживала за своим маленьким «цветочным раем».

Рудольф Гесс. Говорит комендант Освенцима

Перевод с французского Л. Новиковой

Алла Макарова

Норильское восстание

Май — август 1953 года

Почему события лета 1953 года в Норильске мы называем «восстанием»

События лета 1953 года в Горном лагере МВД СССР вошли в историю под названием «норильское восстание». Мы сознаем неточность этого термина — восставшие не имели оружия, более того, добровольно отказывались от различных попыток вооружить их.

Сразу скажем, что нами отвергаются названия «мятеж», «волынка» и «массовое неповиновение заключенных лагадминистрации» — термины, которыми пользовались суд, прокуратура, и лагерная администрация, в соответствии с их желанием видеть в протесте заключенных лишь простой в работе и массовое хулиганство, беспорядок, анархию в брошенных надзирателями зонах.

Смысл и суть норильских событий не исчерпываются и словом «забастовка», хотя основной формой протеста против бесчеловечного режима Горлага летом 1953 года стал отказ заключенных выходить на работу, ибо зародившаяся в зонах ненасильственная оппозиция, вынужденная действовать в рамках советской законности, нашла еще множество (небывалых прежде) форм: митинги и собрания заключенных для выработки общих требований, массовая голодовка, письма, жалобы, заявления, просьбы, обращения в Советское правительство и многое другое, о чем пойдет речь ниже.

Можно сказать, что комитетам восставших, взявшим под контроль зоны Горлага, удалось установить максимально демократическое правление, по сути — на короткое время (парадоксально, но факт) создать «республику заключенных».

И хотя термин «восстание» также предложен работниками МВД (во время следствия и суда над руководителями комитетов возникла идея квалифицировать их действия как «антисоветское вооруженное контрреволюционное восстание»), мы остановимся все же на нем, подразумевая не вооруженное выступление заключенных, а его противоположность — «восстание духа» — высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа.

Предпосылки норильского восстания 1953 года

К весне 1953 года в Норильске, согласно цифрам доклада начальника Норильского комбината инженер-полковника В.С.Зверева «О состоянии режима содержания в лагерях и трудового использования заключенных» на партактиве 16 января 1953 года¹, было 35 лаготделений и 14 лагпунктов исправительно-трудового лагеря, а также 6 лаготделений Горного лагеря, причем количество заключенных в ИТЛ в 3,5 раза больше, чем в Горлаге. Число узников Горного лагеря, по разным оценкам, 30 — 40 тысяч человек; очевидно, ближе к истине первая цифра: в номерах заключенных Горного лагеря использовались литеры от «А» до «Я», на каждую литеру приходилось 1000 номеров.

Если ИТЛ в Норильске существовал, со всеми традициями и постоянно расширяющейся географией, с 1935 года, с первых дней интенсив-

ного строительства Норильского комбината, то Горный лагерь — детище послевоенных лет — был создан в результате реализации в 1948 году проекта Абакумова и Круглова, в соответствии с указаниями Сталина об организации особлагов «для содержания особо опасных государственных преступников»². Тогда появились «...на Воркуте — Речлаг, на Колыме — Берлаг, в Тайшете — Озерлаг, в Мордовии — Дубровлаг, в Казахстане — Песчанлаг и Степлаг»³. С августа 1948 года в Норильске начал свое существование Горлаг.

Предшественником его был каторжный лагерь (как и повсюду в СССР, лагеря каторжан были предшественниками особлагов).

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, который не публиковался, был введен особый вид наказания — каторжные работы для фашистских убийц, предателей, пособников оккупантов. Осуждали на каторжные работы сроком от 10 до 20 лет военно-полевые суды. Однако война кончилась, а прерогативу военно-полевых судов взяли на себя Особые Совещания, решения которых никоим образом обжалованию не подлежали. И попасть в эти жернова могли уже не только полиция, но и просто инакомыслящие, подозрительные...» — как писал Д.Волкогонов в «Триумфе и трагедии»⁴. Это же подтверждает Димитрий Панин: «Чекистами были пущены слухи, что в число каторжан попадают только самые матерые изменники, гестаповцы, палачи... Позже, в спецлагах, мы убедились: опасных и крупных военных преступников, пойманных на оккупированных территориях, посылали на виселицу или расстреливали, а мелочь кидали на каторгу... Каторжники, в основном, — это безвредные украинские крестьяне, посаженные по доносам»⁵.

Приговоренных к каторжным работам ни в производственных зонах, ни в жилых не смешивали с обычными заключенными. На одежду каторжан нашивались номера. Их бараки закрывались на ночь. За малейшую провинность каторжан бросали в карцер, причем не на 10 дней (обычное наказание в ИТЛ), а на месяц. Даже тюрьмы для них строились отдельно. В окнах барakov устанавливались решетки. Рабочий день каторжан официально длился 10 часов, но из-за неорганизованности охраны, задержек в пути и на вахтах растягивался до 12 — 14 часов (выход в 7, возвращение в 21 час). Труд их до 1947 года совершенно не оплачивался, с 1947-го по март 1952 года им выплачивалось премвознаграждение — от 30 до 90 руб. в месяц⁶. Зачеты рабочих дней на каторжан не распространялись. С 1946 года даже инвалидов-каторжан не освобождали от тяжелой работы, их также принуждали к непосильному физическому труду. Из Норильска на «материк» их не вывозили, поэтому инвалиды в каторжных зонах составляли 10 — 15 процентов (по данным Б. А. Шамаева: в 3-м лаготделении Горлага в 1953 году из 3,6 тысячи каторжан более 400 были инвалидами). Каторжанам запрещалось получение писем, посылок, денежных переводов от родных. Секретность существования каторжных лагерей, отсутствие прокурорского надзора (свидетельство Б.А.Шамаева: «За восемь лет наш лагерь не посетил ни один прокурор»⁷; даже прокуратура Норильского ИТЛ, по свидетельству Е.В.Павловского, не имела права вмешиваться в дела каторжан и затем всего Горного лагеря)⁸ — все это приводило к полной бесконтрольности, по сути — к беспределу в режиме содержания и эксплуатации труда каторжан.

Все эти страшные черты ужесточенного режима каторжных лагерей 1944 — 1948 гг. (в Норильске каторжные лагеря начинались, по воспоминаниям В.А.Арниса и С.Г. Головки, с двух барakov в 6-м лаготделении

в 1944 году), отличавшие их от обычных ИТЛ, и были широкомасштабно перенесены в государственные особорежимные лагеря при их создании в 1948 году, в том числе — в Горлаг. Отличия были невелики: сняли запрет на письма, разрешив писать 2 письма в год; увеличили с 10 до 12 сантиметров высоту номеров на верхней одежде; подняли и высоту заборов, увеличили проволочные ограждения. Каторжный лагерь, строивший большую обогатительную фабрику, почти полностью был передан в Горный лагерь и назван 3-м лаготделением (каторжанским).

К началу 1953 года в Норильске, в составе Горного лагеря, было шесть крупных (3,5 — 6 тысяч человек) лаготделений. География их такова: 1-е лаготделение, мужское, располагалось в зоне рудника «Медвежий ручей», 2-е лаготделение, мужское, — на Кайеркане, вело работы на шахте № 18 и в Кайерканстрое, 3-е лаготделение, мужское, — между бутовым карьером и цементным заводом в поселке Кирпичном, работало на строительстве и добыче стройматериалов, 4-е лаготделение, тоже мужское, — неподалеку от строящегося (первая очередь сдана в 1949 году) медного завода, в районе сегодняшних норильских улиц Бегичева и Хантайской, а 5-е лаготделение (мужское) и 6-е лаготделение (женское) — по обе стороны старого кирпичного завода, в районе сегодняшних норильских улиц Лауреатов, Кирова и Павлова, были заняты работами на строительстве города, производстве кирпича, добыче глины и т.п. В женском лаготделении, выгородженная проволочным забором, существовала еще зона каторжанок — примерно на 500 человек.

Сильно изменился в эти годы состав лагерного населения: за колючей проволокой оказалось немало солдат и офицеров — участников Великой Отечественной войны, партизан, узников фашистских концлагерей — бывших военнопленных, жителей оккупированных немцами территорий, арестованных нередко «по подозрению» или «за намерение» и названных «изменниками Родины», «пособниками палачей». Смотревшие смерти в глаза, прошедшие через войну, перенесшие голод и множество тягот, они были совсем иным поколением, чем лагерники 30-х годов.

Начиная с августа 1948 года узники в особорежимные лагеря не только ежегодно завозились тысячами, но и рекрутировались по статейным признакам из уже существующих исправительно-трудовых лагерей. Сюда переводили осужденных по ст. 58-1а, 58-16, 58-10, 58-11 и другим пунктам статьи 58, чаще всего участников национальных движений сопротивления из различных областей Украины и Белоруссии, республик Прибалтики, в том числе и зарубежного Сопротивления — из Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, нередко оstarбайтеров и взятых немцами в плен, бежавших из фашистских концлагерей и попавших к партизанам советских подданных или эмигрировавших из Советской России в послереволюционное время беженцев и их детей, подданных других государств. Иностранцев в каждом лаготделении (немцев, поляков, венгров и др.) было несколько сотен (по свидетельству П.Венгрова, в 1-м лаготделении Горлага на Медвежье среди 8 тысяч заключенных было 300 иностранцев; по данным же В.Н.Третьякова, в 4-м лаготделении в 1948 — 49 гг. из 8 тысяч заключенных примерно треть составляли иностранцы, всего же он насчитал в Норильске в лагерях заключенных 68 национальностей)⁹. Немало осужденных попадало сюда из депортированных народов — чеченцев, греков, крымских татар, немцев Поволжья и других. После окончания войны с Японией попали сюда и японские военнопленные, а также члены семей русских железнодорожников, обслуживавших КВЖД (вспоминания Л. Ф. Сухоевовой-Волчановской и др.)¹⁰. Не иссякали потоки